

WE/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 3 (19) 1998

ИВ/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 3 (19) 1998

Международный женский журнал, 1998 №3 (19)

Проект «ВЫ и МЫ» осуществляется Национальным комитетом по исследованию жизни женщин (США) и Ассоциацией журналисток (Россия)

Над выпуском работали:

Надежда Ажгихина, Колетт Шульман, Елена Черкасова,
Мария Литвинова, Ирина Савельева, Лариса Лебедева, Колинн Маккуиллен
Надежда Хлебникова, Людмила Маркелова

В редакционный совет также входят:

Катрина ванден Хувел, Мариам Чамберлен,
Анастасия Посадская-Вандербек, Елена Кочкина, Ольга Липовская, Любовь Штылева,
Лариса Бойченко

Рабочая группа издательства «Эслан»:

И.Матушкина (отв. за выпуск)
К.Федорова, Т.Шишова (компьютерная верстка, оформление),
Л.Лебедева, О.Пилюзина

Отзывы и предложения

Вы можете направить по адресу:

125319 Москва, а/я 43
e-mail ww@sequestr.ru;
sherman CS@aol.com
английская версия в ИНТЕРНЕТ
WWW.NEWW.ORG/VIM

а также:

National Council for Research on Women,
530 Broadway, New York, NY, 10012, USA

ISBN 5-7756-0022-3
ISBN 5-7756-0059-2

© Колетт Шульман, Надежда Ажгихина, 1998 г.
© Художник. Лариса Лебедева, 1998 г.
© Оформление. Издательство «Эслан», 1998 г.

Издание зарегистрировано в Государственном Комитете Российской Федерации по печати 14.10.1997 г.
Регистрационный номер свидетельства 016677.

При перепечатке ссылка на «WE / MY» обязательна

Сдано в набор 3.04.1998. Подписано к печати 14.05.1998. Тираж 5000 экз. Физ. печ. л. 5,0. Загл. 470
Печать офсетная. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика».
Издательство «Эслан» (тел. (095) 151-52-28), издательская лицензия ЛР № 065736 от 11.03.1998.
Отпечатано в Подольской типографии: 142100 г. Подольск, ул. Кирова, 25.

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА	4
ПОСЛУШАЙТЕ ДЕВУШЕК	5
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ	6
ЖЕНЩИНА И НЕВОЛЯ	8
Колетт Шульман. Женщины в тюрьме	8
Надежда Ажгихина. Отверженные	12
Светлана Свистунова. Открытая тюрьма. Что это такое?	13
Татьяна Юрасова. Среди мордовских лесов затерялись...	14
ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	16
Зоя Хоткина. Созидющий диалог: свобода быть собой!	16
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ (Надежда Хлебникова)	21
Любовь Штылева. Конгрессу женщин пять лет, что дальше?	21
Говорят лидеры Конгресса женщин Кольского полуострова	24
Евгения Зимина. Руководить — занятие не для слабонервных	25
Надежда Хлебникова. «Арматор»: дела идут в гору	26
Евгения Зимина. Чтобы рос малыш здоровым	28
Людмила Карху. Экология и самочувствие горожан	29
Людмила Карху. За частоколом побед	31
Людмила Карху. Женщины могут	33
Евгения Зимина. Мамочка, любимая...	34
ПСИХОЛОГИЯ	35
Виктор и Ирина Каган. Наедине со стрессом (беседа вторая)	35
МЕЛОЧИ ЖИЗНИ	39
Елена Черкасова. Женщины на дорогах	39
ИСКУССТВО	40
Ката Поллит. Пропустите женщин и детей!	40

Я большая сторонница Организации Объединенных Наций, но я не отправляюсь туда на заседания, чтобы обрести вдохновение: слишком часто делегаты говорят на том своеобразном дипломатическом языке, которым пользуются правительства всего мира. Представьте же мое удивление, когда я услышала в здании ООН восхитительное и очень трогательное выступление юных девушек 13–18 лет из восьми стран мира, приехавших в Нью-Йорк на ежегодную сессию Комиссии по статусу женщин. В этом году Комиссия обсуждала ситуацию молодых девушек во всех странах мира, а также три другие части Пекинской платформы действий.

Это выступление перед большой аудиторией было удачно названо «Послушайте девушек», и мы действительно слушали их как заговоренные. Восемь из 15 девушек выступили: они коротко и живо высказались по актуальным вопросам, с которыми сталкиваются молодые девушки в их странах. Милена Сильва из Бразилии охарактеризовала неравенство мужчин и женщин как «одну из величайших мировых проблем». Девушкам в этой стране рано приходится бросать учебу; часто они оказываются на улице, будучи втянутыми в преступность и проституцию. Когда женщины получают образование, говорила она, от этого выигрывает вся семья. «Мы должны преодолеть тот миф, что мальчики должны быть сильными и властными, а девушки только приятными и симпатичными. У парней не отваливаются руки, если они будут мыть посуду, а девушки могут работать на компьютерах и быть дипломатами». Клаудиа Ахумада сказала нам, что в Чили люди даже не признают, что у девушек есть права человека, в том числе право не подвергаться сексуальным домогательствам. Изнасилования происходят повсеместно — каждый год около 40 тысяч девушек-подростков беременеют, многих исключают из школы, а другие сами уходят из стыда, потому что общество говорит им, что они сами виноваты. Образование и контрацепция необходимы, но еще более необходимы культурные изменения, которые повысили бы самооценку девушек. Аделина Коай из Сингапура сказала, что девушки с низкой самооценкой передают ее по наследству своим дочерям: «Только когда научишься любить себя, сможешь по-настоящему любить других».

Канти Хаджа сообщила, что в Непале 62% девушек выходят замуж к 16 годам, и слишком ранние роды приводят к высокому уровню материнской смертности. Девушки почти не получают образования, а когда оба родителя работают вне дома, девушка должна вставать рано утром и до школы успеть сделать всю работу по дому. Кемма Дамба-Даньо сказала, что в Гамбии, Африка, 70–80% девушек подвергаются уродующим генитальным операциям — как правило, это обрезание клитора. Большинство браков устраиваются без согласия девушек. Она не смогла сдержать слез, когда рассказывала о том, как ее сестра умерла в родах, бывших результатом изнасилования, и как она сама стала ухаживать за ребенком, который тоже потом умер. Кемма, 17 лет, которая учится в школе, присматривает за двумя другими детьми ее умершей сестры.

Кто-то из аудитории спросил, как сами девушки обрели свое такое очевидное самоуважение. Несколько из них ответили, что в этом сыграли большую роль их матери. Девушка-американка сказала, что от обоих родителей она получала безусловную любовь и поддержку: «Мой отец — не такой, как большинство мужчин». Другие считают это заслугой школы или сообщества, которые поддерживали и поощряли их. Другой вопрос был от преподавательницы из Мальты, которая сказала, что теперь она гораздо более внимательно будет прислушиваться к своим ученицам. Она спросила выступавших, как они собираются продолжать свою замечательную работу. Девушка из Гамбии ответила, что она будет работать над укреплением связей между школой и сообществом, организовав силами своих одноклассников создание и постановку небольших пьес, которые выражали бы их взгляды и потребности, и приглашая на эти представления жителей своей местности. Другая сообщила, что хочет стать консультантом для девушек в своей стране. Эмма Мирзоян из Еревана сказала мне о двухгодичной послешкольной программе обучения лидерству под названием «Женщины 21 века», которую организует Женский совет Армении. Эмма — выпускница этой программы. Сейчас она работает секретарем Женского совета и приглашает других девушек-старшеклассниц пройти программу.

В завершение Джанет Нельсон, глава неправительственной секции ООН, отметила те тяготы, которые пришлось пережить некоторым из этих девушек, и рассказала о том, какая смелость им потребовалась, чтобы приехать в Нью-Йорк и поделиться своими мыслями и чувствами. «Нам необходимо, — сказала она, — создать мощные национальные коалиции, которые способствовали бы включению проблем молодых девушек в политическую повестку дня».

Коалиции начинаются с тысяч различных местных инициатив, направленных на улучшение положения девушек. Одним из замечательных примеров таких действий является издание в Набережных Челнах журнала для девушек и молодых женщин под названием «Девочки просят внимания». Журнал имеет необычный дизайн и иллюстрации и содержит практические, полезные и интересные статьи о воспитании самоуважения, о том, как избежать сексуального нападения, о контрацепции и планировании семьи, интервью с женщинами разных профессий, поэзию и массу других вещей. Мне очень нравится этот журнал, и я надеюсь, что когда его инициаторы, его создатели оставят журнал, чтобы идти дальше своими разными путями, они приведут в ряд коллегию новых девушек и найдут способ продолжить издание журнала. Это задача, которая хорошо знакома нам с Надей Ажгихиной.

Мы, женщины, думаем, что знаем, как строить отношения с нашими дочерьми — это с мальчиками нам нужна помощь, очень большая.

В следующем номере журнала мы поговорим о том, как «растить мальчиков», об этом расскажет центральный раздел. Правда же в том, что помощь требуется в обоих случаях. Хотя бы потому что мы сами когда-то были очень молоды и помним, какого было чувствовать себя под постоянной опекой, и в то же время никем не услышанным. Это, в частности, обязывает нас, женщин, «послушать девушек».

Колетт Шульман

ПОСЛУШАЙТЕ ДЕВУШЕК!

Гаяне Марукян,
14 лет, Ереван, Армения

Дамы и господа, я хотела бы сказать, что очень счастлива и горда тем, что принимаю участие в 42-й сессии Комиссии по статусу женщин. Я расскажу вам о положении девушек и женщин в нашей стране.

В Армении много женских организаций, но к сожалению, никто не обращает внимания на ту работу, которую они ведут. Я думаю, что здесь большую роль могут сыграть девушки. Их жалобы могут помочь решить некоторые из проблем, но для этого нам, девушкам, нужно организоваться, объединиться и действительно выйти в жизнь. В нашем правительстве есть только одна женщина — министр социальной защиты.

В школах и институтах около 60% студентов — девушки, но если в семье есть девочка и мальчик, родители часто решают, что высшее образование будет получать мальчик. Путь девушки — замужество. Девушки в нашей стране часто выходят замуж в 16–18 лет, а в 19–20 они уже имеют своих детей. Мужчина — глава семьи, а женщина должна сидеть в углу. Мужчины принимают решения за всю семью и не позволяют высказаться женщинам. Дома мальчикам предоставляют больше свободы, чем девочкам, они могут делать что хотят, а девочки — только то, что им скажут. То же относится и к школе. Во время дискуссий мальчики всегда хотят, чтобы мы их слушали, и не дают нам ничего сказать о наших человеческих правах. Учителя уделяют мальчикам больше внимания, чем девочкам, и мальчику легче получать хорошие отметки.

На работе девушки и женщины всегда на втором месте. Мужчины не хотят уважать в них человека, который может работать. Женщины должны делать то, что им скажут мужчины, а если они заикнутся о своих правах, то через несколько минут потеряют работу. Большинство безработных — женщины, поэтому для девушек учиться в институте или искать работу — часто пустая трата времени.

В нашей стране мы должны платить за медицинское обслуживание. Девушкам нужно проходить медицинские осмотры, а беременные женщины должны ходить к врачу 1–2 раза в месяц, но из-за того, что нужно платить, они часто не могут ходить к врачу.

Проблема равных возможностей для женщин также важна и для девушек. Наши социально-экономические трудности ставят проблемы для семей, заставляя их решать, кто получит лучшее образование. Раньше и даже сейчас процент образованных женщин в нашей стране выше, чем мужчин. Наша организация беспокоится, что при новых условиях у девушек возникнут новые проблемы, когда семьи будут считать образование мальчиков более важным, чем образование девочек. Общество подняло эту проблему, но решения правительства пока не учитывают реальную жизнь.

Решение этих вопросов должно быть целью для нашего поколения, и я считаю, что от нас многое зависит. Мы должны быть активными и решительными. Девушки должны верить в себя.

Поздравляем!

Мариам Чамберлен — 80!

В пятницу, 24 апреля 1998 г. Мариам Чамберлен исполнилось 80 лет. Мариам получила докторскую степень в области экономики, преподавала в университете, в период II Мировой войны работала в государственных структурах США. Много лет отдала работе в Фонде Форда, где помогла основать программу «women's studies» (об этом подробно вы можете прочесть в «WE/MY» №2 (18) 1998). Она основала Национальный Совет по исследованию жизни женщин, в котором продолжает тру-

диться и по сей день. Наконец, Мариам Чамберлен — член редакционного совета нашего журнала.

(На фото Мариам Чамберлен и Колетт Шульман за несколько дней до юбилея в Национальном Совете по исследованию жизни женщин. Нью-Йорк)

Друзья поздравили Мариам в субботу 25 апреля, вечеринка состоялась в весеннем саду. Среди поздравлявших были: Дебра Шульц, Анн Сниттоу, Марджори Литман, Кэтрин Стивенсон, Колетт Шульман.

В адрес героини торжества прозвучали тосты, приветствия, в которых подчеркивалось исключительное влияние Мариам Чамберлен на исследовательниц разных поколений из разных стран.

«Как настоящий демократ, Вы слушаете всех и говорите со всеми — с открытым сердцем. Я восхищаюсь Вами как самым доброжелательным человеком, которого я знаю, хотя Вы никогда не теряете и здорового критицизма. Другая черта, которая меня восхищает — это подлинный интернационализм. Женщины со всех стран находят дорогу к Вам в Национальный Совет. И Вы всегда находите время помочь им и наладить women's studies в их странах.» — сказала Дебра Шульц.

«WE/Мы» присоединяется к поздравлениям коллег и желает Мариам Чамберлен здоровья, вдохновения и исполнения всех желаний.

Редакция «WE/Мы»

Обратная связь

Дорогие подруги! Российские и американские! Мне совершенно случайно удалось прочесть четыре номера вашего женского журнала. Любопытно. Читали в нашем маленьком конструкторском бюро одного из столичных заводов. У нас в КБ работают одни женщины. Мы не читали остальных номеров и не знаем ваших планов, но хотелось бы, не давая оценку этим номерам, узнать побольше об американских женщинах, их заботах, мечтах, отношениях к работе, служебному росту.

И хотелось бы читать про проблемы американских женщин наряду с материалами по аналогичным проблемам российских женщин, а может быть даже и с каким-то сравнительным анализом, сделанным специалистом по данному вопросу. А может быть, проблемы у нас совершенно разные?

Например, нам интересно было бы знать, какие отношения у женщин Америки и России с религией? Несмотря на то, что религии у нас разные и в нашей стране долгое время у государства отношения были перпендикулярные, а в Америке без религии ни одно начинание не обходилось, все-таки интересно, также у них в церковь ходит больше женщин, чем мужчин, как у нас в России, или наоборот? Кто из родителей в семье ориентирует ребенка на религиозное воспитание?

У нас в России, как нам кажется, после так называемой «перестройки» и появления на книжных прилавках изобилия книжной продукции всех сортов, падает интерес к серьезному чтению (исключая специальную литературу по работе), к русской и зарубежной классике. Дети просто помешались на компьютерных играх и, кстати, американских боевиках. Читать перестали совсем и это озадачивает. Пенсионеры-старушки плачут над мексиканскими сериалами, а женщины вдыхают ароматы богатой жизни и необыкновенной любви со страниц любовных романов. Как пережили американские женщины этот «бум» цивилизации, или плюнули и пустили на самотек?

В нашем маленьком коллективе никто не был, да, по всей видимости, и не будет в этой огромной стране Америке, которую мы всегда догоняли и «перегоняли». Сейчас мы приблизились к ней из-за большого потока информации, и это хорошо, но недостаточно. Мы слышаны, что американские женщины очень эмансипированы и независимы. У нас женщина, в большинстве своем, независима от мужа, очень самостоятельна, но в то же время является заложницей неустойчивого быта, материальной необеспеченности, плохих жилищных условий. В Америке наверняка женщина не живет со свекровью, со снохой или зятем в двухкомнатной квартире с одной плитой и одним холодильником, т.е. коммуной. Интересно, как у американских женщин разделяется домашняя работа между членами семьи? Что в семье делает муж? Умеет ли он починить водопровод? электрические приборы? построить дачу? починить свою легковую машину? вскопать огород в двадцать соток, засеять его картошкой, ухаживать за ней все лето, а затем собрать урожай? и это при полной рабочей неделе. Варит ли женщина первое, второе и т.п. или она пользуется полуфабрикатами, разогревая их во вредной для здоровья микроволновой печи? Убирает ли она квартиру без моющего пылесоса? стирает без стиральной машины? и сколько при этом (имея, например, двух детей) она занята на своей работе? Как участвует она в общественной жизни? У нас в КБ есть такие женщины, которые все это делают, и даже без мужа.

Простите, что наше письмо затянулось. Но очень хочется, чтобы тоненькая ниточка вашего женского Диалога не оборвалась, а стала шире и доступнее.

Спасибо за ваш труд, милые женщины.

От имени маленького КБ

Ю.Пинчук

Дорогая Линн Виссон!

Я с удовольствием прочитала твою статью в журнале «ВЫ и МЫ» №3 «Российско-американские браки: притяжение противоположностей». Это очень любопытно. А в №4 я прочитала письмо американки Елены Гошило, в котором она, помимо отзыва на первые номера журнала, касается и этой статьи. В чем-то вы правы, американские подруги, а в чем-то позвольте и мне высказать взгляд на российско-американские браки или, хотите наоборот, американо-российские браки.

Уже в названии статьи мне кажется какой-то подвох. Почему противоположностей? Что здесь имеет в виду автор? Образ жизни? Материальное благосостояние? Черты характера? Многие чисто русские браки на этом основаны. Россия большая, и образ жизни глухой провинции резко отличается от образа жизни столицы, а мне помнятся повальные браки москвичей-мужчин с девушками-лимитчиками, когда москвички оставались одиночками. Материальное благосостояние не последнее дело при образовании молодой семьи. И очень возможно, что тот или иной супруг имеет больше материальных возможностей и преимуществ в карьере, чем другой, и в российских браках. Так в чем же дело? Какие противоположности имеются в виду? Мне кажется, противоположность одна — это противоположность полов, а уж с учетом специфики наших стран и разные требования к браку. Неоднократно читала брачные объявления и наших российских мужчин и иностранцев, в том числе и американцев. Что у тех, что у других требования мало отличаются друг от друга: молодую, красивую блондинку, в случае иностранца можно продолжить — знающую английский язык. Иногда имеется даже фото. Контингент мужчин и наших, и ваших один и тот же в смысле возраста. Они гораздо старше требуемой невесты, уверены, что сами аполлоны, и не желающие учиться русский язык, чтобы пообщаться с русской женщиной. Пусть она знает иностранный!

Да, действительно, у некоторых русских женщин есть какие-то критерии материальной обеспеченности будущего супруга, но они же есть и у американской женщины. Недаром, Линн, и вашим героиням не все равно, в каком районе жить и какую карьеру он делает. А тем временем, пока нет избранников, и мы и вы сами потихоньку делаем карьеру, обзаводимся какими-то материальными благами и становимся совершенно самостоятельными и более требовательными к мужчине. Число одиноких женщин растет и у нас, и у вас. Это общее.

Хочу сказать, что, наверное, и я бы вышла замуж за американца или русского, если бы нашелся такой мужчина, который уважал и понимал меня, не имел корыстных целей и, конечно, в любом случае жил бы в России. Хороша страна Америка и хотела бы ее посмотреть, но жить надо в России. Сейчас тут все интересно, неожиданно, ново, ни на что не похоже.

С добрыми пожеланиями в дальнейшем изучении характера русских женщин,

Елена,
г. Москва

Обратная связь

Большое спасибо редакции и гостям-редакторам Ларисе Бойченко и Наталье Красавцевой за прекрасные публикации о Карелии. Мне довелось несколько лет жить в этом удивительном, богатом природой и талантливыми людьми краю, и статьи как будто вернули меня в прошлое. Очень интересно было узнать о том, как живут женщины республики сегодня. Надеюсь, вы будете продолжать знакомить читателей с жизнью, заботами и успехами наших соотечественниц из городов и сел, разбросанных по нашей большой стране.

С уважением

Семина Валентина Игоревна.

Журнал выиграл от цветной вкладки иллюстраций. Хотя подбор материала вызывает желание поспорить. Предлагаю ли вы продолжить разговор об искусстве на Западе? Мне на глаза попался любопытный сборник «Angry Woman» об американских феминистских перформансах. Было бы любопытно прочесть что-нибудь на этот счет.

Вадим Брыль

Белла Абзуг: непобедимая, незаменимая

31 марта 1998 г

Сегодня умерла Белла. Она отважно боролась за жизнь

после операции на открытом сердце — «починки прохудившегося клапана», как говорила она сама. Ее сердце оставалось сильным до конца, но с пневмонией справиться не удалось. Родные и ближайшие друзья были подле нее; держась за руки, они пели ее любимые песни. Хотелось верить, что она знала: мыслями все мы тоже рядом с ней. Ради нас она выдержала столько сражений и никогда не пасовала перед самой жесткой и яростной оппозицией.

Белла сыграла колоссальную роль в женском движении. В течение трех своих сроков в Конгрессе (1971-1977) и двух предвыборных кампаний (на посты первой женщины-сенатора и первой женщины-мэра Нью-Йорка), она с головой ушла в решение женских проблем на международном уровне. И хотя она проиграла на тех выборах, ее борьба продвинула нас далеко вперед на пути прогресса. Национально признанный лидер женского и антивоенного движений, она вышла на международную арену и взяла на себя огромную ответственность: отстаивать права женщин во всем мире, противостоять таким глобальным проблемам, как бедность, дискриминация, вооруженные конфликты, загрязнение окружающей среды. Всех поражали и восхищали ее речи, страстные, острые, бесстрашные... и еще — ее фантастические шляпы, всегда элегантные, всегда в стильной цветовой гамме. «Я открыла для себя шляпы, когда только начинала работать адвокатом, — любила вспоминать Белла. — Дело в том, что в шляпе меня принимали всерьез». Но, честно говоря, для этого ей не нужна была шляпа. Достаточно было ее голоса, который шел от самого сердца:

«Мы не стремимся сделать женское движение основным течением загрязненной реки. Мы хотим очистить эту реку, превратить мутный поток в прозрачную, проточную воду. Мы выступаем против насилия, нетерпимости, неравенства, несправедливости. Мы боремся за то, чтобы жизнь была достойной, а мечты — осуществимыми. Мы выступаем за семьи без насилия, улицы без насилия, границы без насилия. Наши задачи — противостоять ядерной угрозе, строить общества, основанные на истинной демократии, а не на лицемерии... сохранять и укреплять семьи, создавать сообщества. Наша главная цель — раз-

Уважаемая редакция!

Статья Галины Скороходовой в №2 (18)1998 о мировторческой конференции женщин в Ростове-на-Дону меня поразила. Быть может, я покажусь наивной, но мне кажется, что только женщины

могут предотвратить новую мировую войну. Я слышала о многих женщинах, работавших и работающих в зонах конфликтов. Хотелось бы получить более подробную информацию. Может, я также смогу чем-то помочь?

Заранее благодарю

Вера Игнатьевна Буркова
г.Ногинск, Московской обл.

рушить ту Великую Стену, которая окружает женщин во всем мире».

Белла была одним из главных организаторов Всемирного Женского Конгресса «За здоровую планету», прошедшего в ноябре 1991-го, в Майами, Флорида. Полторы тысячи женщин из 83-х стран работали над «Женской программой 21», «теневым документом» к Программе 21, подписанной на Всемирном Саммите 1992 года. Результатом работы конгресса стало создание WEDO — международной организации по защите прав женщин, охране их здоровья и благополучия и охране окружающей среды.

Белла родилась в 1920-м, в том самом году, когда американские женщины получили право голосовать на выборах. В 1944-м она вышла замуж за Мартина Абзуга, который до самой его смерти (в 1986-м) оставался ее верным спутником и ближайшим другом. У них две дочери: Ева — художница и социальный работник, и Лиз — адвокат. С ними сейчас наши мысли и наша благодарность.

Энн С. Уокер

Международный Женский Центр, Нью-Йорк Сити.

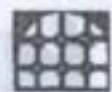
Посвящается Белле

Вчера, 31 марта, госпожа Белла Абзуг ушла от нас. Тысячи женщин в разных уголках земли должны вне всякого сомнения лить слезы узнав об этом. И мы сами не можем поверить в то, что она ушла. Можете ли вы представить всемирную встречу без нее? Что вы не увидите эту впечатляющую женщину, входящую в комнату и говорящую столь бесстрашно? Не видеть больше ее прекрасных шляп? И ее вдохновляющей легенды?

Белла посвятила большую часть жизни борьбе за права женщин, она боролась со страстью, которой мы никогда не забудем.

Как лидер мирового масштаба она научила нас многому. Сегодня мы должны сказать прощай. Она научила нас не обращать внимания на трудности, так что сейчас мы обязуемся сами продолжать борьбу за гендерную справедливость на всех уровнях. Это и есть лучшее, что мы можем посвятить Белле.

Селита Эшчер
Генеральный координатор Международной
Организации по вопросам гендера и образования.

Женщина и неволя

Колетт Шулман

ЖЕНЩИНЫ В ТЮРЬМЕ

Когда я писала эту статью, я пережила ощутимые перепады настроения. Это было похоже не столько на качели — то вверх, то вниз — сколько на спуск с горы на лыжах: вначале трасса идет плавно, потом резко вниз и наконец, достигнув низшей точки, слегка вверх. Вначале я испытала сомнение и скептицизм. В чем смысл всего этого упражнения? Зачем читателям в России или в любой другой стране знать о судьбах женщин в американских тюрьмах, когда даже в своей стране мы о них практически не задумываемся, если только эти женщины нам не родственницы или друзья. В этом отношении верна поговорка «с глаз долой — из сердца вон». Я сама живу недалеко от федеральной женской тюрьмы, проезжала мимо нее буквально сотни раз и лишь иногда задавала себе вопрос: а что там происходит? Чаще всего я морщусь при взгляде на надпись на воротах «Федеральное исправительное учреждение» и ворчу по поводу того, что «они могли бы честно назвать это тюрьмой», хотя знаю, что это название уходит корнями далеко в историю нашего государства, когда тюрьмы были задуманы как места не только заключения, но и реабилитации.

Несмотря на свой скептицизм, я, как ответственный журналист, решила побольше узнать об этой трудной теме. Я отправила факс начальнице находящейся по соседству тюрьмы, прося разрешения посетить тюрьму и поговорить с несколькими из заключенных. Я получила в две общественные организации и попросила об интервью. Ожидая от них ответа, я прочитала целую стопку статей и докладов о тюрьмах в целом и о женских в частности. У меня было ощущение, что меня окатило холодной водой — куда делся мой скептицизм и чувство, что все это от меня далеко. Я уже была вовлечена в проблему, если еще не на эмоциональном уровне, то на интеллектуальном — несомненно.

Но вначале, дорогая читательница, я хочу предложить вашему вниманию кое-какую информацию и статистику, которую я почерпнула из прочитанного. Прошу тебя запастись терпением. Я знаю, что статистика воспринимается с трудом, но эти сведения очень важны, так как помогают лучше понять рассказы самих женщин.

* С 1980 г. число женщин, попадающих в американские тюрьмы, выросло почти на 400%, при этом количество заключенных мужчин за тот же период выросло только на 200%. Общее число заключенных (мужчин и женщин) выросло с 329.821 — в 1980, до 1.053.738 — в 1994 и до 1.700.000 — в 1997.

* В начале 1998 г. в тюрьмах находилось более 78.000 женщин (6,4% от общего количества заключенных). Большинство женщин попали в тюрьму за ненасильственные преступления, связанные с наркотиками. У этих женщин низкий образовательный уровень, отсутствуют профессиональные навыки для получения работы, а их уголовная деятельность неразрывно связана с наркоманией и бедностью.

* Законодательство об обязательных минимальных сроках тюремного заключения за ряд преступлений является главной причиной резкого увеличения числа женщин в тюрьмах. Судьям не позволено снизить срок за правонарушение, по которым законом установлены минимальные сроки наказания. Каждый третий заключенный в федеральных тюрьмах сидит за мелкие преступления, связанные с наркотиками, — как правило, это продажа небольшого количества наркотика для того, чтобы заработать денег для собственного потребления. То же самое верно для большинства тюрем штатов. К примеру, в штате Нью-Йорк, человеку, осужденному за однократную продажу двух унций кокаина или героина, грозит тот же срок,

что и убийце — от 15 лет до пожизненного заключения.

* Более 75% женщин-заключенных имеют детей, и у двух третей этих матерей хотя бы один ребенок моложе 18 лет. Кто заботится об этих детях? Как правило, не отец. Чаще всего заботу о детях берут на себя бабушки и дедушки. В одном из исследований около 10% матерей сообщили, что их дети отданы в приемную семью или в детский дом.

* Только 9% заключенных женщин, имеющих детей до 18 лет, виделись со своими детьми с тех пор, как оказались в изоляции от внешнего мира, — об этом свидетельствует одно из исследований.

* Более 60% женщин в тюрьмах страдают психическими заболеваниями — главным образом это посттравматический стресс и тяжелая депрессия.

В то время, как я поглощала эту информацию, стараясь представить за статистическими цифрами живых женщин из плоти и крови и все более теряя душевный покой, мне позвонили из близлежащей федеральной тюрьмы и передали разрешение через несколько дней посетить их учреждение.

Меня уже проверили на безопасность, пропустив мой номер социального страхования через компьютер. Я заранее вынула из сумочки все предметы, которые запрещено проносить в тюрьму. Я забыла вынуть лишь кусок жевательной резинки, которая и была изъята на входе охранником (заключенные используют жевательную резинку, чтобы блокировать замки в дверях). Охранник передал меня под опеку Мод Макатур, координатора родительской программы при тюрьме, и она проводила меня в зал свиданий, где заключенные встречаются с семьей, друзьями и другими людьми с воли. К этому помещению примыкает отдельная, свежестроенная и обставленная комната, где матери могут играть со своими маленькими детьми. Свежевыкрашенные в пастельных тонах стены, новые стулья и игрушки, автоматы с газированной водой и сэндвичами — хотя нет сомнений, что это казенное учреждение, здесь светло и уютно. Администрация тюрьмы проявила себя с самой лучшей стороны. Ко мне направляются четыре молодые на вид женщины, опрятно одетые в брюки и рубашки цвета хаки, ухоженные, с ярко накрашенными губами. Для них беседа с журналисткой означает свободное от работы утро — маленький праздник. Все четверо попали в тюрьму за преступления, связанные с наркотиками, за которые полагается минимально допустимый срок. Они отбывают наказание в федеральной тюрьме, а не в тюрьме штата, потому что их преступления подпадают под категорию федеральных, то есть таких, в которых пересекались границы штата или преступление было совершено на федеральной территории. Я беседовала с каждой женщиной наедине в течение примерно 25 минут. Для начала я спросила, что было для них самым тяжелым моментом, когда они попали в тюрьму — помимо того, что их лишили свободы. С этого момента беседа шла легко. Женщин проинструктировали, что они должны говорить о достижениях в тюрьме, о родительской программе, а сами они захотели рассказать мне о своих детях и о том, что они узнали и поняли, находясь в тюрьме.

Морин Лоренс, 38 лет, афро-американка, общий срок 9 лет, из них 4 она уже отбыла, 4 еще осталось, и на один год ее срок был сокращен за то, что она прошла организованную в тюрьме программу лечения наркотической зависимости. У нее четверо детей, самому младшему сыну сейчас 14 лет. «Тяжелее всего в тюрьме мне было привыкнуть к тому, что я ничего не могла сделать для своих детей. Я всегда старалась сделать все, чтобы их жизнь была лучше, чем моя... Мой муж служил в армии, и когда он вернулся, я не смогла справиться с более упорядоченной жизнью, которая началась с его приходом. Я не находила себе места. Я чувствовала себя словно в заточении, как будто на меня взвалили непосильное бремя. Поэтому я сорвалась с места и уехала в Балтимор, на время оставив детей.

По словам самой Морин, к моменту ареста по обвинению в торговле наркотиками «я чувствовала, что не

Женщина и неволя

справляюсь с жизнью. Я постоянно была в депрессии, у меня были приступы тревоги и страха. Мне было очень тяжело морально... Когда я попала в тюрьму, в первый момент это ощущалось, словно у меня сердечный приступ. Я была в ужасном стрессе и болезненно реагировала на все. Когда я жила на воле, я пыталась все контролировать, а здесь, в тюрьме, я поняла, что уже ничего не могу контролировать.

«Когда меня арестовали, одному из моих сыновей было 13 лет, и я очень беспокоилась за него. Вначале он словно обезумел, бросил школу, никого не слушал. Старшая дочь, ей 18 лет, старалась, чтобы все дети остались вместе, но для нее это было слишком трудно. Мой 13-летний сын в итоге попал в приемную семью. Я ужасно переживала из-за этого и наконец с помощью Мод Макатур удалось забрать его из приемной семьи и отправить на 18 месяцев в интернат, где очень строгая дисциплина, как в военном училище. Сейчас я им очень горжусь, он занимается футболом, легкой атлетикой и другими видами спорта и будет поступать в колледж.

«Мне здесь были очень полезны программы по наркотикам, по травматическому стрессу и родительская программа. Я получала индивидуальные консультации, и у нас были групповые дискуссии. Это хорошая сторона тюремного заключения. Родительская программа — это как платный вход — платишь свою цену и получаешь доступ к социальному работнику и другой помощи, которая тебе необходима, когда угрожают твоим правам матери. Мод Макатур не дает нам забыть об этом.»

В тюрьме Морин работает секретарем у Мод, содержится в порядке ее дела и ведет статистику. «Я люблю цифры,» — сказала она.

Морин сказала мне, что ни разу не испытала в тюрьме сексуальных приставаний, но иногда некоторые из охранников разговаривают с ней неуважительно. Большинство охранников мужчины. В этой тюрьме до 1994 года содержались в основном мужчины, после чего она стала исключительно женской тюрьмой.

Альтаграция Монталья, 36 лет, испано-американка, приехавшая в США из Доминиканской Республики в возрасте 13 лет. Ее срок — 8 лет, 2 из них она уже отбыла, 5 осталось и 1 год был снят за то, что она прошла программу по наркотикам. У нее пятеро детей, младшему было 4 года, когда она попала в тюрьму.

«Самым тяжелым для меня было то, что все вышло из-под контроля, и с этим пришлось смириться». Отец ее двоих детей, который никогда не помогал их растить, сказал, что пока она в тюрьме, он позаботится о детях. «Две недели все было прекрасно, а потом мне прислали документы о разводе из суда, где он просил, чтобы ему полностью отдали детей. У меня было 35 дней, чтобы оспорить развод. Мне нужен был адвокат. Я отправила множество открыток детям и не получила ответа, а каждый раз, когда я пыталась позвонить, там был автоответчик. Мне было очень тяжело, я думала, что дети больше меня не любят. Г-жа Мод Макатур помогла мне, она много раз звонила в суд. Я написала письмо судье, и нам удалось все изменить. Судья разрешил мне видеть детей, и их отец теперь должен привозить их на свидание со мной. Я привыкла к тому, что все должно быть по моему. Здесь, в тюрьме, я перестала беспокоиться о многих вещах. Я чувствую себя более уверенно, я прощаю себя, но я не собираюсь возвращаться к своему прежнему поведению. Я горжусь собой — я только что получила аттестат об окончании школы.»

В тюрьме она занималась различными видами работ — оформляла территорию, была слесарем-сантехником, снимала измерения приборов на электростанции и проверяла уровень воды в бойлерных котлах. Она горда тем, что была неформаль-

ным консультантом многих заключенных, помогая им решать их психологические проблемы. Она рассказывает про компьютерный курс, один из самых популярных, который открыт только для тех, кому скоро предстоит выйти из тюрьмы.

Томасина Джадж, 32 лет, афро-американка, отбывает 8-летний срок за торговлю наркотиками. Она уже отбыла 3 года, 4 осталось, один год был снят за прохождение антинаркотической программы. У нее двое детей, которым сейчас 7 и 8 лет.

«Тяжелее всего для меня, когда я попала сюда, было продолжать общаться с детьми и поддерживать связь с ними».

Отец детей отбывал срок в тюрьме, а затем был депортирован на Ямайку. Ее сын отправился жить с родственниками в штат Нью-Джерси, ее собственный отец забрал ее дочь, и это тяжело для Томасины, поскольку долгое время она чувствовала, что они с отцом чужие друг другу люди. «Я не часто вижу детей. За эти три года я видела сына только три раза, а дочь вообще не видела, потому что мой отец считает, что ей не следует со мной видеться. Я пишу ей, посылаю фотографии, и мы общаемся по телефону. Мне пришлось научиться принимать свою семью такими, как они есть. Раньше я плакала и думала, что если бы была жива моя мама, она была бы на моей стороне».

Томасина критиковала медицинское обслуживание в тюрьме. Когда заключенные жалуются на боли, а они это делают часто, поскольку пытаются использовать любого человека и любую ситуацию в свою пользу, тюремные власти говорят, что эти боли от нервов. Но у Томасины действительно была грыжа и ей, по ее словам, было так больно, что она с трудом двигалась. Ей пришлось заполнить официальные бумаги с просьбой о медицинской помощи, и прошло некоторое время, прежде чем просьбу удовлетворили.

Томасина поет в тюремном хоре и изучает Библию. «Религия — важная часть моей жизни». Она перепробовала все программы досуга — работу с фетром и кожей, керамику, изготовление украшений и рисование карикатур. Сейчас ее работа в тюрьме заключается в том, что она разгружает грузовики, и при этом очень гордится своей физической силой. Она предполагает, выйдя из тюрьмы, заняться строительными работами.

Майра Херес, 41 год, испано-американка, приехавшая в США из Доминиканской Республики в возрасте 16 лет. Ее срок — 5 лет, 3 из них она уже отбыла, 1 осталось и 1 год был снят за то, что она прошла программу по наркотикам. У нее двое детей, сыну 17, дочери 9 лет.

Майра — очень красивая женщина, у нее длинные черные волосы и темные глаза. У нее есть муж, который ее поддерживает, отец и мачеха, которые приезжают к ней и привозят детей почти каждую неделю.

«Здесь, в тюрьме, я лучше узнала себя. Я поняла, что создана не только для того, чтобы заботиться о других. Я никогда не выражала открыто свои мысли и чувства. Одним из моих слабых моментов была недостаточная уве-

ренность в себе. Мне пришлось учиться быть более уверенной и более независимой».

«Мой сын был расстроен, но не говорил об этом. Родительская программа помогла мне наладить контакт с ним, написать ему, обсудить то, что произошло и сказать, что мне очень жаль, и не лгать ему. Я знаю, что у него еще осталась обида, но он уже более открыт об этом говорит. Я вижу своих детей чаще, чем другие женщины здесь, поэтому я вызываюсь работать добровольцем в детской комнате, чтобы помогать другим».

До тюрьмы Майра закончила школу и два года проработала в колледже. Она работала клерком в кредитном отделе банка и хотела бы вернуться работать в

Майра Херес, ее дочь и подруга дочери

банк в каком-либо качестве. В тюрьме сейчас она работает в столовой и на кухне и зарабатывает по 70-80 долларов в месяц.

Я была поражена тем, как красноречиво эти четыре женщины рассказывали о себе: они говорили с глубоким пониманием своих проблем и проявили намерение, по крайней мере на словах, их преодолеть. Их похвалы в адрес Мод Макартур за ее поддержку выходили далеко за рамки необходимого почтения к ней как к представительнице власти — эти женщины были искренни, когда говорили, что получили пользу от тюремных программ.

Организация семейных служб в тюрьме долгое время была спорным вопросом у тюремной администрации, которая в целом не приветствовала вторжение членов семьи и других посторонних в жизнь тюрьмы. В течение нескольких десятилетий общенациональной тенденцией в нашей стране было не разрешать матерям держать своих новорожденных детей с собой в тюрьме. В то же время власти признают необходимость семейных служб для укрепления отношений между заключенными и их детьми, чтобы сократить распад семей и социальную изоляцию, к которым приводит тюрьма. Как объяснила мне Мод Макартур, «Дети этих женщин отбывают срок» вместе со своими матерями — они также подвергаются наказанию. Когда мать исчезает из жизни ребенка, с детьми что-то происходит и у них больше шансов попасть в беду».

Сейчас некоторые штаты уже имеют или планируют организовать отдельные детские блоки или жилые помещения для заключенных матерей с маленькими детьми за пределами основного здания тюрьмы или в ближайшей жилой зоне. Также сейчас есть тенденция к организации тюремных центров для посещений, подобных тому, который я видела, где отводится место для маленьких детей и их родителей. Мод работает в этой тюрьме уже три года и именно она была инициатором родительской программы, основанной на ряде федеральных правительственных постановлений, которые были изданы в 1995 г. В настоящий момент она — единственный штатный координатор родительской программы во всей системе федеральных тюрем, насчитывающей 86 исправительных учреждений. Это не удивительно: только 5 из них являются женскими тюрьмами, а родительским программам для заключенных отцов традиционно не уделяется внимания. С появлением этих новых федеральных постановлений отцам в некоторых тюрьмах начали предоставлять консультацию.

Мод ведет класс, который она сама называет «творческим материнством» для матерей маленьких детей, с упором на материнство адали от ребенка, поскольку большинство детей привозят на свидание с матерью в лучшем случае изредка. Мод избрала очень эффективный подход: делается фотография матери, вслух читающей детскую книжку, а чтение записывается на магнитофон. Затем кассета с записью, фотография и книжка посылаются ребенку по почте. Конечно, матери также пишут детям письма и рисуют картинки, а также поощряются разговоры с детьми по телефону. Наряду с таким общением с детьми, женщины, многие из которых, будучи наркоманками, раньше фактически не уделяли внимания своим детям, получают консультацию Мод. То же касается матерей, дети которых достигли подросткового возраста — для этих матерей организованы отдельные занятия.

Поговорив с четырьмя женщинами, я обошла тюрьму, начав со специального корпуса на 90 мест для женщин, проходящих годовую программу лечения алкогольной и наркотической зависимости. Здесь они живут по двое в маленькой камере, в которой есть место только для двухъярусной кровати, раковины и унитаза, а также двух шкафов для вещей. На стенах — фотографии их детей, в коридорах и общих комнатах яркой краской написаны 12 шагов программ Анонимных Алкоголиков (AA) и Анонимных Наркоманов, которые заключаются в том, что человек публично признается в своей алкогольной или наркотической зависимости, постепенно обретает уверенность в себе, берет на себя ответственность за свою жизнь и помогает другим. Поскольку 80% заключенных испытывали домашнее насилие, существуют семинары по жестокому обращению с детьми — как его распознать и как реагировать — и семинары для женщин, живущих с агрессив-

ными партнерами. Семинары ведет консультант городского Женского центра, она проводит такие занятия на общественных началах один раз в месяц. Поскольку мне, помимо моего собственного мнения, требовалось мнение человека со стороны, я попросила ее в целом оценить жизнь и настроение заключенных женщин. Она ответила: «Меня поражает то, какую поддержку женщины получают от Мод и других консультантов. Поразительна также та жажда знаний, которую проявляют эти женщины. Они знают свои проблемы и над чем им надо работать. Эти женщины стремятся к самосовершенствованию».

Моя экскурсия по тюрьме привела меня в столовую, где заключенные работают иногда по собственному желанию, иногда по приказу начальства (питание можно охарактеризовать как безусловно казенное, но достаточно неплохое), а затем в мастерские, где заключенные собирают детали радиоэлектронного оборудования для Министерства обороны США. Сидя за длинными, хорошо освещенными столами, в достаточно приятной, живой обстановке, женщины работают чуть больше 7 часов в день и зарабатывают в час от 22 центов до 1 доллара 10 центов — эта последняя ставка самая высокая в тюрьме.

Затем я увидела учебный отдел, штаб-квартиру Мод, украшенную творческими работами и стендами на стенах. На одном из стендов заголовки «Права женщин», фотографии и краткие жизнеописания женщин, известных своими достижениями в различных областях. В учебном отделе проходили в этот момент несколько занятий: по английскому языку (в основном для испаноговорящих американок) и по программе средней школы для желающих получить свидетельство о ее окончании. Колледж, находящийся в ближайшем городе, проводит занятия по «деловому менеджменту и праву» для 35 заключенных, срок которых подходит к концу. Каждую весну в тюрьме организовываются официальные церемонии вручения свидетельств о среднем образовании и окончании курсов колледжа — выпускницы одеты в традиционные черные мантии и четырехугольные шляпы. В тюрьме есть две небольшие библиотеки, одна для развлекательного чтения, другая с подборкой книг и материалов по законодательству для тех, кто целенаправленно изучает правовую часть своих дел.

Меня не пустили в особо охраняемую секцию тюрьмы, где содержатся в одиночных камерах заключенные, нарушившие правила тюрьмы. Что касается остального, что я видела, безусловно, эта тюрьма относится к немногим «цивилизованным» исключениям. Почему же, хотя я и была приятно поражена возможностями образования и консультативными, которые в тюрьме предоставлены заключенным, я все же ушла с тревожными вопросами и, конечно, с тяжелым сердцем, что неизбежно при посещении даже самой лучшей тюрьмы? Неужели те женщины, с которыми я разговаривала, и многие другие, заслужили такой долгий срок? Несомненно, большинство из них подпадают под определение мелких правонарушителей, которые продавали небольшие количества наркотиков, чтобы финансировать собственную зависимость (из всех четырех только Морин Лоренс сама не была наркоманкой и продавала наркотики ради денег). Я спросила у Мод ее мнение. Она ответила: «Послушайте, эти женщины не были беспомощными жертвами, они знали, что идут на риск, торгуя наркотиками, а теперь несут ответственность за это». Да, конечно, мы все согласны, что человек сам несет ответственность за свои действия. Но разве не было бы лучше для этих женщин, не совершивших насильственных преступлений, отбывать свой срок или часть его в рамках программы лечения зависимости без заключения под стражу, а не в тюрьме, где они находятся в изоляции и вдали от своих детей. Мод согласилась со мной. Поэтому, хотя я уехала, восхищенная тем прогрессом, которого достигли эти женщины, я также думаю, что еще 4-5 лет тюрьмы (для трех из этих женщин) будут для них скорее потерей времени, чем принесут пользу.

Давайте посмотрим на эту конкретную тюрьму и этих конкретных женщин в контексте общенациональной картины в целом. Мы, американцы, с бешеным рвением строим тюрьмы, причем строительство одной камеры обходится нам в 100.000 долларов, а содержание одного заключенного — в 30 тысяч долларов в год. С начала 1980-х годов расходы на борьбу с преступностью возрастали

вдвое большими темпами, чем расходы на оборону. Сейчас комментаторы утверждают, что у нас создан новый «тюрьмно-промышленный комплекс», подобный военно-промышленному комплексу. Об этом предупреждал нас президент Эйзенхауэр еще в 1961 г. В обоих случаях экономическое благосостояние миллионов людей привязано к отрасли промышленности, будь то производство оружия или содержание тюрем. Эти люди хотят сохранить свои рабочие места и становятся все более мощным лобби, потребности которого выходят на первый план, оставляя позади социальные нужды населения. Еще одно сходство в том, что наши политики эксплуатируют проблему преступности, как в свое время эксплуатировали коммунистическую угрозу, чтобы завоевать себе голоса на выборах. Как пишет комментатор Стив Донцигер в журнале «Тик-кун» — и военная, и тюремная индустрия опирается на неоспоримую внутреннюю логику, которая позволяет им получать выгоду независимо от того, успешной или неуспешной будет утверждаемая ими политика. Если мы проиграли войну, нам нужно больше оружия для победы в следующей войне; если мы выиграли войну, нам нужно больше оружия, чтобы побеждать и дальше. Если преступность растет, нам нужны новые тюрьмы для борьбы с преступностью; если преступность снижается, нам нужны новые тюрьмы, чтобы она опять не начала расти. Наш военно-промышленный комплекс позволил создать самую мощную в истории военную машину, а тюремно-промышленный комплекс породил самую большую и дорогостоящую тюремную систему в мире (за исключением Китая, который не публикует статистических данных о своей тюремной системе). Нужно добавить, что еще одним исключением, возможно, является Россия.

Мы продолжаем строить тюрьмы несмотря на то, что 9 из 10 арестов в нашей стране совершаются за ненасильственные преступления, такие как хранение наркотиков, кражи, нарушение границ частной собственности, должностные преступления и т.п. Тем не менее, люди ассоциируют преступность с насилием, поскольку по телевидению часто показывают насилие, по большей части инсценированное в игровых фильмах. Под влиянием этих сцен избиратели поддерживают «усиление мер», предлагаемое политиками. Хотя женщины совершают намного меньше насильственных преступлений, чем мужчины, они являются самой стремительно растущей категорией заключенных в масштабах нации. Мелкие участницы наркобизнеса, они редко могут выговорить себе более низкий срок, признав себя виновными в менее тяжком преступлении и выдав важную информацию о наркодельцах.

К этому моменту мое настроение неудержимо падает, и я становлюсь не только обеспокоена, но и рассержена — рассержена как гражданка своей страны. Страны, которая, несмотря на обилие ценных идей, опыта и материальных ресурсов, позволяет политикам и тюремно-промышленному лобби ввести себя в заблуждение и манипулировать собой с помощью образов насилия. Я выразила свои чувства Ли Копперман из Ассоциации женских тюрем (АЖТ) в Нью-Йорке. АЖТ — неправительственная организация, которая была основана в 1844 г. квакерами с целью помочь женщинам заключенным. Это старейшая из подобных организаций в стране. Ли выражает эту мысль следующим образом: «Мы должны научиться различать между людьми, на которых мы просто очень сердимся, и людьми, представляющими реальную угрозу обществу» — то есть между мелкими правонарушителями, вовлеченными в торговлю наркотиками, и насильственными преступницами. По ее мнению, лечение и реабилитация мелких преступников должна проводиться на свободе, где они могут поддерживать более тесные контакты со своими семьями и где возможно привлечь для решения проблемы много различных ресурсов. АЖТ проводит единственную в городе программу «альтернатива тюрьме», в рамках которой небольшое число арестованных женщин вместо тюремного срока помещают в

учреждение АЖТ на 6-9 месяцев. Там они проходят реабилитацию и консультирование, а затем им помогают вернуться к независимой жизни на воле. В течение 150 лет своего существования АЖТ в числе первых побуждает и понуждает правительственных чиновников и законодателей улучшить условия содержания женщин в тюрьмах. Сейчас ею сформирована коалиция с другими неправительственными организациями, чтобы лоббировать за изменение чрезмерно жестких законов о «войне с наркотиками» и отмену обязательных минимальных сроков заключения, из-за которых огромное число американцев попали за решетку.

Есть ли надежда на то, что общественность увидит свет, что разум и здравый смысл в итоге победят? Недавно в штате Аризона была вынесена на референдум и одобрена большинством жителей штата в соотношении два к одному гражданская инициатива о том, что правонарушителям, которые впервые или повторно арестованы в связи с наркотиками, тюремный срок будет заменен реабилитационными программами.

Интересно отметить, что эта инициатива поступила в основном от консервативной части политического спектра — от людей, которые не хотят, чтобы значительная часть их налогов тратилась на строительство тюрем, и которые считают, что есть более эффективные пути борьбы с проблемой преступности.

Означает ли это, что общественное мнение начинает меняться? Я чувствую некоторый оптимизм из-за этих событий, а также из-за того, что я слышала в серии прекрасных телевизионных программ, посвященных проблеме наркомании. Делаются большие успехи в понимании генетической стороны зависимости и ее химического воздействия на мозг. Зависимость — это в буквальном смысле болезнь психики. Тяжелые наркотики, такие как кокаин, изменяют структуру мозга, что в свою очередь изменяет поведение человека, что в свою очередь изменяет всю его или ее жизнь. Вот почему так сложно вернуть наркомана к нормальной жизни, и даже те, кто проходит лучшие из реабилитационных программ снова и снова возвращаются к наркотикам. Медицинская наука еще не знает, обратимы ли изменения в структуре мозга. Когда-нибудь можно будет выявлять людей, имеющих предрасположенность к зависимости, и, возможно, предупреждать рецидивы. Но даже сейчас, без медицинских чудес, зависимость является излечимым заболеванием. Необходимо лишь, чтобы люди по всей стране, которые сами успешно преодолели свою зависимость, «вышли из подполья» и переборолли негативное отношение общества к зависимости, открыто высказываясь о различных формах поддержки, которые способствуют процессу излечения. Повышение самооценки, семейное консультирование, образование и профессиональное обучение, овладение жизненными навыками и так далее. Если они выступят открыто, общество постепенно поймет, что наши политики в своем отрицании сами похожи на наркоманов — они стали зависимыми от строительства тюрем и не хотят видеть, что ведут общество в неправильном направлении. В заключении этой серии телепередач было сказано, что хотя и не легко, но все же возможно создать общественную политику в этой области, которая была бы одновременно гуманной и рациональной.

На этом мое исследование заканчивается и, как в телепрограмме, я хочу закончить на более оптимистической ноте. Перемены в общественном мнении, в государственной политике, в медицинских исследованиях и лечении уже не успеют принести пользу женщинам, с которыми я беседовала, но, возможно, от них выиграет следующее поколение. Безусловно, в том, что я рассказывала, содержатся уроки — негативные и позитивные — которые многому нас учат. Но способны ли мы как нация, как страны учиться друг у друга? Способны ли мы учиться на собственных ошибках? Это вопрос, на который у меня нет ответа.

WOMEN'S
PRISON ASSOCIATION
& HOME INC.

ОТВЕРЖЕННЫЕ

В нормальную жизнь возвращаются те заключенные, чей срок не превышает трех лет

Лариса Шевченко — подполковник милиции, кандидат психологических наук, преподаватель Университета внутренних дел Украины (Харьков), одна из очень немногих в СНГ специалистов по психологии женской преступности.

— Лариса Александровна, как возникла тема вашей работы? Почему вы решили посвятить свою научную карьеру именно ей?

— Первый раз в женскую колонию я попала на практике, в 18 лет. Был серый день, лил дождь, за серыми стенами колонии сидели на лавочке нахохлившиеся женщины в черных телогрейках, казалось, и воздух там иной, тяжелый. Я решила, что никогда не буду там работать. Но судьба сложилась так, что я пришла работать именно туда, и 17 лет проработала в колонии общего режима, где отбывают наказание те, кто впервые совершил преступление — как незначительные, так и крайне жестокие. В какой-то момент стало не хватать знаний, научной базы, и я продолжила образование — получила второй (после юридического) диплом психолога, начала заниматься исследованиями. К сожалению, литературы по данной теме у нас чрезвычайно мало. Как правило, говорят о мужской преступности, о правонарушениях несовершеннолетних. А женщин как будто нет. Между тем работникам нашей системы ясно, что женская преступность имеет свои закономерности, что хотя причины преступлений в основе своей одни и те же (социальные), но условия совершения преступления и отношения к нему у мужчин и женщин разные. Женщины платят большую цену за содеянное. Они не совершают повторно тяжелых преступлений. Не более 40% преступлений совершается в нетрезвом виде — у мужчин две трети. Если у мужчин наблюдается приглушение чувства вины к концу срока, то у женщин — наоборот. Наконец, они чаще умирают в местах лишения свободы.

— Что можно сказать о характеристиках женской преступности? Чем она отличается от мужской?

— Самое распространенное на Украине преступление — воровство (более трети), это верно и для других стран СНГ. Растет доля убийств — за последнее время процент их вырос с 7 до 12. Женщины совершают особенно жестокие и изощренные преступления.

Есть точка зрения (ее придерживается, в частности, известный криминолог Михаил Внуков), что это происходит в силу физической слабости женщины, что побуждает ее искать особые методы и приемы. Еще одна значительная группа — это наркоманки, их в процентном отношении намного больше, чем наркоманов-мужчин. Это объясняется и тем, что женский организм менее защищен от химического воздействия. За употребление наркотиков у нас не сажают — попадают они за совершение сопутствующих преступлений. Часто женщина совершает кражу, чтобы обеспечить дневную (постоянно растущую) дозу для себя и своего сожителя. Вообще, обычно крадут для того, чтобы добыть наркотики, алкоголь — не обязательные для жизнеобеспечения вещи. Очень редко женщина ворует, чтобы прокормить своего ребенка (менее 4%). Еще одна категория — совершившие хищение государст-

венной собственности в особо крупных размерах. У них огромные сроки — и, как правило, сейчас это те, кто досаживает. Очень незначительное пополнение из числа главных бухгалтеров акционерных обществ, владельцы понимают, что бухгалтер, даже проворовавшийся, полезнее не в тюрьме, а на работе, где он может искупить свою вину и возместить ущерб.

— Можно ли составить портрет типичной заключенной?

— Нет. Каждая категория имеет свои отличительные черты и возрастные пики. Убийства обычно совершают женщины в возрасте 40-45 лет (более 70% всех убийств). Подавляющее большинство — те, кто долго терпели побои и измывательства от спутника жизни. Очень часто соучастниками преступления (если речь идет об убийстве отца семьи) становятся дети. Трагедия в том, что женщины в семье практически не защищены от насилия, ей некуда пойти за помощью. Разве что к участковому — но тот обычно принимает пассивную позицию — мол, сами разберутся. За все время работы я сталкивалась постоянно со случаями бытового насилия; жены пьющих мужей — настоящие великомученицы. И когда терпение кончается, происходит непоправимое. Иной раз вопрос стоит — кто кого первый убьет. Должна сказать, убийцы — удивительные люди. Они стараются четко обозначить свое жизненное пространство — и при этом вовлекая в него как можно меньше людей. У них никогда не бывает близкой подруги, с которой можно съезжать пополам банку консервов, они не коммуникабельны. При этом тщательно следят за своим здоровьем — постоянные посетители медико-санитарной части. Убитые приходят к ним во сне, по ночам почти все кричат — кто отгоняет их, кто уговаривает. Кстати, днем очень хорошо работают, стараются получить все специальности, которыми можно поучиться в колонии.

Воровки — они совершенно другие. У них два возрастных пика, первый — до 25 лет (так называемые универсалки — сильные, дерзкие, очень «профессиональные» в своем деле). Их отличительная черта — приспособляемость. Они должны выгладеть, как все, думать, как все. Второй пик — женщины за пятьдесят. Они работают, как правило, на вещевых рынках, в людных местах. Все воровки отличаются повышенной тревожностью и особенно развитой эмоциональной памятью. Была у нас одна девица, специализировалась на кражах из автоматических камер хранения. Она через четыре года после суда назвала более 20 эпизодов — помнила номер камеры, помнила, что было внутри и куда пристроила вещи. На воровок оказывает большое влияние криминальная субкультура, пример родственников, занимающихся воровством. Они — люди настроения.

Наркоманки — невероятно демонстративны. Поведение, косметика — не как у других. Очень чувствительны к отношению окружающих, точно знают, кого смогут разжалобить своей трудной судьбой. Если раньше к нам попадали наркоманки со средним образованием, то теперь приходят те, кто бросил школу в 14, 12 лет — как только пристрастились к наркотикам. Средний уровень образования в колонии у женщин за последнее время понизился на 3 класса (у мужчин — на 1-2). К сожалению, и моно-наркоманы, и полинаркоманы содержатся вместе и в колонии проходят свои «университеты».

Наркоманки, как правило, молоды — помню только одну, которая практиковала более 10 лет (правда, с перерывами). Выйдя на волю, почти все умирают от передозировки. Практически никто не доживает до 35.

Расстреливают — женщины солидные, раньше портреты многих висели на досках почета. К ним приезжают бывшие сослуживцы, их семьям предприятия оказывают материальную помощь. Суммы, которые они похитили, сегодня кажутся смешными.

— Часто ли женщины возглавляют преступные группировки?

— Если женщина стоит во главе группы, то группа работает вдвое эффективнее, чем в том случае, когда во главе мужчины. Женщины более тщательно убирают квартиру, готовят борщ — и более тщательно готовят преступления. Довольно часто женщины возглавляют смешанные группы, практикующие мошенничество. Некоторые умелицы умудряются по 2-3 раза продать несуществующий дом или автомобиль, который покупатель видел только раз на стоянке. Подготовка виртуозная, внешние данные таких профессионалов прекрасные. Их очень трудно обнаружить. Недавно была раскрыта группировка, совершавшая кражи в квартирах, — наводчицей работала наша известная фигуристка, мастер спорта. Ходила по квартирам под видом разносчицы пенсий. Раскрыли группу практически случайно.

— Что, на ваш взгляд, необходимо для помощи женщинам-заключенным?

— В первую очередь — наладить систему реабилитации. Специалисты (это опыт многих поколений работников ИТУ) знают, что если женщина сидит 2-3 года — ее еще можно вытащить, вернуть обществу, семье, детям. Больше 3 лет держать ее в заключении нецелесообразно. Она будет потеряна для общества, дети потеряют мать. Три года — вполне достаточный срок, ибо вина за содеянное останется с ней на всю жизнь. Больше, чем она сама себя, ее не накажет никакой суд.

— Ваши дети тоже хотят стать юристами?

— Сын заканчивает юридический колледж, будет юристом в четвертом поколении, как мы с мужем. Дочь в детстве хотела быть судьей (я работала без суббота и воскресений, оставляла ее за зоной, в суде, у знакомых, и она запомнила красивых женщин-судей, которых все уважали). Теперь не знает. Поживем — увидим.

Светлана Свистунова

ОТКРЫТАЯ ТЮРЬМА. ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Когда мы подъехали к симпатичному двухэтажному коттеджу на окраине Осло, я с трудом могла поверить, что это и есть тюрьма. Расположенный в живописном, экологически чистом месте, этот домик ничем не отличался от соседских, где живут обыкновенные горожане. Не было ни забора, ни тем более решеток, а в небольшом дворике на бельевых веревках сушилось белье. Появившаяся на крыльце симпатичная женщина в брюках и свитере, а не в полицейской форме, оказалась главным надзирателем этой необычной тюрьмы.

— К сожалению, сегодня у нас в тюрьме только трое из девяти женщин-заключенных, — сказала нам, здороваясь, Лиз Соллед, — остальные шестеро — на учебе, в колледже.

Внутри дома царили чистота и уют. Лиз пригласила нас в небольшую гостиную, где на столе лежали лепешки, варенье и фрукты, и ожидая ароматного кофе, я провалилась в мягкость удобного дивана.

— Здесь обычно наши подопечные встречаются со своими родственниками и друзьями. Посетители могут приходить так часто, как им хочется. Единственное условие — приходящий человек не должен быть наркоманом. Мы обязательно требуем у него или у нее Ай Ди (права или паспорт) и проверяем по компьютеру, не стоит ли человек на учете как наркоман.

Больше никаких ограничений для посетителей нет. Более всего здесь боятся, что девушкам принесут наркотики. Наркотики — главное зло, с которым в Норвегии власти борются неустанно. Более половины всех заключенных сидят за распространение наркотиков, причем к наркотическим вещам здесь относят даже относительно безобидные снотворные таблетки, как, например, валиум.

Два раза в месяц женщинам-заключенным разрешается уезжать домой или, например, к бойфренду на целые сутки. Это, пожалуй, единственное время, когда женщины

предоставлены сами себе. В тюрьме они должны оставить точный адрес своего пребывания и, соответственно, вернуться в указанный срок. После такой отлучки анализ мочи и крови на наличие алкоголя (который строго запрещен) и наркотических средств проводится особенно тщательно.

Кто из трех девушек, которые мирно готовили на просторной кухне, сидит за наркотики, мне так и не сказали — надзирательницы строго хранят тайну личного дела каждой. Сами же девушки, молча улыбаясь, были заняты приготовлением обеда. Одна из них на специальной машинке резала ветчину, другая стояла у плиты и что-то жарила, третья расставляла на столе тарелки.

— Они сами договариваются, кто что делает и готовит на кухне, — говорит Лиз. — Сами решают, что будет в меню. Моют посуду и убирают весь дом по очереди.

За наличием продуктов здесь следят строго, кроме того, пища должна быть достаточно витаминной — поэтому на столе обязательно и фрукты, и овощи. Все продукты покупаются на деньги тюрьмы.

При мне одна из девушек обнаружила, что в холодильнике нет майонеза и буквально через минуту, одевшись, отправилась в ближайший супермаркет — правда, в сопровождении одной из надзирательниц.

Кроме оговоренных двух дней в месяц, одним заключенным отлучаться запрещено — на девять человек, отбывающих наказание, здесь приходится девять надзирательниц.

— Многие из заключенных проходят курс лечения от наркомании, — говорит Лиз, — поэтому мы всегда держим их под контролем. Три раза в неделю они сдают анализ мочи. Если в ней обнаружатся следы наркотиков, то женщина будет переведена в тюрьму общего режима, а условия там гораздо хуже, чем здесь, и женщины это знают. Однако мы отдаем себе отчет, как трудно им порой удержаться, поэтому контроль неусыпный.

В этом доме созданы все условия, чтобы женщины забыли о своем криминальном прошлом. Вся обстановка максимально приближена к домашней. В гостиной — стол, за которым они обедают, мягкие кресла и диваны, телевизор, здесь несколько компьютеров, подключенных к Интернету, так что ни о какой оторванности от мира говорить не приходится. На компьютере работают и те, кто учится.

Впрочем, у каждой из девяти заключенных есть возможность и уединиться — они живут в отдельных комнатах с окном в сад. Помимо кровати, здесь помещается небольшой письменный стол и диванчик. У многих в комнатах стоит свой телевизор, магнитола. На стенах — фотографии детей или близких друзей. Я не увидела, как это ни странно, ни больших плакатов кино — или эстрадных звезд, ни календарей с отмененными датами — сколько дней осталось сидеть, ни изображений святых. О душевном состоянии одной из девушек, в комнату которой я заглянула с ее согласия, говорила лишь кукла грустного Пьеро, которая сидела на стеллаже.

В доме на всех две ваннные комнаты, но также есть еще и небольшой спортзал с тренажерами и даже — солярий! И все это в идеальном состоянии — «Да это же просто дом отдыха!» — не удержалась я от восклицания, обходя дом в сопровождении Лиз.

— Да, условия здесь очень хорошие, — согласилась она, — но все же если вы спросите у женщин, хотят ли они на свободу, получите утвердительный ответ. Свободы здесь имеет четко очерченные рамки и каждая из заключенных знает, что она находится под контролем, хотя мы это пытаемся ежесекундно не подчеркивать.

Поднимаясь по винтовой лестнице, устланной ковром, на второй этаж, я увидела висющую на стене гитару.

— Это чья-то личная гитара? — спросила я у Лиз. — Кто-то из заключенных увлекается музыкой?

— Нет, — ответила она. — Эта гитара — собственность тюрьмы и висит здесь уже несколько лет. За все это время лишь один раз заключенная на ней играла... Но мы решили, что если кто-то любит музыку, то должен иметь возможность выразить себя.

Однако, как выяснилось, даже такие идеальные условия содержания и настойчивое лечение не гарантируют того, что женщины не совершают преступлений вновь. Удержаться и не сорваться на новое принятие наркотиков бывает очень сложно.

Но очевидно, что Норвегия добилась некоего образцово-показательного уровня в содержании заключенных даже для Европы. Вся система этой открытой тюрьмы направлена на то, чтобы человек получил возможность исправиться, вернуться к нормальной жизни. И здесь невольно веришь, что это действительно система исправления, а не наказания, как это есть в России и большинстве неразвитых стран. Норвегия научилась ценить своих граждан, даже тех, кто преступил закон.

В подобных открытых тюрьмах сидит около тридцати процентов всех заключенных Норвегии — это около тысячи человек. Сюда попадают те, кому уже осталось сидеть год-полтора, или те, кто получил совсем небольшой срок. Они, по мнению норвежских властей, должны быть максимально адаптированы к нормальной жизни. А после длительной отсидки это бывает совсем непросто. Оттого в открытых тюрьмах такой свободный режим. Общество заинтересовано получить полноценного гражданина.

— Я просто готов был заплакать, когда увидел, в каких условиях содержатся женщины в российских тюрьмах, — сказал мне норвежский пастор. — Бог любит всех, и не должен заставлять русских женщин страдать. В Можайской колонии под Москвой я увидел облупленные стены, огромные комнаты, где женщины содержатся на нарах по тридцать человек. Но особо меня поразило их состояние здоровья. Не нужно быть доктором, чтобы увидеть нездоровый землистый цвет лица и гнилые зубы во рту. А ведь это молодые женщины! В колонии вместе с матерями содержатся и дети до трех лет, а потом их разлучают!!!

Пастор говорил об этом буквально со слезами на глазах. Его еще поразило и то, что в одной только Можайской колонии в России содержится около 1000 женщин — это треть всех заключенных Норвегии!

Пастор Твиге Эрикссон начал собирать средства для помощи Можайской женской и подростковой колониям. Он привез в колонию новейший зубопротезный кабинет, а также материалы для зубного протезирования. Он привез также врачей, которые обучили российского тюремного дантиста пользоваться этим оборудованием. Правда, 4 тонны гуманитарного груза, который предназначался для колонии, потерялись на границе.

Осло — Москва

Татьяна Юрасова

СРЕДЬ МОРДОВСКИХ ЛЕСОВ ЗАТЕРЯЛИСЬ...

Иностранки в российской колонии

Неволя всегда тяжела. Неволя на чужбине тяжела вдвойне. Особенно для женщины.

Поселок Явас утонул в снегах западной Мордовии. Он выглядел бы вполне типично, если бы не количество заборов с колючей проволокой в окрестностях. Можно сказать, тюремно-лагерное дело — единственная специализация поселка: раньше Явас был своеобразной столицей Дубровлага, а ныне здесь располагается администрация учреждения ИЖХ-385.

Из центральной части поселка широкая улица минут через десять неспешной ходьбы привела нас к глухим воротам женской колонии; лязгали запоры, мы переходили из тамбура в тамбур и на-

конец, сдав документы серьезной прапорщице, вошли на территорию ИТК. Свежевыпавший снег предательски подчеркивал скудость лагерной архитектуры; здание администрации ничуть не привлекательнее двухэтажных корпусов для заключенных. Подслеповатые окна, грязно-зеленая краска стен — все источает убожество. Бараки, одним словом.

В этой зоне вместе с россиянками отбывают наказание осужденные иностранки. А для мужчин-иностранцев предназначена специальная зона неподалеку. Впрочем, начальник Управления учреждения ИЖХ-385 генерал-майор В.П.Краснокутский считает неправильным создавать для иностранцев отдельные колонии: «Вот осужденные иностранки вливаются в массу наших женщин-заключенных и вполне вписываются. Они гораздо более законопослушны, чем наши».

Иностранок в колонии немного: есть китайки, африканки из Ганы и Алжира и две голландки, получившие по шесть лет за незаконный провоз наркотиков. Голландки, Сюзанна и Даниэль, обеим чуть больше двадцати, уже хорошо говорят по-русски и согласились поведать о своем лагерном житье.

Обе голландки, по словам Ирины Ивановой, замначальника колонии по воспитательной работе, вполне вписываются в типологию их «контингента», состоящего из трех категорий: воровки — в основном, деградировавшие личности; «подзаборки»; убийцы — много молодежи, а если за бытовые — то всех возрастов; за хранение и сбыт наркотиков — одна молодежь. При этом средний возраст — 25-30 лет.

Кажется, иностранки вполне адаптировались. Отчасти это объясняется тем, что в женских колониях нет жесткой иерархии, регламентированной «ворами в законе» (таковых среди женщин нет). Обычно существует много групп, сплотившихся вокруг авторитетных зечек — лидеров по своему характеру. Тон общению задают не уголовные нормы, а коммерческие интересы, где твердой валютой являются сигареты, кофе и прочие колониальные товары. У подданных Голландии здесь все преимущественно их благополучной родины. Например, Сюзанна считает свое относительное благосостояние причиной, по которой другие зечки ищут ее дружбы. Но она, прошедшая переполненные камеры Бутырки, не верит никому.

Вообще, встретить я Сюзанну через несколько лет — ни за что не поверила бы, узнав, где она так хорошо выучила русский язык. Настолько эта симпатичная голландка не соответствует представлениям об уголовницах. Ее случай — это история девочки из хорошей семьи, которая, стремясь вырваться из скуки маленького городка в большой мир, поддавшись искушению получить «легкие» деньги за провоз кокаина. «Это была самая большая глупость в моей жизни. И самый главный урок — никогда ни за какие деньги не связываться с наркотиками».

Даниэль, у которой прошла жизнь не была такой безоблачной, считает, что лагерный опыт может ей пригодиться в будущем: «Я здесь привыкла к дисциплине: вставать в шесть часов (иначе рапорт), работать, выполнять норму. Это поможет мне в Голландии».

И обе единодушны в том, что главное, чему они здесь научились — жить с людьми и понимать их. Сюзанна признается, что для нее это было самым сложным, так как ее мозги работают совсем по-другому, чем у русских женщин — то, что важно для нее, совершенно неважно для них, и наоборот: «Даже в отношениях с моей близкой подругой — я привыкла все делать самостоятельно, не спросив ее, а она обижается, считая, что все надо делать вместе».

Женщина и неволя

Начальство вполне довольно иностранками: они соблюдают внутренний распорядок и хорошо работают на производстве — вместе с другими шьют униформу для армии и спецдежду. Удивительно, но иногда их подходы к трудовой дисциплине даже совпадают. Например, капитан Ирина Иванова сетовала на «контингент» из последних этапов — на их отсутствие интереса ко всему, даже к возможности заработать немного денег. Даниэль, всегда делающая норму, возмущалась тем, что неприкаянные снижают показатели всей бригады. Дело даже не в деньгах — заработки здесь невысоки: 200 тысяч на руки при наличии хорошего заказа, а так в среднем 40-60 тысяч чистыми на личный счет, на магазин и т.д. Просто хорошая работа дает некоторые привилегии, непонятные нам, вольным. Например, возможность получить нижнюю «шконку», т.е. нижнее спальное место.

Голландки пригласили нас к себе «домой» — в барак, где размещается их отряд. Мимо нас шеренгами промаршировал отряд безликих темных ватников; вторая смена направилась на работу. Внутри барака было так же убого и чисто. Несколько приболевших в холле смотрели по видео фильм про любовь. Большие комнаты с безукоризненно заправленными кроватями навевали тоску. Минимум мебели — по табуретке на человека и крошечная тумбочка на четверых; на стенах — ни картин, ни фотографий — это запрещено. «Вот здесь мы и проводим свободное время», сказала Сюзанна, присев на «свой» табурет, — или смотрим телевизор. — «А если захочется побыть одной?» — «Это практически невозможно». Сюзанна никак не может привыкнуть к постоянной жизни в коллективе: «Мне до сих пор очень неловко мыться вместе со всеми».

Заключенные к иностранкам относятся неплохо — «лишь бы человек хороший был». А начальник оперативного отдела колонии майор Галина Васильевна Никитова считает, что голландки, не зная даже языка

поначалу, быстро адаптировались потому, что они совершенно лишены комплексов: «Наша женщина, оказавшись в иностранной тюрьме, чувствовала бы себя крайне неловко». Сюзанна тоже подметила эту разницу. «У русских очень тяжелая жизнь, и я им сочувствую. Они слишком серьезно все воспринимают, им надо научиться наслаждаться, быть легче». «Русские — добрые люди, но они не привыкли свободно думать и высказываться», — говорит Даниэль. При этом она не скрывает, что ее свободные мысли вслух абсолютно не приветствуются контролерами.

Контролеры — суровые женщины, одетые в шинели из солдатского сукна и вооруженные дубинками (у работающих в лагере нет оружия, только у внешней охраны), действительно не вызывают желания пофилософствовать. У них нервная работа: следят за порядком, пресекая любые конфликты, «типично бабские, как в любом женском коллективе». На вопрос, часто ли они используют дубинки, Сюзанна дипломатично заметила, что при ней никого не били. А Ирина Иванова (как начальник ходит без дубинки) сказала, что применяет нечасто, но иногда могут шлепнуть по мягкому месту.

Начальство относится к заключенным иностранцам с некоторой долей зависти, и прежде всего потому, что тех не оставляет в беде их правительство, приезжают консулы, журналисты. Видимо, у многих российских граждан, в том числе и у «начальников», нет твердой уверенности в подобной заботе со стороны родного правительства «в случае чего».

Голландки ушли на ужин, забрав привезенные кофе и сигареты. Они были в приподнятом настроении — не от сигарет, нет. Просто только что им сообщили, что указом президента России им вдвое сокращен срок.

Пос. Явал — Москва

ВЫРЕЗКИ ОТ ИГОРЯ ТИМОЩИНА

Английские суфражистки должны быть довольны. Россия подарила миру женщин-министров, она же выгнывает их теперь на своеобразное поприще... грабительниц. Недавно в четвертом часу дня в доме номер 15 на Кузнецком мосту в квартиру Витте явилась какая-то прилично одетая женщина с радиолем в руках.

— Можно видеть госпожу Витте?

— Я сама Витте, — ответила квартирная хозяйка.

— Вот вам, — сказала женщина и, достав из радиолы револьвер, навела его на Витте.

Последняя упала в обморок. Грабительница забрала 446 рублей, кое-какие золотые вещи и скрылась.

«Московская маленькая газета» 28.07.1918 г.

Смоленск. В народном суде 8-го участка слушалось дело о фиктивном браке с целью получения земли. Двадцатилетний парень женился на сорокалетней женщине. Получив надел земли на жену, он пошел разводиться, где был уличен.

Журнал «Смехач» № 25, 1925 г.

Выяснилось, что в большинстве случаев главными поставщиками самогона являлись женщины. У многих из них найдены бутылки с самогоном, запрятанные в платьях и чулках. Находили, например, в одном чулке (на ногах) бутылку самогона, а в другом — стопку.

Газета «Харьковский коммунист» № 79, 1923 г.

АНЕКДОТЫ

В одну из тюрем назначили нового начальника из сферы народного образования. Вводя в курс дела, нового начальника спросили, как он представляет себе работу с особо сложным контингентом?

— Как всегда! Пусть только пикнут, выгоню к черту!

Зоя Хоткина,

кандидат экономических наук,
руководитель Российских летних школ
по гендерным исследованиям**СОЗИДАЮЩИЙ ДИАЛОГ: СВОБОДА
БЫТЬ СОБОЙ!**

Российские летние школы по гендерным исследованиям (РЛШГИ) — это модель новой, альтернативной, демократической формы образования. Цель научно-образовательных летних школ — способствовать развитию женских и гендерных исследований и их внедрению в систему высшего образования в России и, на этой основе, просвещению и демократическому преобразованию нашего общества. Новизна научно-образовательного проекта РЛШГИ проявляется прежде всего в его содержании: гендерные исследования — это новое, прогрессивное направление гуманитарных наук; альтернативность — в том, что эта программа направлена не столько на передачу знаний по гендерной проблематике, сколько на процесс познания «мира, себя, друг друга, науки, методологии» через призму гендерного подхода; а демократическая форма коллективного, группового диалога позволяет исследователям, которые собираются в Летних гендерных школах, выходить на новый уровень творческого сознания и мышления.

При написании этой статьи передо мной стояли две задачи — информационная и рефлексивно-аналитическая, связанная с описанием опыта проведения Летних школ по гендерным исследованиям. Первоначально эти задачи я собиралась решать последовательно и, следовательно, написать две части: в первой кратко проинформировать о деятельности и результатах проекта РЛШГИ, а во второй — обсудить уникальный творческий опыт работы по созданию и развитию проекта. Но потом я решила писать статью в другом жанре и попытаться выполнить эти задачи не последовательно, а параллельно, описывая шаг за шагом различные факты «из жизни» проекта Летних школ и тут же давать к ним «исторические» и аналитические комментарии.

Партнерство по организации Летних школ

Российские летние школы по гендерным исследованиям (РЛШГИ) были задуманы и реализуются как совместный научно-образовательный проект Московского центра гендерных исследований (МЦГИ) и университетов из российских регионов, при финансовой поддержке Фонда Форда (США).

При проведении Первой российской летней школы «Валдай-96» партнером МЦГИ был Тверской государственный университет, в организации и проведении Второй летней школы «Волга-97» участвовал Самарский университет, Третья летняя школа «Азов-98» будет организована совместно с Ростовским государственным университетом (г. Ростов-на-Дону).

Опыт выбора партнера для Летних школ очень показателен и свидетельствует о росте «самооценки» проекта и нашей веры как «во всепообеждающую силу гендерного подхода», так и в надежность не только старых, но и новых коллег.

«Вначале было Слово...», сказано в Библии. А у нас с Валей Успенской (доцентом Тверского университета, а впоследствии содиректора Первой летней школы «Валдай-96») вначале была мечта. Выглядела она примерно так: «Хорошо бы когда-нибудь собрать всех гендерных подруг-коллег на даче и долго-долго, в спокойной дружеской обстановке обсуждать свои научные темы-проблемы. И чтоб не было ни формальных рамок «мероприятия», ни городской суеты, а была бы душевная беседа, где каждого с любовью и вниманием выслушают и попытаются понять...»

Поэтому двух мнений о том, где проводить Первую летнюю школу, быть не могло — только в Твери, где опыт

сотрудничества двух женских организаций (МЦГИ и тогдашнего клуба «Женский свет», тесно связанного с Университетом), был подкреплен многолетними дружескими связями.

Вторую гендерную школу было решено провести в Самаре, где партнером МЦГИ выступал Центр гендерных исследований, созданный в начале 1997 года при Самарском госуниверситете. Важную роль в создании ЦСГИ сыграло во впечатление, которое произвело на Людмилу Попкову (ставшую впоследствии содиректором Второй летней школы «Волга-97») пребывание в Первой летней школе «Валдай-96» и знакомство с коллегами из разных городов, где уже действовали различные научные гендерные центры и группы. Таким образом, партнер МЦГИ для Второй летней школы был не просто «найден» в Первой школе, а скорее даже «рожден» в ней.

За право быть партнерами МЦГИ по проведению Третьей летней школы «боролись» два университета — Кубанский и Ростовский, выразившие готовность к сотрудничеству. Члены Научного совета РЛШГИ сочли предложения Ростовского университета более предпочтительными. А Университет, в свою очередь, заверил, что если им гендерная школа «понравится», то они непременно подготовят и введут в Ростовском университете курс лекций по гендерной тематике, а может быть, и гендерный центр создадут. Итак, наш третий партнер по Школе еще не родился «как гендерный», но мы практически уверены, что это произойдет, поскольку опыт двух лет работы проекта показывает, как много меняется и рождается после Школ.

Наша мечта сбылась! Творческое взаимодействие между участниками и участниками Школ носит неформальный характер и не ограничивается рамками учебных часов, а превращается в диалоги, которые продолжаются так долго, сколько требуется для выяснения и понимания позиций каждого. Эти диалоги могут длиться не один день и происходить не только в «классе», но и во время прогулок, на пляже, в вечерние часы в дискуссионном клубе или баре. Возможность услышать другого и высказаться самому, возможность верно понять идеи других ученых является важной чертой феминистских исследований, которую удалось успешно реализовать в Российских летних школах по гендерным исследованиям.

Участницы и участники Летних школ

За два года (1996-1997) проектом РЛШГИ были проведены две летние школы «Валдай-96» (в Твери) и «Волга-97» (в Тольятти), в которых приняли участие более 120 российских ученых, преподавателей, студентов и аспирантов из 33 городов России, а также коллеги из СНГ, Европы и США.

Школа — это и есть ее участницы и участники + созидательная энергия их творческого взаимодействия. Поэтому этот комментарий будет иметь несколько аспектов, которые условно могут быть обозначены как «арифметический», «биографический», «географический», «языково-концептуальный» и «ролевой».

Участником Летних школ может стать каждый, кто профессионально занимается или интересуется гендерными исследованиями, подаст заявку на участие в открытом

Гендерное образование

конкурсе и выиграет его. Опыт двух Школ показал, что на одно «школьное» место претендует два-три человека. Прошедших по конкурсу ждут две недели забываемого творческого общения с коллегами, от которого не будут отталкивать ни бытовые, ни материальные заботы.

С «арифметической» точки зрения в Школе участвуют: 50 участников, отбираемых по конкурсу + персонал + гости-ученые + дети участниц и участников = итого около 75 человек. Это немало, тем более если учесть, что около 80% участниц и участников знакомятся только в Школе. И мы — организаторы — знаем большинство из них лишь по конкурсным документам и немного по телефонным и модным перепискам. И каждый раз, когда в результате совместной творческой работы за 10-12 школьных дней из этих ранее незнакомых и малознакомых людей создается коллектив сторонников-соратников, это воспринимается как гендерное чудо. Разъезжаются все уже подругами и друзьями и «школьное» сестринство и братство оказывается необычайно крепким, творческим и душевным. В этом мы, группа российских исследовательниц, еще раз смогли убедиться, когда в начале марта этого года приехали в Центральный Европейский университет в Будапеште. Аспиранты ЦЕУ — Густава, Юля и Сергей, участвовавшие во Второй школе «Волга-97», встретили нас как родных: помогли сориентироваться в большом Университете и незнакомом городе, старались сделать наше недельное пребывание в Будапеште как можно более интересным и плодотворным.

«Школьный» групповой портрет: пол (он же гендер) у 90% — женский, а у остальных — мужской; возраст — в среднем 35 лет; образование — высшее и еще выше; место рождения — см. ниже; рабочий язык — русский, но для большинства и английский не проблема; детность — 10-12 детей на одну Школу; характер — жизнерадостно-познавательный.

«География» участников Летних школ обширна и растет год от года; на участие в Первой летней школе заявки пришли из 26 городов, а Второй — из 42 городов России и СНГ.

Гендерные исследования в России сегодня — это около 50 научных центров и университетских кафедр в разных регионах страны от Калининграда до Владивостока, где ведутся научные исследования и читаются лекции для студентов, защищаются кандидатские и докторские диссертации по гендерной тематике. Для тех, кому цифра 50 покажется завышенной, объясню: именно столько адресов научных центров и университетских кафедр было передано проектом РЛШГИ для публикации в справочнике о женских и гендерных исследованиях в Центральной и Восточной Европе, который готовит к печати Сеть Женской Программы Института Открытое Общество. А тем, кто сочтет эту цифру неполной, поясню, что мы располагали информацией только о тех научных центрах и университетах, которые контактируют с проектом РЛШГИ, а также входят в Межвузовскую программу «Феминология и гендерные исследования в России: перспективные стратегии и технологии», координируемую Ивановским госуниверситетом.

Хотя наши Летние школы по гендерным исследованиям — российские, но в них участвуют также и коллеги из других стран. Исследовательницы и аспиранты из СНГ участвуют в открытых конкурсах наравне с россиянами. Участие западных ученых и аспирантов в Российских школах ограничено квотой 5 человек и, по условиям проекта, они должны свободно владеть русским языком.

Последнее требование обусловлено не только тем, что рабочий язык российской школы, естественно, русский, но еще и тем, что интенсивность работы, научного и межличностного общения в Школах столь высока, что без знания русского языка вольно или невольно можно оказаться в ситуации «выключенности» из общего контекста, а это уже нарушит «школьную ауру». То, что условия конкурса для западных коллег «жестче», чем для «своих», свя-

зано прежде всего с тем, что задачи данного научно-образовательного проекта не «узнавательные», а познавательные — мы хотим наработать «отечественный» феминистский дискурс и методологию, разобраться с гендерными проблемами нашего российского и постсоветского менталитета и общества.

Идея и концепция проведения Научных летних школ по гендерным исследованиям как российских, а не международных (где бы западные специалисты делились своим богатым опытом в данной области) была безусловно рискованной, но она себя оправдала. Вот мнения участниц Школы на этот счет:

Валентина Успенская: «Школа показала, что в России существует развивающаяся интеллектуальная мощь женских и гендерных исследований, весьма слабо пока интегрированных в систему современного образования».

Надежда Ажгихина: «Оказалось, в стране уже накоплен значительный опыт исследований и преподавания в данной области, и творческое общение специалистов было как нельзя более кстати. Удивило многих то, что в разных регионах практически независимо друг от друга складываются начала новых «школ» — экономической, культурологической, политической, исторической. Отрадно было и то, что дискуссия, в отличие от многих предшествующих, не спешит заглянуть в западные «шпаргалки» по женскому вопросу, но оперирует отечественными наработками, опытом, борьбой идей и отстаивает оригинальную позицию».

Ольга Воронина: «Присутствовавшие в школе исследователи и преподаватели являются новаторами (но не новичками) в своих дисциплинах — их лекции и семинары основаны, как правило, не только на знакомстве с западной литературой, но и на результатах своих собственных теоретических и эмпирических разработок».

«Ролевой» аспект — это, пожалуй, наиболее важный комментарий. Гендерные школы — это феминистский проект и концепция такой школы исключает какую-либо субординацию и деление на «учителей и учеников». Каждая участница и участник выступает в школе одновременно в трех ролях: «преподавателя» — когда читает лекцию, ведет семинар или деловую игру; «студента» — когда слушает лекцию коллеги; но чаще всего — активного участника дискуссий или круглых столов, где все выступают на равных. «Здесь мы видели взаимоотношения личностей. Здесь не было взаимоотношений «студент-преподаватель», не было дистанции» (студентка С.ПбГУ Алиса Фомина — аудиозапись).

«Здесь совершенно новый качественный вид взаимодействия между научными сотрудниками и между системой образования. И я хотела бы подчеркнуть важную вещь, про которую Алиса сказала, что в любой профессиональной сфере ты стоишь, особенно в это время, в ситуации конкурентности, а здесь скорее в позиции солидарности. Это абсолютно феминистская позиция, когда не только равные с равным, но и общая цель является определяющей» (исследовательница из Санкт-Петербурга Татьяна Герасимова — аудиозапись).

**А с обеда, как с утра, вновь учебная пора —
это Школа, это Школа, это Школа**

Это слова из шуточной песенки, которую пели на веселом Капустнике в Школе «Валдай-96». Действительно, в Школе начинаешь чувствовать, что теория относительности — это реальность, так невероятно высока интеллектуальная, эмоциональная и информационная насыщенность каждого школьного дня.

«За две недели я получила информации столько, что для того, чтобы получить ее в обычных условиях, мне понадобилось бы минимум полгода сидеть в библиотеках. Содержательная насыщенность и концентрация некоторых лекций была на высочайшем уровне» (из анкеты обратной связи).

Идут первые уроки

Форма организации учебного процесса в гендерных Школах не менее важна, чем содержание. Это то, что философ Татьяна Клименкова назвала «культурой нашего научного проектирования, когда важна не только научная работа, но и околонаучный контекст». Мы понимали, что «нельзя влить новое вино в старые мехи», но готовых «образцов для подражания» не имели. Поэтому поиск новых учебных оргформ, начатый в Первой школе, продолжается и поныне: «Организаторы были чрезвычайно компетентными и гибкими: они реагировали на все замечания, проблемы решались по мере их возникновения, программа корректировалась в соответствии с потребностями участниц. Превосходная работа!» (из анкеты Лоры Энгельштейн, профессора Принстонского университета (США)).

Разработка учебной программы гендерных Школ — сложный, многоступенчатый и многогранный процесс. И это связано не с тем, что мы, организаторы Школы, не можем заранее составить учебную программу и затем жестко следовать ей все 10 дней. Просто мы считаем, что то, что годится для университета (долгосрочная образовательная программа) или конференции (краткосрочная научно-информационная программа), не годится для Школы с ее, если можно так выразиться, среднесрочной *креативной программой*. Навязывание в Школе чего-нибудь «сверху» и «жесткие» формы программы могут убить саму идею креативности и нарушат неповторимый процесс самореализации и рефлексии творческих личностей, которые собираются в Школах. Поэтому вначале прорабатывается лишь общая концепция Школы, затем определяется «рамка» школьной программы, по специальностям, как было во Второй школе, или тематике, как будет в Третьей. Исходя из этих параметров, формулируются критерии для открытого конкурса на участие в Школе. Конкретное тематическое «наполнение» учебных часов происходит только после окончания конкурса и напрямую зависит от заявленных тем. Так, например, после составления списков участниц/участников школы «Валдай-96» было решено объединить все предложенные ими темы лекций и семинаров в тематические блоки, которые в программе обозначались как «тема дня», например: «Женщина и литература» или «Женщины в истории». Остальные корректировки программы происходили непосредственно в Школе, когда, например, все заинтересованные в определенной тематике сами договаривались, как они распределят между собой время и какие темы и формы занятий будут предложены в программу дня. Поэтому, схематизируя процесс создания школ, можно сказать, что Школу формирует открытый конкурс, а конкурс — формирует программу.

В соответствии с концепцией школы, в учебную «сетку» закладывается время как для «программных» лекций и семинаров, так и для проведения мероприятий по инициативе участниц/участников школы. Учебная программа разрабатывается только для лекционных и частично для семинарских занятий.

Обычный «школьный» день выглядит так: утром — лекция; после обеда — отдых, подготовка к лекциям, библиотека; перед ужином и вечером — семинары, тренинги, инициативные занятия, презентации, круглые столы, дискуссии.

Инициативные занятия предлагают сами участницы/ки школы и при этом все имеют равные шансы заявить и провести свой семинар или круглый стол. Для этого достаточно на доске объявлений «ВОЛГА-ИНФО» (в Первой школе — «ВАЛДАЙ-ИНФО») вывесить информацию о своем предложении и пригласить желающих участвовать. Есть лишь одно ограничение: нельзя предлагать свои инициативные занятия в утренние часы, когда идут лекции.

Формы учебных занятий, как «программных», так и «инициативных», очень разнообразны — кроме «академических» лекций и семинаров проводились дискуссии, круглые столы, ролевые игры, консультации, психологические тренинги, творческие мастерские, показ и обсуждение фильмов и многое другое.

Но Школа — это не только учеба, вернее, даже не столько учеба, сколько творческое взаимодействие. По инициативе участников школы «Волга-97» родились такие

новые формы, как «Дискуссионный клуб» и регулярные встречи профессиональных групп, где проходили презентации научных исследований и учебных курсов, обсуждались как общие, так и «узкоспециальные» вопросы методологии исследований или методики преподавания.

Посещение занятий в Школе — свободное, но практически никто занятия «почему-то» не прогуливает и всем «почему-то» интересно учиться. Александр Мищенко (преподаватель Академии Госслужбы из Санкт-Петербурга) в эссе, присланном после Школы, так описал свое впечатление о Школе: «Очень приятно было увидеть молодых, вдохновенных лиц аспирантов и аспиранток, готовых заниматься по 24 часа в сутки».

Высокий профессионализм и увлеченность участниц и участников, в сочетании с демократической формой общения и обучения, создают в Школах уникальную атмосферу творческого подъема. Это позволяет за 10 учебных дней проводить более 100 часов учебных занятий — лекций, семинаров, дискуссий, круглых столов, тренингов, уж не говоря о неформальных встречах в «Дискуссионном клубе», которые заканчивались далеко за полночь и учету не поддаются.

В поисках оптимальной модели Школы

Проект РЛШГИ стал своеобразным полигоном научно-образовательных инноваций, где были опробованы различные модели Школ, как по составу участниц и участников, так и по принципам формирования учебной программы. Условно эти модели могут быть определены как школа «смешанного» типа, «специализированная» и «тематическая».

Модель Первой летней школы «Валдай-96» условно может быть названа «смешанной», поскольку ее учебная программа и состав участниц/участников не были ограничены какими-либо рамками. С одной стороны, не существовало никаких «горизонтальных рамок» по научным дисциплинам и в Первой школе участвовали экономисты и социологи, историки и лингвисты, психологи и журналисты, вовлеченные в российские гендерные исследования. С другой, не было «вертикальных рамок» и в Школе приняли участие как студенты, так и профессора. Все, от студента до академика, имели одинаковый статус участников Школы, вместе сидели на лекциях и семинарах, выступали, слушали коллег и вели дискуссии.

Первая летняя школа «Валдай-96» была подготовлена в экстремально короткий срок — менее полугодия прошло от момента озвучивания идеи школы до ее открытия. Это был эксперимент — вдохновенный и успешный!

Модель Второй летней школы можно назвать «специализированной» по ограниченному кругу научных дисциплин. Опыт проведения Первой школы был проанализирован на декабрьском 1996 года научно-методологическом семинаре и при подготовке Второй летней школы «Волга-97» в концепцию школы были внесены две важные коррективы: (1) число учебных дисциплин было ограничено до четырех: история, социология, психология и философия; (2) состав участниц (ков) школы формировался по принципу «Учить тех, кто учит других». То есть в Школу решено было пригласить тех, кто уже вовлечен в социальную практику преподавания и исследований, кто заинтересован в обмене опытом или приобретении знаний по гендерной методологии. Мы хотели собрать во Второй школе молодых гуманитариев, которые уже сделали свой выбор, «связав» свою научную судьбу с гендерными исследованиями и, что особенно важно, которые имеют возможность через преподавание и научные публикации «ретранслировать» знания, полученные в Летней школе, на более широкую аудиторию студентов и читателей научной литературы. Опыт показал правомерность этих изменений и в результате «Волга-97» позволила поднять «планку» школы на еще более высокий уровень за счет работы с более «зрелыми» и увлеченными слушателями и соответствующему этому составу корректировки учебной программы.

Гендерное образование

Концепция Третьей школы принципиально отличается от первых двух: не специализация участниц (ков) по научным дисциплинам, а социальные проблемы, которые предстоит обсудить, положены во главу угла формирования программы Третьей летней школы. Таких проблем — четыре:

1. Права женщин: от международных норм к российским реалиям;
2. Статус женщин в российском обществе в сферах экономики, политики, семьи;
3. Образ женщины в литературе, истории, искусстве и СМИ;
4. Вопросы методологии и методики гендерных исследований и преподавания этой дисциплины в высшей школе.

В чем преимущество проблемного подхода по сравнению с дисциплинарным? Во-первых, проблемный подход к построению программы школы позволит наиболее полно раскрыть междисциплинарный характер гендерных исследований. Во-вторых, учебные программы по женским и гендерным исследованиям в том виде, как они были задуманы и развиваются в западных университетах, ориентированы в значительной степени не только на анализ, но и на поиск путей решения реальных социальных проблем. В этом смысле Третья летняя школа позволит нам сделать еще один шаг в развитии гуманистических идей гендерных исследований и гендерного образования в России.

На обсуждение каждой из четырех проблем выделено по два полных учебных дня. Еще одной инновацией в организации Третьей школы является введение «института» ведущих. Научный Совет РЛШГИ уже определил по два ведущих для каждой темы, которые в течение двух дней будут «дирижерами» и «репортерами» своей темы. Планируется, что один будет ведущим в течение всего дня, а другой будет занят фиксацией «наработанных» методологических и содержательных результатов (на второй день они поменяются ролями). Поскольку мы впервые ориентируемся не только на научный анализ, но и на поиск путей решения социальных проблем женщин и мужчин в нашем обществе, такой стиль работы поможет нам создать «банк идей», которые будут обсуждаться или в конце каждой темы или на завершающем этапе работы, когда по традиции в Школах проводятся итоговые круглые столы.

Статус ведущих очень высок: им доверена разработка концепции и программы на «свои» два учебных дня. Участие в конкурсном отборе участников, необходимых для раскрытия темы. Поскольку ведущие каждые два дня будут меняться, то, следовательно, будет меняться стиль и формы учебной работы. Это делает школьную программу более разнообразной и многогранной, а также послужит отработке еще одной нетрадиционной феминистской модели альтернативного образования.

В качестве ведущих приглашены яркие творческие личности, которые хорошо известны в «гендерных кругах» и не только российских:

По 1-й теме: **Татьяна Герасимова** (Санкт-Петербург) и **Елена Горошко** (Харьков). Обе они имеют наряду с социологическим также и юридическое образование, а также глубокие знания и опыт в области гендерных исследований.

По 2-й теме: **Елена Машкова** (Набережные Челны) и **Валерия Стерлинг** (США). Елена — российский специалист по экономике и активистка Независимого женского движения, Валерия — политолог, написавшая диссертацию по российским материалам.

По 3-й теме: **Надежда Ажгихина** и **Елена Трофимова** (обе из Москвы). Все, кто интересуется или занимается феминистскими исследованиями в России, любят и высоко ценят рубрику «Женщина» в «Независимой газете», журналы «ВЫ и МЫ» и «Преображение», редактируемые Надеждой и Еленой, а многие были также и авторами этих изданий.

По 4-й теме: **Наталья Пушкарева** и **Ольга Маслова** (обе из Москвы), которые являются ведущими российскими специалистами в области методики и методологии, в том числе и гендерных исследований.

Третья летняя школа видится мне как полномасштабное симфоническое произведение — единое и разное во всех

своих четырех частях. Так же как в симфоническом оркестре, здесь есть свои «дирижеры» и «первые скрипки» — ведущие и специалисты, по каждой из тем, а также грандиозный «оркестр» — все участницы школы, активно обсуждающие проблемы и дискутирующие пути их решения.

Традиции и инновации

Что можно считать наиболее важным и ценным в этом проекте:

то, что в Школах удалось на практике воплотить в жизнь те принципы, которые отличают гендерные исследования от других традиционных академических дисциплин: междисциплинарность, неиерархичность, аналитичность, креативность. Здесь нет противоречия между содержанием гендерных исследований и формой научно-образовательных стратегий.

Инновационный характер Школьного проекта состоит еще в том, что «проработка» и осмысление российской гендерной тематики и методологии происходит одновременно с конструированием нового научного гендерного сообщества. И это сообщество строится как раз исходя из принципов неиерархичности и взаимопонимания, которые отличают феминистские гендерные исследования от любого другого академического научного направления. То есть наука здесь рождает практики, а практики — создают условия для дальнейшего развития науки.

Несмотря на то, что проекту РЛШГИ всего два года, у Российских летних школ по гендерным исследованиям уже появились традиции: во-первых, это детская группа, в которой занимаются дети, пока их мамы и папы «учатся в школе». И это еще одно воплощение геноцентрических идей, «...где личное и общественное не разрывается, как это происходит в обычной жизни, а дополняет друг друга» (из «школьной» анкеты аспирантки МГУ Наташи Федосеевой).

Во-вторых, это школьные дневники, которые ежедневно (вернее, еженежно) пишут добровольцы-летописцы, фиксируя свое видение и понимание того, что происходит в Школе вокруг и «внутри» них самих: «... то как человек себя ощущает в этой школе, как меняется его мировоззрение, — должно быть важным. Я думаю, это основная цель школы» (из дневника студентки «Тимирязевки» Наташи Кашиной). В этом году мы мечтаем ежедневно публиковать дневники из летней школы «Азов-98» в Интернете, чтобы наши старые и новые, близкие школьные и далекие подруги и друзья могли ощущать себя со-участниками всего того, что будет происходить в нашей Школе.

И, наконец, это веселые капустники со стихами, пародиями, песнями и театрализованными представлениями на школьные темы, которыми заканчиваются летние школы. В школе «Волга-97» даже был поставлен юмористический спектакль, где «судили» феминизм, который в конце концов пришлось оправдать за недоказанностью порочащих его улик.

«Возможность быть самим собой» — эти слова из школьной анкеты — ключ к пониманию того, откуда черпают силы и энергию люди, «увлеченно отучившиеся 24 часа в сутки», чтобы писать по ночам дневники, стихи, песни и сценарии. Трудно найти слова, чтобы хоть отдаленно передать ту уникальную атмосферу полной самоотдачи и самореализации, которая царит в Летних школах по гендерным исследованиям.

Результаты реализации проекта РЛШГИ

Писать о результатах проекта Российских летних школ по гендерным исследованиям сложно, поскольку, во-первых, они лежат в нескольких уровнях: интеллектуальном, когнитивном, информационном и личностном, а, во-вторых, выходят далеко за рамки проекта, когда идеи и взаимодействия, рожденные в школах, реализуются бывшими «школьницами/школьниками» в их городах и университетах. Приведу здесь лишь основные результаты двухлетней работы проекта:

* преодолен информационный вакуум в области женских и гендерных исследований — благодаря проекту удалось узнать, КТО, ГДЕ, ЧТО и КАК изучает и преподаёт в области женских и гендерных исследований в России;

* создана и успешно работает информационная сеть (Network) по гендерным исследованиям, по которой регулярно распространяется и собирается информация о деятельности тех, кто побывал в Первой и Второй летних школах и участвовал в открытых конкурсах 1996-1997 годов (наш список рассылки включает более 250 адресов);

* собрана уникальная информация о тематике исследований и учебных курсах более чем 250 ученых, преподавателей и аспирантов, занимающихся женскими и гендерными исследованиями в России и СНГ;

* благодаря открытым конкурсам на участие в школах, выявлены новые имена ученых и преподавателей, которые изучают и преподают гендерные исследования в российских институтах и университетах;

* опубликована книга «Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96», в которую вошли лекции, доклады, эссе, дневники, фотографии и биографии участниц и участников Первой летней школы (тираж 1000 экз.);

* сделаны 20 учебных видеофильмов с записями лекций и семинаров Первой российской летней школы по гендерным исследованиям, а также документальный видеофильм «Валдай-96» (грант посольства Нидерландов);

* начато создание единственной в России электронной библиотеки по гендерным исследованиям, в которой собираются работы российских ученых;

* на смену информационным письмам, рассылавшимся по сети, пришел информационный бюллетень «ГендерLand», где публикуются новости проекта, научные статьи и материалы о развитии российских гендерных исследований. Уже выпущено и разошлось по сети два номера этого ежеквартальника.

Главный итог работы и достижение проекта РЛШГИ мне видится в том, что благодаря Летним школам сложилась и начала действовать неформальная Сеть российских специалистов по гендерным исследованиям, в которую входят участницы и конкурсанты Первой и Второй летних школ, а также другие исследователи, которые контактируют с проектом. Информационная Сеть по гендерным исследованиям активно работает: мы, организаторы проекта РЛШГИ, издаем и рассылаем по сети наш научно-информационный бюллетень «ГендерLand», а получаем письма и информацию о проектах наших «школьных» коллег из регионов и университетов, эссе, газетные публикации, книги для библиотеки, информацию об их работе и много-много благодарностей и теплых слов о школе. Еще более активное общение идет между специалистами напрямую. Сеть живет, а это означает, что проект РЛШГИ является успешным — он нужен, полезен и интересен всем, кого он объединяет и кто заинтересован в развитии гендерных исследований в России.

Чтобы понять значение Летних школ для развития российских гендерных исследований, необходимо оглянуться назад, в совсем недалекое прошлое, а именно в тот момент, когда я впервые озвучила идею проведения Летней школы, а Татьяна Клименкова — идею создания исследовательской Сети. Это был конец января 1996 года и мы выступали как члены оргкомитета на научной конференции «Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития», организованной МЦГИ. На конференции царил атмосфера, которая воспринималась мною как атмосфера настороженности, дискуссии были бурными, но о перспективах сотрудничества говорили без энтузиазма, ученые мало знали друг друга, и воспринимали друг друга скорее как конкурентов за ограниченные ресурсы, чем сторонниц и соратников. Из выступления Татьяны Клименковой: «Для нас вопрос о том, что такое гендерное исследование — это пока весьма открытый вопрос. Здесь, конечно, видны трудности роста, мы пока еще не самоопределились, не отдали себе достаточно отчет в том, чем мы занимаемся, но дело не

только в этом. Иногда причина такого положения еще и в том, что невозможно прямо адаптировать западные достижения для русской почвы, что иногда просто мало начитано литературы и т.д... Мы здесь хотели бы попытаться как-нибудь обойти трудности наших несогласований в понимании того, что такое гендерный тип работы, хотели бы предложить свой выход — это попытка заложить основы сети исследований. Такая постановка вопроса может помочь нам перейти из содержательного не только в практический и не только формальный, но даже и инструментальный план рассмотрения. Сеть может послужить для всеобщего нашего усиления».

Прошло немногим более двух лет и то, о чем говорилось как о желательной, но неясной перспективе — осуществилось. Конечно же «трудности роста» продолжают и еще многое предстоит сделать в направлении развития не только Сети, но и самих российских гендерных исследований, но первый, может быть, самый трудный шаг уже сделан: «Превосходно! Кажется, организаторы сделали невозможное, подняли такой пласт целины... Огромное спасибо, нет слов, чтобы выразить мою благодарность. Они это невозможное уже сделали! Сделали!!!» (из анкеты обратной связи).

По сравнению с Западной Европой или Америкой мы, конечно, здорово отстаем с развитием теории и практики гендерных исследований. А вот в Восточной и Центральной Европе мы вполне «передовые» и продвинутые, ведь даже в Центральном Европейском Университете (ЦЕУ) программа «Гендер и культура» начала действовать в том же 1996 году, когда была проведена наша первая школа «Валдай-96». Это означает, что мы начали делать свои первые шаги к объединению и сотрудничеству, а значит, и к развитию российских гендерных исследований вполне своевременно. Хочется добавить, что интерес к этому, к развитию гендерных исследований в России и проекту Летних школ, у наших западных коллег очень высок. Так, например, Круглый стол, организованный по этой тематике в Будапеште, собрал так много желающих нас послушать, что большая лекционная аудитория с трудом всех вместила. На 30-й юбилейной конференции Американской ассоциации славистов и на конференции Сети Женских Программ в Белграде (сентябрь с. г.) также планируются выступления и панельные дискуссии по проблемам развития гендерных исследований в России. И это приятно, что благодаря Летним школам, мы сможем рассказать не только о наших проблемах в этой области, но и о достижениях.

Творческое общение и взаимодействие тех, кто побывал на Летних школах, не заканчивается двумя школьными неделями, а только начинается в школе. Профессиональные обмены информацией, совместные проекты, приглашение читать лекции в университеты, проведение семинаров и Вечерних школ по гендерным исследованиям для студентов и активисток НПО — все это происходит за рамками школ. Весь второй номер «ГендерLand» посвящен сотрудничеству и активности, рожденному Школами. Вот отрывок из статьи докторанта ЦЕУ Сергея Ушаткина, опубликованной в этом бюллетене: «В отличие от недостатка знаний, недостаток профессионального и заинтересованного общения трудно заполнить раз и навсегда. Ведь потребность в продолжении диалога усиливается в ходе самого диалога. И мне кажется, что «Волга-97» сделала в этом направлении немало — диалог состоялся, он продолжается, и, судя по всему, конца ему пока не видно».

Главное значение проекта РЛШГИ — он дал мощный импульс для качественно нового этапа развития женских и гендерных исследований в России, суть которого состоит в переходе от работы в отдельных

исследовательских и преподавательских коллективах к взаимодействию и сотрудничеству ученых и преподавателей из разных городов и университетов.

Журнал в журнале: КОЛЬСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Приглашенный редактор — Надежда Хлебникова

Любовь Штылева
сопредседатель Конгресса женщин
Кольского полуострова

«КОНГРЕССУ ЖЕНЩИН ПЯТЬ ЛЕТ, ЧТО ДАЛЬШЕ?»

21 марта в Мурманске состоялась внеочередная сессия Конгресса женщин Кольского полуострова, посвященная пятилетию организации. Женщины остались верны себе: шумным торжеством они предпочли Вторую Ассамблею НЖО с кратким обзором истории и мозговым штурмом по вопросам: Куда идти дальше? Стратегия и тактика Конгресса женщин в современных условиях.

В Ассамблее принимали участие лидеры женских групп, клубов и ассоциаций, женщины-депутаты местных законодательных органов, члены Правительства Мурманской области, председатель областного совета профсоюзов, женщины-лидеры политических партий, сотрудницы администрации.

Когда и почему появился Конгресс женщин?

Конгресс женщин, как новая женская организация, может считать временем рождения весну 1992 года, когда впервые была произнесена вслух идея создания региональной женской организации, или 20-22 марта 1993 года. Это формальная дата, когда была проведена конференция и был принят Устав организации. Регистрация состоялась в ноябре 1993 года.

Особое место между этими датами занимает первый форум женщин области, который подготовила небольшая группа активисток женских клубов из Мурманска. Его назвали громко — Первый Конгресс женщин Кольского полуострова. Конгресс состоялся 28-29 ноября 1992 года, он был женской рефлексией на тот социально-политический катаклизм, который происходил в нашей стране под очень красивым названием «перестройка».

Была потребность высказаться, выкрикаться по поводу того, что происходило в стране, как нам не нравится то, что происходит, как ухудшается положение семей, как нам страшно за будущее детей, страны. Вот об этом мы хотели говорить и, собственно, это и произошло 22-28 ноября 1992 года.

Жизнь показала, что причинами появления впервые в истории в Мурманской области новой независимой, неконтролируемой партиями и государством женской организации стали:

1. спонтанное проявление протеста женщин против ухудшения социально-экономического положения семей (полных, неполных, многодетных, малодетных) в результате действия перестроечных процессов как в Москве, так и в регионе;
2. ощущение исключенности мнения женщин как в регионе, так и в стране в целом из процессов принятия жизненно важных решений, затрагивающих каждую личность, каждую семью;
3. ощущение отсутствия реальной женской организации, которая знает, представляет и продвигает или предостерегает мнение нас, женщин, в регионе обществу и государству во всех его ветвях власти.

Небольшое отступление:

Конечно, мы слышали о том, что есть Женсоветы и в том числе, что у нас в области тоже есть Женсовет. Мы просто не знали, где они находятся и чем занимаются. И, создавая новую

женскую организацию, мы вовсе не мыслили в категории альтернативы, противовеса Женсоветам. Мы не претендовали на статус этой организации, ее возможности и структуру, а просто хотели действовать...

Дорогу осилит идущий...

Знали ли мы, первые организаторы независимого женского движения на Кольском полуострове, что будем делать после завершения первого форума в Мурманске в 1992 году?

Ответ — скорее «нет», чем «да». Имелся ли у нас опыт демократического взаимодействия?

Ответ — «Безусловно — нет!»

Предыдущий опыт — это сплошь действие в вертикальных структурах, иерархия подчиненности с долей демократии, как в общественных организациях, много познаний, слов и обращений к власти. И мы, конечно, обладали только этим опытом, другого опыта у нас и быть не могло, потому что мы жили в этой стране и несли только то, что могли познать. И первый Конгресс это показал. Мы испытывали дискомфорт, но не знали, что нужно сделать, чтобы измениться. Ну, например, отношение между людьми на первой «сходке» было «зал — президиум». Президиум — это люди, которые почему-то должны больше знать, чем те, остальные, которые сидят в зале, и должны сказать тем, которые в зале, что им делать. И люди в зале, которые ждут ответа, ждут ресурсов и делегируют свои проблемы людям-организаторам, тем, которые в президиуме. И второе, наша первая сходка завершилась обращением к Сессии Верховного Совета народных депутатов, которая в это время проходила в Москве... Судьба обращения нам неизвестна.

— Но уже в колыбели Конгресс имел свои отличия в сравнении с «партийными женсекциями» прежних лет.

Первое из них — полная самостоятельность в принятии решений, подготовке и проведении. Сами придумали, сами собрали средства и сами организовали. Второе отличие состояло в том, что в обращении к Депутатам не было расшаркивания и привычного «одобрям». В этом обращении мы говорили, что нам не нравится то, что происходит в стране, что против, ибо не считаем, что такой ценой надо менять устои, что надо более бережно действовать, и мы хотим, чтобы наше мнение было учтено.

Миссия — дело тонкое

Если хочешь узнать судьбу и историю организации, можно провести сравнительный анализ ее информационных писем, буклетов, листовок. Все они обязательно содержат пункты: «миссия», «цели и задачи организации».

Может оказаться, что в буклетах разных лет вы не найдете отличий. Одно из двух: либо миссию, цели и задачи «прописывал» для организации суперпрофессионал, либо — ...организации нет... Потому что правильное определение своего места и роли (миссии), стратегических и тактических задач дело не просто тонкое, но очень «живое». Именно постоянное внимание к точности миссии и избранного пути — показатель разумного отношения членов организации к своей работе. Анализ буклетов и информационных писем Конгресса женщин за пять лет дал очень интересные результаты. В первом Уставе Конгресса женщин «миссия» как таковая вообще не определена. Целью мы декларировали защиту гражданских, политических, экономических и социальных прав и свобод населения Кольского полуострова. Мы даже не решились, ис-

пытывая внутренний дискомфорт, назвать четко свою женскую нишу. Хотя в декларации, когда мы формулировали статус нашей организации, мы писали, что это свободное объединение женских групп, но замахивались мы на счастье всех народов на Кольском полуострове без разбора по полу, вероисповеданию и т.д.

Шесть уставных задач можно свести к трем в принципе:

1. Сделать мнение женщины региона слышимым (у нас это называлось «вывести на уровень социальной видимости»).

2. Способствовать развитию инициатив женщин.

3. Выведение и поддержка женщин на выборах, т.е. приведение женщин к власти.

Через год, в 1994 году, в информационном листке организации мы писали, что цель Конгресса — равноправное партнерство женщин и мужчин во всех сферах жизни. Мы впервые начали аудировать равенство прав и возможностей в той формулировке, на которую были способны. Появилось слово «координация», которое принципиально отличается от слов «помогать», «защищать». В буклете 1995 года цель Конгресса определена — создание условий для развития женских инициатив, справедливое равенство прав и возможностей, справедливое представительство в органах власти и управления. Произошли изменения и в задачах: организационная и информационная поддержка НЖО и правовое просвещение в том числе.

В буклете 1997 года мы пишем, что наша миссия — способствовать развитию женских инициатив, равноправному участию женщин в органах власти и управления Мурманской области через просвещение, организационную и информационную поддержку НЖО. Таким образом, произошло кардинальное изменение в понимании миссии организации от «защиты» и т.д., что предполагает: «Мы активны, они, население, пассивны. Мы защищаем это пассивное население, беря весь круг проблем на себя». Т.е. мы не берем ответственность на себя за решение проблем каждого, мы поняли, что это не по силам. Стремиться надо к продвижению, поднятию активности каждого гражданина, созданию правовых, интеллектуальных, психологических условий для того, чтобы каждый человек стремился сам решать свои проблемы.

Можно сказать, что пять лет жизни и практики привели нас к изменениям в понимании миссии, целей и задач Конгресса женщин, но не отбили желания работать.

...а что делали — покажем! (Этапы большого пути...)

Каждый год жизни Конгресса имеет свое лицо, свою неповторимую ауру.

1992-й запомнился подготовкой первого конгресса женщин, эйфорией от того, что это удалось и большим грузом ответственности. В декабре остро встал вопрос: «Что делать дальше?»

1993-й — год организационного обустройства, поддержки предпринимательниц и выпуска своей страницы в региональной газете.

Как случилось, что мы занялись поддержкой женского предпринимательства? Формальная причина — начало обвальной женской безработицы.

Реальная — романтические иллюзии по поводу развития предпринимательства и большой соблазн испытать себя.

Конгресс учреждает клуб женщин-предпринимательниц, проводит две выставки-биржи женских инициатив (каждая длится по месяцу), активно публикует материалы о работе фирм, возглавляемых женщинами. Все это вместе взятое привело к тому, что 1993 год можно назвать годом предпринимательниц. Хотя реальных-то предпринимательниц было раз, два, и обчелся. Мы, в принципе, работали на будущее, стараясь изменить общественное мнение в пользу того, что и это женское дело, если женщине хочется, если талант на это имеется.

1994-й год — год поиска себя, год поиска направлений деятельности и год глобального расширения сотрудничества с различными организациями. Мы собирали и призывали возможности для области. Именно в этом году

мы начали работать с Женским Форумом, неправительственной организацией, которая очень сильно повлияла на наше развитие и образование, мы нашли Женский Инновационный Фонд в Москве, и через сотрудничество с женщинами из Германии мы тогда же нашли компьютерные технологии, совершенно мало в этом понимая, но говоря: «Если дают, то давайте будем брать и давайте будем делать». Жизнь показала, что это был дар богов, потому что мы очень быстро оценили, что такое компьютерные технологии с точки зрения повышения рейтинга женщины на рынке труда, повышения эффективности труда, новых возможностей и т.д. Это год совместных проектов с ЖИФом как раз по компьютерной грамотности, поиск ответных проектов и подготовка к Пекинской конференции. Мы тоже сначала мало понимали и не верили в ее эффективность, но сама подготовка к этому в значительной степени помогла нам вникнуть в историю мирового женского движения и постепенно осознать, что мы всего лишь его частичка, что до нас были и после нас будут. Еще острее встал вопрос: «А наше-то место какое, а мы-то что должны делать?» Глобальная цель — лучшая жизнь — оставалась для нас доминирующей. О чем бы мы не говорили, мы думали, что в конечном счете мы хотим лучшей жизни для себя лично, для своих семей, для России. Чтобы было хорошо, пока мы тут живем, и чтобы дальше было хорошо после нас.

В 1995 году у нас произошел прорыв в понимании того, что мы очень мало знаем. Стало ясно, что без глобального повышения образования для себя, для женщин, для общества мы скорее всего ничего не сможем сделать, потому что не понимаем законов рынка, новой структуры государства, что такое демократия в действии. И поэтому, начиная с 1995 года, после возвращения Светланы Паршковой из Пекина мы активно учимся, организуем семинары, и по сути дела бурно начинает действовать образовательная программа.

1996-1997 годы — это годы построения сети НЖО. Мы вернулись к тому, что первая идея построения Конгресса — объединение разрозненных женских групп, клубов. Жизнь показала, что даже самые активные, но небольшие группы женщин, действующие раздельно, не влияют на изменение положения в принципе. Необходимо создание сети НЖО, взаимодействующих между собой, чтобы быть субъектом региональной политики.

Повезло, что наша работа поддержана Фондом Форда. Но даже если бы у нас не было денег, мы бы все равно этим занимались, просто это было бы труднее, в большей степени за свой счет, меньше было бы возможностей оказывать помощь на местах, но тем не менее мы бы все равно это делали.

К октябрю 1997 года мы «сплели сеть» из 9 местных «сеточек» с координационными советами.

Сейчас мы озабочены созданием сети ресурсных центров и региональной электронной сети, которые призваны обеспечить устойчивость работы НЖО в регионе, повысить оперативность взаимной информации.

К апрелю 1998 года открыты уже 4 ресурсных центра НЖО и НЖО в разных концах Мурманской области.

Пора «считать цыплят»

Мы считаем, что, поддерживая женские инициативы в социальной, экономической, культурной и политической сферах, мы добились следующих изменений в нашем регионе:

1. Мы повлияли на общественное мнение в пользу нормального восприятия женщин-руководителей, не только руководителей фабрики химчистки или пекарни по выпечке пирожков, но и в других, самых разных сферах.

2. Многие безработные женщины стали склоняться к предпринимательству, получили поддержку информацией и консультированием в Конгрессе.

3. Активно создаются и работают неправительственные женские организации.

Сейчас около сотни женских групп, женщины стали «кучковаться».

Другое дело, что этот процесс очень противоречивый, иногда мотивация не всегда та, с которой было бы приятно работать. Жизнь есть жизнь.

Голос женщин стал более громким, с этим трудно спорить. Иногда это более ярко проявлялось, когда все газеты стали писать про «женские темы», публиковать про женщин в силу своего понимания, вернее, в силу понимания редакторов. Но тем не менее была такая волна в СМИ. Она закрепились в виде специальной передачи на Мурманском телевидении, которую ведет Светлана Сазонова, специального эфира Натальи Чесноковой. Нам очень важно сохранить и еще более эффективно использовать эти возможности. В регионе на уровне общественного сознания, как нам кажется, есть представление о том, что «есть вообще женщины, что они действуют, что они активны. И есть не просто женщины, а существует организация. Т.е. отношение «нравится — не нравится» это уже второй вопрос, но бесспорен факт, что это есть».

4. Тронулся лед в вопросе «продвижения женщин на уровне принятия решения». После почти 7-летней паузы назначены 3 женщины — в Правительстве Мурманской области, в некоторых городах избраны «женские» законодательные органы (от 60% до 80% женщин среди депутатов).

Продвижение во власть требует кропотливой политической работы.

На протяжении 5 лет «отдельной строкой» идут избирательные кампании, в которых мы участвовали, мы не минули ни одной. И поскольку мы «прокукарекали» в 1992 году, что должны выдвигать и продвигать женщин, поддерживать женщин-кандидатов на выборах, то не могли отказаться от того, что декларировали Уставом.

Каждый раз мы сталкивались с ситуацией дефицита подготовленных кандидаток. Как правило, никто из действующих лидеров НЖО не врался в депутаты. Причины разные: представление о суперответственности, нежелание уходить из профессии, страх перед злобностью толпы, слабая организационная поддержка, усталость.

Мы научились находить компромиссы, поддерживать женщин, которые не являются членами нашей организации, но солидарны с ценностями и приоритетами Конгресса.

Мы приняли на веру замечание политолога Светланы Айвазовой о том, что наша миссия — торить дорогу другим, что «...Вы будете работать, но продвигаться будут женщины, уже каким-то образом расположенные к политике».

Жизнь доказала правоту этих слов. Сегодня мы радуемся началу позитивных сдвигов в регионе и продолжаем свою работу по пословице «капля камень точит». Мы понимаем, что одна или две женщины в правительстве — это еще мало, им очень трудно, потому что их всего две. Когда их будет треть или половина, принимать решения с точки зрения женского менталитета, более осторожные, более щадящие, более грамотные, более социально ориентированные, будет гораздо легче. Вот к чему мы стремимся.

В последние три года акцент в нашей работе стал совершенно объективно смещаться в сторону просветительской, организаторской деятельности, а также обеспечения информационного поля НЖО и НЖО. С одной стороны, это требование Устава, с другой стороны, это отражает понимание того, что без прохождения определенного пути, без получения дополнительных знаний о гендере, о влиянии гендерных стереотипов и асимметрии на способы принятия решений, политику государства мы обречены на вечное «прошибание лбом стен». Воистину — «Гендер — это наша повестка дня».

Гендер — сила, гендер — власть... (или «Печаль моя светла»)

Все проблемы нашей организации можно представить как внешние и внутренние.

Проблемы внешние: проблемы взаимодействия с обществом, с властью, проблемы взаимодействия в сети — это тоже внешняя проблема по отношению к отдельной женской группе.

Первая проблема в том, что, как мы уже сказали, голос

есть, общество слышит, что есть женщина, но «речь невнятная».

Часто голос распадается на многочисленные голоса, которые еще и противоречат друг другу. Интересы женщин еще недостаточно представлены и изучены, как нам кажется.

Мы, начиная, испытывали иллюзию, что у нас больше общего, теперь мы понимаем, что у нас больше разного. Но вопрос в том, что мы берем за основу: различия или то общее, что может нас объединять. Много сил положено мурманской группой, поскольку от этой группы все пошло, на создание сети, активизацию женщин в разных местах Кольского полуострова. Сеть — очень живой, пульсирующий организм. Работа организации в ряде мест была и остается очень неустойчивой, «то потухнет, то погаснет». Почти все организации, которые проходят первый этап развития, раздираются конфликтами, и это не усиливает ни позиций женщин, ни позицию женского движения, как субъекта политики. Это вызывает особое отчаяние у нас, когда мы все время стремимся достигнуть такого состояния, когда кажется, что «есть люди, везде есть точки опоры на Кольском полуострове. И мы способны действовать солидарно».

Иногда, кажется, не будет конца, что «тащить нам, не перетаскать, делать нам, не переделывать». Если говорить о женщинах, втянутых в процесс построения организации, то есть еще и вторая сторона, которая печалит. Много сил положено, очень большая работа ведется в СМИ, но «народ безмолвствует», люди пассивны. Т.е. в целом активность и сознание миллиона населения на Кольском полуострове нам кажутся еще не пробужденными. Хотя ситуация политическая, экономическая совершенно не располагает к «лежанию на диване».

Нас также печалит, что договоренности между женскими организациями по сей день часто бывают ненадежными, и особенно это проявляется в период выборов. Ведь перед каждым выборами мы проговариваем приоритеты, выбираем стратегию и тактику, смотрим друг другу в глаза, никто никого не заставляет. У нас вообще единственный механизм принятия решения — консенсус, никакого голосования у нас в принципе не признается. И потом оказывается, что тактика другая, и поддержка оказывается другим депутатам по другим критериям. Это, пожалуй, самое неприятное, с чем мы сталкиваемся.

Нас огорчает тот факт, что в регионе на уровне власти, прежде всего в администрации, в отношении женщин идет «политика двойной морали», использование, манипулирование, но всерьез женский вопрос, а это вопрос статуса женщин, не обсуждается, не аудировается.

Но с этим можно справиться, только себя и себя семеня гендерного просвещения, продолжая вести ежедневную созидательную работу НЖО.

Надежду на успех, возможно, даже не подозревая об этом, нам дал наш губернатор Ю.А. Евдокимов. Отношения у Конгресса с губернатором своеобразные, прямое влияние исключено. Гендерные знания пока губернатором воспринимаются как «женская блажь», а аргументы ООН — как «добрые, но необязательные пожелания».

Но лидеры Конгресса при каждой мало-мальской возможности стараются просвещать губернатора. В январе 1997 года губернатор по предложению Конгресса назначить руководителями в новой администрации не менее 30% женщин ответил: «Время тяжелое. Женщину надо поберечь. Пусть поработают мужчины».

И года не прошло, как в начале 1998 года он сам назначил заместителем председателя Правительства области Л.Чистову и двух женщин — начальниками комитетов. Более того, в «послании к народу», посланном 8 марта, говоря о политике в отношении женщин в регионе, Юрий Алексеевич буквально сказал следующее: «Мы сумели в этом году осуществить прорыв: ввели в Правительство сразу несколько женщин. Ранее общественные женские организации часто ругали меня за то, что мало женщин в органах власти...» Если нам удалось поколебать даже чиновную крепость, есть надежда, что мы сможем свершить и все другое.

ГОВОРЯТ ЛИДЕРЫ КОНГРЕССА ЖЕНЩИН КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Редактор «Журнала в журнале» предложила ответить на следующие вопросы:

1. Как начинался Конгресс?
2. Что удалось сделать? Главные итоги внутренней работы за прошедшие 5 лет?
3. Как помог опыт столичных и зарубежных женских объединений?
4. Почему проиграли выборы в областную Думу?
5. Какие из феминистских идей принимает (разделяет) мурманский губернатор?
6. Что удалось посеять в обществе за прошедшие 5 лет?
7. Приоритетные направления работы.

Контактный телефон Конгресса (8-815-2) 23-31-21

Любовь Штылева

доцент Мурманского педагогического института, сопредседатель Конгресса женщин Кольского полуострова

1. Как организация Конгресс зарегистрировалась в ноябре 1993 года, а до этого состоялся Конгресс как форум. Была потребность высказаться, выкрикаться по поводу того, что ухудшается положение семей — полных, неполных, малолетних, многодетных (все мы прежде всего исходим из интересов семьи), что нам страшно за будущее детей... Это была реакция на социально-политический катаклизм под названием «перестройка».

Мы, конечно, обладали опытом традиционных советских общественных организаций. Обязательная вертикальная структура, обращение к власти, много лозунгов... И у нас на первой сессии было обязательное разделение на президиум и зал. Люди, которые сидят в президиуме, почему-то должны больше знать, чем остальные в зале и должны сказать им, что надо делать. Наш первый форум завершился обращением к сессии Верховного Совета народных депутатов. Мы говорили, что нам не нравится то, что происходит в стране, такой ценой нельзя менять устои... В Уставе мы декларируем защиту гражданских, политических, экономических прав и свобод населения Кольского полуострова, то есть замахивались на счастье всех народов...

2. Произошло кардинальное изменение в понимании миссии организации — от «защиты» к «координации». Мы не берем на себя решение проблем, мы поняли, что нам это не по силам. Надо создавать правовые, интеллектуальные, психологические условия для того, чтобы каждый человек стремился сам решать свои проблемы.

В 1995 году у нас произошел прорыв в понимании того, что мы очень мало знаем — не понимаем новых людей в рынке, новой структуры государства, не понимаем, что такое демократия в действии. Начинает бурно действовать образовательная программа, мы активно учимся, организуем семинары. 1996-й, 1997-й — годы построения сети женских организаций. Мы вернулись к тому, с чего началась идея Конгресса — объединить женские клубы, но теперь уже по области, чтобы создать сильную, координированную организацию, которая играла бы по одним правилам и была субъектом региональной политики.

Последние годы — это еще и создание ресурсных центров при библиотеках как материальной базы для сети неправительственных женских и других организаций демократической ориентации.

4. Последние выборы в регионах в органы представительной власти ознаменовались тем, что в Ковдоре стала депутатом координатор местной НЖО Наталья Куприянова. Но в областных органах власти нет участников нашего движения, хотя там работают избранные и назначенные женщины.

Теперь у нас задача привлечь внимание тех женщин, которые уже пришли к власти, к гендерной проблематике, чтобы мы говорили на одном языке. Значимость гендерного образования признают во всем мире, потому что оно влияет на принятие решений. Кроме того, мы пони-

маем, что одна или две женщины во властной структуре — это очень мало, им трудно. Когда их будет треть или половина, принимать решения с точки зрения женского менталитета, более осторожного, более щадящего, более социально ориентированного, будет гораздо легче.

Светлана Паршкова

директор Дома детского и юношеского творчества Мурманска, сопредседатель Конгресса женщин Кольского полуострова

2. Маленьких итогов в ходе нашей конкретной работы можно выудить много. Главное — сформировался круг людей, которые дышат так же, как ты.

Я сама очень изменилась. Стала твердой, в некоторых случаях даже жесткой, и вместе с тем начала воспринимать людей как отличных от меня, сознавать, что их надо не подгонять под себя, с ними надо договариваться. Кончился кризис в семье. Пришло полное взаимопонимание с мужем. Я перестала смотреть на дочь, как на объект воспитания, и наши отношения наладились. Сыну сейчас 16, он разделяет мои убеждения. Как-то во время школьной дискуссии сказал: «Да, я феминист. Я благодарю маме с такими женщинами познакомился! И считаю, женщина может быть президентом».

3. Общась с представителями других организаций, российских и зарубежных, мы сверяем систему координат. Получается: истины, до которых мы дошли, освоены мировым женским движением, они называются «паритетная демократия», «социальное партнерство». Везде во все времена организации, подобные нашей, рождались и развивались одинаково. Сначала женщины собирались на кухне и плакали друг другу на свою долю, потом говорили «надо что-то делать», росли организационно и идейно, несли идеи в общество, вступали в диалог с властью. Когда мы познакомились со 150-летней историей женского движения в Норвегии, поразились — идем тем же самым путем. Но — быстрее. Жаль, пять лет назад мы не знали того, что знаем теперь.

4. Выборы проигрываем, потому что нет опыта политической борьбы. В 1995 году, когда я вернулась с Всемирной конференции женщин в Пекине, мы начали работать над тем, чтобы администрация области приняла план по улучшению положения женщин. Была сформирована даже рабочая группа, затем губернатора переизбрали. Новый, Юрий Евдокимов, принял нас по нашей просьбе в первый месяц своего губернаторства. Мы пришли с теми же идеями улучшения положения, тем более, что к этому времени вышел президентский указ о продвижении женщин в органы власти.

Мы надеялись, что новый губернатор будет более решительно назначать женщин на руководящие должности. И хотя такие решительные действия не последовали, нельзя сказать, что эта и последующие попытки достигнуть взаимопонимания, были совсем безуспешными. В поздравительном выступлении по радио 8 марта Юрий Алексеевич говорил о проблеме равных возможностей для женщин и мужчин, о том, что как губернатор, он ответственен за реализацию этих возможностей и, понимая это, сделал в своем аппарате соответствующие назначения на ответственные посты, в частности, заместителем председателя правительства Мурманской области стала женщина.

Ирина Фогт

заведующая практикой Мурманского колледжа экономики, статистики и информатики, сопредседатель Конгресса женщин Кольского полуострова

2. Главное, что мы существуем. Организация не распалась, потому что есть система работы. Мы собираемся еженедельно, спадов или затишья у нас нет. Конгресс все время на слуху, потому что поддерживает отношения со СМИ, особенно с местным радио, телевидением — там передачи о нас и наши выступления в прямом эфире идут регулярно.

Нас меньше, чем хотелось бы. Каждый

раз, когда обсуждаем предстоящий проект, встает вопрос — кто возьмется за одно, другое, третье. Вместе с тем, мы, которым свое дело тяжело нести и жалко бросить, чувствуем плечо друг друга. Когда мне нужна была помощь, я находила ее в Конгрессе.

3. Мне кажется, зарубежные организации более открыты. Может быть, потому что у них больше для этого возможностей, но они более настроены на общение, контакты. Наши обращаются «по делу», в тех случаях, когда им что-то надо.

4. Я выдвигалась от Конгресса в областную Думу в 1994 году. Тогда выборы просто не состоялись, избиратели не пришли голосовать. А прошлогодние выборы в ту же Думу показали, что все решают власть и деньги. Из десятка претендентов на одно место люди отдадут предпочтение тому, чью фамилию успели узнать из рекламы. А кто может запустить рекламу на весь период кампании?

5. Главную идею — социальное партнерство — всерьез не разделяют ни мэр, ни губернатор. У них традиционное представление о роли женщины — надежный тыл, помощница мужчины.

6. Посеяли многое, а вот что выросло? Меня греет то, что наша работа нужна людям. Общество, — я имею в виду наше конкретное мурманское общество — постепенно начинает осознавать на уровне проблемы: существует дискриминация женщин.

Мои выпускницы в поисках работы первым получают вопрос: «Вы рожать будете?» Потом приходят ко мне: «Вы нам тогда говорили о дискриминации, мы хихикали, оказывается, правда».

Женщины начинают понимать, что о бедах, которые всегда считались личными, — пьяный муж, рукоприкладство — нельзя молчать. И лезть в петлю — не единственный выход. Надо звонить по телефону доверия, обращаться в кризисный центр.

7. Нынешней весной мы провели вторую ассамблею Конгресса женщин Кольского полуострова — достижение паритетной демократии, координация действий независимых женских организаций для достижения высокого статуса женщины в обществе.

РУКОВОДИТЬ — ЗАНЯТИЕ НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ

Хорошо быть молодым. Перспективно. Жизнь перед тобой — чистый лист. За спиной — ни грехов, ни болезней. Ставь высокие цели. Закаляй волю для их достижения.

В общем, модно быть молодым, что и говорит!

А еще модно жить в большом городе. Чем город больше, тем шире перспективы. И если ты молод, образован, напорист, твой Олимп — Москва, на худой конец — Питер...

Ну а если тебе уже пятьдесят? И когда наступило время «собирать камни», ты сам определил, что собирать их ты будешь вдали от столичной суеты — на самом краю земли Российской. Значит ли это, что жизнь не удалась? Каким шаблоном измерить счастье?

Кому и когда пришла в голову нелепая мысль о том, что творческого человека можно подвести под общепринятые мерки? А тем более, творческую деловую женщину...

Рост, вес, возраст, половая и национальная принадлежность делового человека могут быть какими угодно. И только живой, пылкий ум, стимулирующий творческую, а значит, и деловую активность человека — качество непререкаемое.

Вы согласитесь со мной, поближе узнав героиню моего рассказа — начальника отдела образования Снежногорска, маленького городка в Мурманской области, Людмилу Михайловну Пилецкую. «Вышестьдесятую мудрую черепаху», как часто ее называют за глаза.

Свою деловую карьеру Людмила Михайловна начала без тайного желания преуспеть на руководящей ниве. Просто время такое было: партия решила «надо» и она сказала «да». Было это четверть века тому...

Но закономерность в этом все же была. Свой личный выбор она сделала еще на ранней, пионерской зорьке своей жизни: школа, педагогическая деятельность. А деятельной она слыла с детства. Пионерами и комсомольцами мы были все. Но одни затевали «планов громадь», замыслили грандиозные дела, а другие эхом повторяли за ними: «всегда готовы!». Люда была среди первых. Роль ведомого не вязалась с ее кипучей натурой ни тогда, ни много лет спустя.

Еще в юности она определила для себя свод правил, которым следует всю жизнь. Складывался этот свод постепенно: где из горького опыта, где из светлого образа. Увязывая в единое целое свои и чужие ошибки, анализируя жизненные ситуации, она поняла, например, что признание приходит, когда за словом следует дело. Что независимость — это право, завоеванное высоким профессионализмом и испытанное временем. Что работу, которая не побуждает к творчеству, надо менять, не раздумывая. Как когда-то сменила она скучнейшее для себя занятие — проверку авиационных двигателей в отделе технического контроля Уфимского машиностроительного завода на другую работу — отрядной вожатой в школе. Без оплаты. Зато по сердцу...

Как спустя несколько лет благополучную для женщины карьеру комсомольского работника она не просто сменила — сломала на корню, предпочтя ей работу школьного учителя в забытом Богом поселке Териберка, на Кольском Севере.

Здесь, в школе на 400 учеников, она осваивала азы полученной в Башкирском университете профессии — преподавала русский язык и литературу.

Здесь же спустя полгода ее назначили организатором. 5 лет занималась воспитательной работой. А заодно училась печь, топить, варить варенье из северной ягоды, солить грибы и рыбу. В рыбацком поселке, где не скрошешь от посторонних глаз, она была на виду вся. Все девять лет: педагог, партгор школы, депутат поселкового Совета. А с 72-го по 75-й год — директор школы.

Копился жизненный опыт. И теперь она знала, что принимая на себя бремя руководящей ноши, надо трезво оценивать свои возможности. Теперь она могла сказать, что сделала верный выбор. Ее знали, ценили, считались с ее мнением.

В 75-м году пришло новое назначение — директором школы во Вьюжном. Через 5 лет, уже в этом поселке, где тоже все как на ладони, она поднялась еще на одну ступеньку в профессиональном росте. Пилецкую рекомендовали на заведование городским отделом народного образования. Она сама решила, что это будет пределом в ее карьере. Не «крест» поставила, а «точку». Она пришла в конечный пункт, в котором решила остановиться и делать свое дело с уверенностью профессионала. Можно было «подниматься» выше: были связи, предложения. Но решение, принятое однажды, она не изменила.

17 лет на одном месте. 17 лет совершенствования, поисков, творчества. Она стала асом в своем деле. Обрела право принимать порой непопулярные, но правильные решения. Научилась говорить «нет», если этого требует дело. Она с достоинством встречает поражения, которые случаются у нее, как и у всякого живого человека. Она научилась добиваться своего и, если это необходимо — ждать.

Ее можно не любить, но нельзя не уважать. Бездари и бездельники боятся ее пуще черта. Зато люди творческие и активные находят поддержку и понимание. Она умеет прощать и не умеет мстить. И лстыть не умеет, а вот поддержать авторитет, похвалить может.

Она знает всех: 23 года из 25 лет, что существует город, она живет здесь. Это облегчает работу и жизнь.

А что есть ее жизнь? Успешная профессиональная карьера не позволила обрести полноту личной жизни. Кому-то покажется, что ее судьба сложилась односторонне: школа, дом, работа. Но она не чувствует себя ущемленной. Она счастлива работой и друзьями, поскольку востребована и в том, и в другом. И детей у нее сотни: в разных городах и странах. Помнят, пишут, зовут ее в гости, сами приезжают погостить, приходят за советом и помощью. Не всякой матери удастся пережить столько радости и волнений со своими детьми, сколько выпало на ее долю.

Случаются минуты горечи. И разочарования. Самые неприятные — в людях. Но и самые большие удачи — в них же. Это бывает чаще.

А года три назад пришли мысли о завершении карьеры. И тут же она устыдилась их. Время ли? Столько еще не сделано! Сколько задумано!

«Гребет под себя», говорили недобрые голоса, глядя, как ведомственные детские сады переподчиняются ГОРОНО. «Гребла» вместе с материальными проблемам детских садов, зная, что именно ей придется их решать.

В условиях безденежья путей решения было три: научиться зарабатывать самостоятельно, получать гроши из нищего бюджета или обзаводиться станком для печатания денежных знаков. Криминальный путь оставим криминальному миру. А два других освоили. Рискнули и организовали объединение детского питания, которое позволило полноценно кормить детей даже в самые тяжелые времена. Да и педагогов поддерживать. Учебно-производственный комбинат стал оказывать, помимо основных, услуги на коммерческой основе. Дом детского творчества и школы стали искать пути выживания: детское кафе заработало, лингвистическую школу открыли, школу компьютерной грамотности, бухгалтерские курсы и далее, далее, далее...

Отпуская руководящие «вожди» ровно настолько, чтоб не дать им вырваться из рук, она стимулирует не только творческую, но и коммерческую активность подчиненных ей коллективов: «Хотите жить лучше — ищите пути».

В городе с населением в 15 тысяч, где дети — третья часть жителей, по-прежнему реальным остается принцип: «Все лучшее — детям».

Детское питание не прерывалось в школах ни на день, хотя в области от этого отказались, не выдержав, многие города.

Летний отдых? В самое трудное время для города дети не были лишены этого обязательного для Севера правила — выезжать на лето за пределы области.

Она холит и лелеет талантливых учеников. Добивается, согласовывает с городской администрацией назначение городских стипендий успешным студентам — выпускникам Снежногорских школ. При ее содействии открыты в городе филиалы трех учебных заведений — двух высших и средне-специального. По ее настоянию ежегодно 10 лучших выпускников поступает на учебу в Петрозаводский университет. Ее оплачивает городская администрация. За три года число снежногорских стипендиатов составило 38 человек.

Да разве перечислить все, что рождает ее беспокойное сердце!

И пусть стучит оно долго, ровно, бесперебойно. Мы слышим этот громкий стук и знаем: будет новый день.

Снежногорск

Контактный телефон Пилецкой (8-815-30) 60-142

Надежда Хлебникова

«АРМАТОР»: ДЕЛА ИДУТ В ГОРУ

Кому по силам судоремонт

Фирма «Арматор» на мурманском рынке судоремонта — образец стабильности малого предприятия в своей нише, хотя огромные заводы некогда могучей отрасли остались без заказов.

Мурманские флота предпочитают восстанавливать и обновлять суда в Северной Норвегии — качественнее и зачастую дешевле. Своим ремонтникам остается мелочевка. Частные фирмы в отрасли появляются и исчезают десятками, не выдерживая конкуренции.

Считается, что судоремонт по силам закаленным морем мужикам. В «Арматоре» — сухопутные директор Светочка и бухгалтер Ирочка.

Двое — уже команда

Сначала Светлана Дороженко и Ирина Алимкина поняли, что единомышленники. Нет, их объединило не то, что входит в понятие «женская дружба». Дружить можно со всеми, считают они, делать на равных общее дело — с очень немногими. Чтобы заниматься бизнесом на двоих, надо каждому быть профессионалом в своей сфере и вместе с тем — подхватывать и развивать идеи друг друга, иметь взаимное доверие.

Они работали на частных предприятиях, многому научились на чужих ошибках. И все же долго не решались начать собственное дело. С одной стороны — есть опыт, образование (Света — инженер-механик, Ира — бухгалтер-экономист), даже по машине у обеих (мужья-моряки вовремя купили), а самое главное — голова на плечах. С другой стороны — в себе и друг в друге они уверены, а если с обстоятельствами не справятся? За провал в бизнесе отвечают имуществом...

К решительному шагу подтолкнуло стечение обстоятельств. Одна из фирм, которую, как бухгалтер, обслуживала Ира, осталась без хозяев. Одновременно вернулись из рейса с зарплатой мужья. И на эти деньги Света с Ирой начали бизнес в возрожденной ими фирме под названием «Арматор».

В первый год остались в убытке. Но это их уже не испугало.

Без удачи нет бизнеса

Первую прибыль получили на судоремонте. Самом «грязном», неквалифицированном, где не нужна была инженерная мысль, зато в полной мере оказались востребованы их организаторские таланты.

Света с Ирой, подводя по вечерам итоги, прокручивали варианты — в каком направлении двигаться? Организация производства им нравилась больше, чем сделки «купи-продай». Но пока «Арматор» занимался чисткой котлов, он в судоремонте не выделялся. Не было своей ниши, прочного положения на рынке, успеха. И вот он выпал, счастливый случай, который — все бизнесмены с этим согласятся! — наряду с капиталом, наемным трудом и пр. следовало бы считать одним из слагаемых предпринимательства.

Когда Ира и Света узнали о судоремонтном заводе в Туапсе, у которого на Кольском полуострове не было партнеров, сразу поняли — это их шанс! Сначала заполнили Мурманск поршневыми кольцами оттуда по цене вдвое ниже, чем предлагал местный рынок. Вот тогда «Арматор» выделился из общего ряда. Посыпались заявки, спрашивали, конечно, чья продукция. Они хранили коммерческую тайну...

Как равные партнеры

Туапсинский судоремонтный знает себе цену и марку держит. В годы экономической реформы, счастливо избежав хаоса и развала, он взялся за производство запчастей для судовых дизелей. Приобрел лицензию известной шведской фирмы «Дарос». Значительную часть изделий отправляет за границу, в Греции, Голландии содержит консигнационные склады. В общем, проблем со сбытом нет. К безвестному «Арматору» из Мурманска Туапсинский завод был суров — продукцию отпущал только по предоплате. Ира и Света доказывали каждой сделкой — они не подведут. Сейчас завод выполняет заявки по звонку из «Арматора», при необходимости предприятия друг друга выручают деньгами.

Туапсинский завод не имеет сети официальных представителей. В этом смысле статус «Арматора» — исключительный. Когда фирма его получила, тогда Света с Ирой и открыли коммерческую тайну — откуда запчасти. Доверие Туапсинского завода — это часть капитала фирмы.

От сотрудничества с Туапсинским заводом пошло новое направление — «Арматор» начал размещать на российских заводах заказы на запчасти, которые мурманские лота в основном закупали за границей. Там эти втулки цилиндров и поршневые кольца — золотые. Одна из быстро изнашивающихся запчастей, например, стоит по прайсу 9 тысяч долларов!

«Наши делают не хуже и дешевле», — «Арматор» убеждает в этом клиентов, полностью отвечая за свои слова и подтверждая их документами. Поэтому, увы, с мурманскими заводами «Арматор» не работает — у них себестоимость продукции высока. Москвичи тоже заламывают цену. Значительно ниже она в провинциальной России. Выбирая самых выгодных исполнителей, Света с Ирой отправляются в командировки и вновь встречаются с «туапсинским феноменом» — мурманские судоремонтники не знают потенциальных деловых партнеров, а в российской глубинке их много. «Арматор» в их неустанным поиске добрался уже до Урала и Сибири. Чтобы привлечь мурманских клиентов к российской продукции, «Арматор» пошел даже на такой шаг: пробную партию запчастей предоставляет бесплатно. Если качество клиента удовлетворяет, он оформляет заказ.

Самые надежные прокладки

В прошлом году «Арматор» организовал в Мурманске собственное производство на арендованных станках. Выдает продукцию с названием, которое у всех телезрителей на слуху — «прокладки». Даже текст из рекламного ролика можно слово в слово повторять: «С нашими прокладками всегда будет сухо».

Прокладки в «Арматоре», конечно, не те, что рекламирует ТВ, а к дизелям. Цены значительно ниже, чем сложились на рынке. В результате конкуренты прекратили поставлять в Мурманск аналогичный товар.

Производство Света с Ирой раскрутили за четыре ме-

сяца без кредита. Деньги оборачиваются медленно, но они ведут свое хозяйство очень экономно и долгое время имели столько, сколько в состоянии были переварить. Теперь оборотных средств не хватает. Недавно попытались взять кредит в банке — всего 10 тысяч долларов на срочную операцию под залог товара — и не смогли. Малый бизнес в мурманских банках если и кредитуют, то не иначе как под поручительство и даже крепко стоящий на ногах «Арматор» не нужен, не выгоден как клиент. Поручителей Света с Ирой искать не стали, обратились к друзьям. Но ведь не дело это — на производственные цели занимать у частных лиц.

Инженер, он же грузчик

Сегодня у «Арматора» более 100 корпоративных клиентов. С фирмой работают все местные «киты» — Мурманское морское пароходство, Тралфлот, Севрыболодфлот. Есть покупатели за пределами области. Недавно они вышли на международный рынок, сделали поставки российских запчастей в Норвегию, Испанию, в планах сотрудничество с Германией, Финляндией.

Потребность души — заниматься квалифицированной работой — они удовлетворяют. Фирма не переадресовывает, откуда вслепую отправляют заказы. Руководители «Арматора» много читают специальной литературы, выполняя заявку, руководствуются не «картинкой», а чертежом. Считают, это необходимо, так как в запчастях тьма модификаций и типоразмеров. Переговоры они ведут с первыми, вторыми руководителями машиностроительных предприятий, на флотах — с профессионалами высокого класса. При знакомстве, как правило, двойное недоверие — мало того, что ты «частник», так еще и женщина. Вторая реакция — удивляются компетентности. Потом разговаривают на равных.

В малом бизнесе не каждый директор фирмы инженер, но уж точно каждый — грузчик. Несколько раз в месяц Ирочка и Светочка получают от поставщиков свои втулки цилиндров и поршневые кольца — то посылку, то багаж. Что могут, поднимают сами. С ящиками под сто килограммов на первых порах, пока «Арматор» не арендовал склад с погрузчиком, управлялись мужья. Но они, то есть жены, а не мужья, единодушно против семейной фирмы: «Зачем? На работе обсуждать семейные проблемы, а дома — производственные?»

Нынешней зимой Светочка три дня отправляла груз паромом в Норвегию. Мороз стоял сорок градусов, кран не работал, она все равно нашла выход, но с парохода ящик по ошибке сняли и бросили на причале...

Стресс они снимают чаем с конфетами.

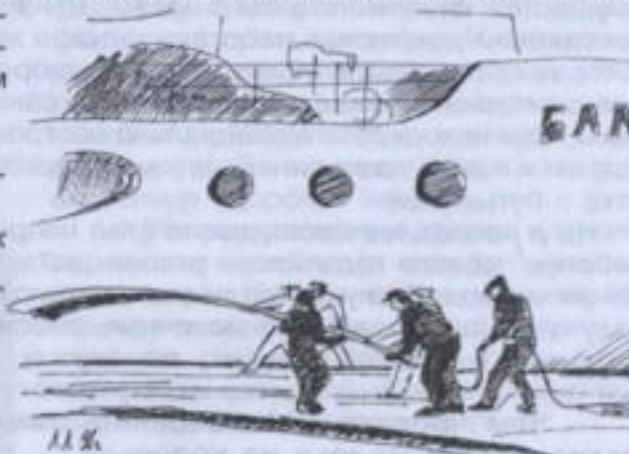
Конкурентов надо выручать

Ирочка и Светочка — так их зовут клиенты. Появилась также Галочка — новый работник Галина Рогачева, с ее приходом дела пошли в гору еще быстрее. Ласковые имена понятны почему — женщины. И частенько их называют «арматорши» — слово хорошо выражает объективную жесткость бизнеса.

При необходимости отстаивать интересы фирмы, Ирочка, Светочка и Галочка конкурентам — а это исключительно мужчины — сочувствуют не на словах, а на деле. Продадут им товар со скидкой, не залезают в их сферу и направляют к ним клиентов, ищущих то, чего в «Арматоре» не бывает. Прошло некоторое время, пока дождались ответного жеста — обратились покупатели, которым координаты «Арматора» дали конкуренты.

Мурманск

Контактный телефон «Арматора» (815-2) 47-66-12

Евгения Зимина

ЧТОБЫ РОС МАЛЫШ ЗДОРОВЫМ...

М.В.Чечулина в 1981 году окончила Свердловский государственный медицинский институт по специальности педиатрия. На Север приехала в 1983 году по месту распределения мужа, и с тех пор работает участковым педиатром в детской поликлинике. В 1996 году избрана депутатом муниципального совета г. Снежногорска.

Еще в институте, занимаясь в студенческом научном кружке, увлеклась аллергологией. Своей «привязанности» не изменила, и, как только представилась возможность, в 1985 году получила специализацию врача-аллерголога, проучившись в г. Казани, в институте усовершенствования врачей по теме: «Клиническая аллергология детского возраста».

— Марина Владимировна, общеизвестно, что аллергия — это одно из самых распространенных заболеваний конца 20-го столетия. Статистика говорит и о том, что наши, северные, дети в подавляющем большинстве страдают аллергическими заболеваниями в той или иной форме. Чем обусловлен рост численности детей, подверженных аллергии?

— Из своего 17-летнего практического опыта я знаю, что на состояние здоровья «северных» детей, в отличие от их сверстников из средней полосы и юга России, оказывают влияние климато-географические особенности региона. Снежногорск — это неблагоприятное место для проживания людей, как и весь район Крайнего Севера. Но, так или иначе, мы здесь живем, рождаем и растим детей и испытываем на себе, своем здоровье все «прелести» климата Заполярья. А это — длинная (до 8 месяцев), холодная и сырая зима, с частыми штормовыми ветрами и обильными снегопадами; полярная ночь с полным отсутствием солнечного света в течение 2-х месяцев. Это — короткое, холодное, дождливое лето со средней температурой воздуха +6-8°C. В любое время года характерны для нашего климата резкие перепады атмосферного давления, магнитные бури, пониженное содержание кислорода в атмосфере, ультрафиолетовая недостаточность. Чему же тут удивляться? Ведь в совокупности все эти факторы оказывают усугубляющее влияние на развитие и течение любых заболеваний «северных» детей. В том числе и на развитие аллергических заболеваний.

— А если учесть катастрофическое положение в экономике региона, ежемесячные невыплаты заработной платы взрослому работающему населению и, как следствие, скудное и нерациональное питание северян, невозможно вывести детей на летний период за пределы области... К примеру, о нашей пище. Термин «пищевая аллергия» тоже характерен при диагностике аллергических заболеваний у наших детей?

— В силу физиологических особенностей пищеварительного тракта ребенка — особенно в первый год жизни — проявления любой формы аллергии зависят от того, что он ест. Правильное питание ребенка на первом году жизни — это фундамент здоровья человека в будущем.

Раньше отечественная педиатрия допускала вскармливание ребенка цельным коровьим молоком, отдавая предпочтение кисло-молочным смесям. В нашем городе на протяжении долгих лет работала детская молочная кухня, которая производила молоко, кефир, творог в соответствии с гигиеническими требованиями и санитарными нормами. Она находилась в специально построенном типовом здании и имела даже линию автоматического разлива молока в бутылочки.

Но в последнее десятилетие стал непреложным факт: ребенок первого года жизни должен вскармливаться молоком матери. В случае, если это невозможно, он должен получать адаптированные молочные смеси, то есть специальный молочный продукт, по своему качественному составу приближенный к женскому молоку.

— Чем чревата для младенца замена грудного материнского молока на коровье?

— Грудное молоко (а также адаптированные смеси) обеспечивают рост и дифференцировку нервной ткани, обеспечивают становление иммунной системы ребенка. При подмене отдельных ингредиентов женского молока на сходные с ними по химической свойству ингредиенты коровьего молока возникают структурные изменения мембран и рецепторов клетки. Например, если олеиновая кислота коровьего молока замещает полиненасыщенные омега-3 и -6 жирные кислоты грудного молока, происходит нарушение центральной нервной системы. При недостаточном поступлении кальция и фосфора или замене их другими элементами нарушается развитие костной системы, формируются будущие остеохондрозы и остеохондрозы взрослого возраста. Не контролируя поступление в организм ребенка селена, йода и железа, мы не заботимся о развитии его интеллекта и памяти.

Известно, что нормальная обеспеченность цинком влияет на рост и процесс полового созревания.

Все это в необходимых пропорциях содержится в материнском молоке. Но ведь только единицы младенцев находятся на полноценном грудном вскармливании. К сожалению, очень много мам, особенно молодых мам, не кормят детей грудью. Причины разные, но факт остается фактом. А значит, и говорить о рациональном питании малышей можно с большой долей сомнения. Вот откуда происходят нарушения обменных процессов в организме детей, которые приводят к таким заболеваниям, как ранний атеросклероз, гипертония, ожирение, сахарный диабет, анемия и, конечно, пищевая аллергия.

— Спасают ли положение адаптированные молочные смеси?

— Отчасти. В грудном молоке важен не только баланс всех жизненно важных элементов, но и их легкоусваиваемая форма. Адаптированные смеси в какой-то степени позволяют скорректировать недостатки вскармливания коровьим молоком, но стопроцентно заменить женское молоко, конечно же, не могут.

— И что же мы имеем в нашем заполярном Снежногорске теперь, когда стала очевидной бесполезность существования детской молочной кухни?

— Понимая необходимость изменения существующего положения с обеспечением детей современными продуктами вскармливания, я воспользовалась не врачом правом, а другим — правом депутатской законодательной инициативы. То есть именно как депутат муниципального Совета поставила эту проблему перед администрацией города, обосновав всю серьезность последствий вскармливания наших северных деток коровьим молоком и его производными продуктами. Не скажу, что была услышана сразу. Но все же проблему разрешить удалось. И теперь каждый ребенок до 2-х летнего возраста будет получать молочные смеси бесплатно. А суммы дотаций на закупку необходимого количества молочных смесей включены в бюджет города на 1999-й год. Не забыли и кормящих мам. В этом случае предусмотрено обеспечение их соками или специальной молочной смесью для кормящей женщины «Энфамма». Но бюджет предстоит защитить, а в нашей стране это, к сожалению, всегда дается с большим трудом и с большим опозданием.

Ну, а дальше предстоит решить не менее важный вопрос об адресной помощи: детей первого года жизни из многодетных и малообеспеченных семей необходимо обеспечить не только молочными адаптированными смесями, но и соками, фруктовыми и овощными пюре, сухими кашами.

Я убеждена, что на это надо обязательно искать средства — бюджетные или от спонсоров. Тогда только каждый маленький человек вырастет здоровым, несмотря на неблагоприятные условия окружающей Снежногорск среды.

Для тех, кто готов содействовать решению наших проблем — идеями, знаниями, финансами — контактные телефоны в Снежногорске Мурманской области:

код города 8-815-30 телефоны 6-17-82 и 6-22-01

Людмила Карху

ЭКОЛОГИЯ И САМОЧУВСТВИЕ ГОРОЖАН

Впервые за 60 лет существования города, в Мончегорске проводятся исследования по оценке здоровья населения и причинам его ухудшения. Исследования эти комплексные и проводит их единственная в России Федеральная научно-исследовательская лаборатория комплексных проблем гигиены с климатом профзаболеваний города Кировска. Подчиняется она непосредственно Министерству здравоохранения РФ, и экспертные заключения по оценке здоровья населения — ее приоритетное право на всем северо-западе. Исследуя влияния таких неблагоприятных факторов на состояние здоровья, как сернистый ангидрид в воздухе, как соединение цветных металлов в различных, в том числе и в биологической, средах, содержание меди, никеля, кобальта, НИЛ может правильно оценить состояние здоровья работников металлургических предприятий и предприятий химической промышленности Кольского полуострова. Лаборатория имеет статус института и участвует в долгосрочной президентской федеральной программе «Дети России».

Научная работа, заказ на которую был сделан мэром Мончегорска еще в 1993 году, называется «Изучения влияния экологических факторов на здоровье населения г. Мончегорска и разработка программы мероприятий по снижению заболеваемости». Необходимость ее проведения была продиктована принятыми Правительством постановлением о порядке возмещения ущерба, нанесенного здоровью человека вредными экологическими и производственными факторами. Финансирует эти исследования экологический фонд города. Ученые подготовили отчет о первом этапе проведенных исследований.

Он посвящен анализу и оценке рисков врожденных пороков развития у детей г. Мончегорска в связи с воздействием вредных факторов. Из 12 исполнителей этой работы 8 — женщины.

Ведущий исполнитель, а, вернее, основной автор этих исследований — кандидат медицинских наук, заведующий отделением гигиены научно-исследовательской лаборатории комплексных проблем гигиены с климатом профзаболеваний Светлана Александровна Игнаткова.

— С какими трудностями вы столкнулись, проводя исследования по репродуктивной функции женщин, работа и проживание которых связаны с неблагоприятными экологическими факторами?

— Существует много критериев оценки высоко индустриальных городов. В данном случае выбрать какой-то один критерий оказалось весьма сложно, так как системы слежения по всем параметрам нет. Санэпидслужба отслеживает одни параметры, комбинат «Североникель» — один из основных загрязнителей окружающей Среды в регионе — другие, городская поликлиника — третьи. А мы хотели исследовать проблему репродуктивного здоровья женщин в комплексе. В этом и была первая трудность, с которой мы столкнулись в работе. У нас в руках были разнообразные данные, выполненные различными методами, из совершенно разных источников, поэтому исследования не могли быть объективными. Мы попытались приблизить Мончегорск к какому-нибудь одному критерию. Но сведений и здесь не хватало, и мы пришли к тому, что все сведения придется получать самим. В качестве объектов 1 этапа исследования мы взяли все случаи родов и их исходы, зарегистрированные в Мончегорске с 1988 года по 1993. Все необходимые данные мы взяли из архивов родильных отделений больницы. Контрольной популяцией стало население неиндустриализованных северных районов Камчатской области. Отличие популяции — отсутствие постоянных промышленных источников, загрязняющих природную среду.

— Расскажите, пожалуйста, об объеме исследования в Мончегорске и методах, которые вы использовали в работе?

— Мы провели более 5000 наблюдений историй родов, сделали анализ родов и историй новорожденных в Мончегорске и 3000 наблюдений в контрольном городе на Камчатке. В общую разработку не включались карты развития ребенка и истории родов матерей, прибывших из других регионов страны, мончегорок, беременность которых протекала за пределами области, данные по мертворожденным и поздним выкидышам в Мончегорске (48 записей, в контрольном районе 14). Для расчета относительных рисков возникновения врожденных пороков развития был применен классический метод — ретроспективное когортное исследование. Классифицировались ВПР на основе Международной классификации болезней, травм и причин смерти Деятого пересмотра 1975 года по восьми основным группам: ВПР сердечно-сосудистой системы, нервной системы, мочеполовой, костно-мышечной, системы органов пищеварения, органов дыхания, прочие и генетического характера (синдром Дауна). Для выяснения степени влияния неблагоприятных производственных факторов на развитие плода все новорожденные Мончегорска были разделены на группы в зависимости от места работы: матери — работники металлургического комбината «Североникель» и прочие. Для биологической оценки интенсивности воздействия промышленных загрязнений на организм — экспозиции: у беременных женщин и родильниц определялось содержание некоторых тяжелых металлов (Ni, Zn, Cd, Pb) и селена в моче и крови плаценты, пробы которой мы брали во время родов. В качестве контроля использованы результаты аналогичных определений, выполненных у беременных женщин и родильниц, проживавших в Мурманске, Архангельске и Киркенесе (Норвегия). Для более объективной картины и мы разбили город на участки и ставили гигиенические оценки воздушной и водной среды, почвы. За основу взяли обследование состояния здоровья населения по данным статистической документации. Изучали смертность, старались связать ее с учетом рабочего места человека.

— Сейчас, когда вы закончили первый этап и подготовили отчет, наверное, можно уже говорить о результатах?

— В целом о результатах говорить еще рано, так как из четырех этапов работы пока выполнен только один. Но данные по врожденным порокам развития уже сомнению не подлежат. Мы сделали базу данных и посмотрели, каков уровень врожденных пороков в Мончегорске. Вообще известно, что в Мурманской области выше уровень ВПР, чем в средней полосе России. Это потому, что здесь высок уровень индустриализации: на севере — «Печенганикель», в центре полуострова — «Североникель» и другие предприятия. Но предъявлять претензии только к металлургическим комбинатам нельзя. Опять же нужно изучение всех факторов производственного характера окружающей или социальной Среды. В последних исследованиях мы сравнивали неиндустриальный город северного региона с Мончегорском и выяснили, что врожденные пороки развития у нас более, чем в два раза превышали заболеваемость в контрольном городе. Очевидно, что присутствует какой-то фактор, который усугубляет положение здоровья наряду с сопутствующими. Но здесь нужны будут исследования другого рода, чтобы исключить мешающие бытовые факторы, факторы личного характера, факторы здоровья женщин. И сейчас мы подошли к тому, что база данных, которая создается в вашей санэпидстанции, поможет проводить такого рода исследования, чтобы вычленили отклонения от состояния здоровья женщин.

— Репродуктивные права женщины — это проблема номер один во всем мире. И ваши исследования являются неоценимым вкладом в обеспечение репродуктивных прав мончегорских женщин. Какая патология выявилась в Мончегорске?

Анализ полученных результатов показал, что врожденные пороки развития у новорожденных Мончегорска встречается в 2,1 раза чаще, чем у новорожденных из контрольной группы населения неиндустриализованного района. Аномалии костно-мышечной системы и врожденные патологии внутренних органов пищеварения и дыхания среди новорожденных Мончегорска встречаются, соответственно, в 3 и 2,7 раза чаще, чем у новорожденных группы сравнения. При сопоставлении частоты ВПР у новорожденных с динамикой ежегодных выбросов комбината «Североникель» в атмосферу по валовым выбросам диоксида серы обнаружена сильная положительная связь между этими показателями (таблица 3.2).

Изучив репродуктивное здоровье женщин определенного слоя населения, мы можем выработать рекомендации или какую-то программу поддержки ему. Когда мы посмотрели нашу работу, некоторые перинатальные пороки развития, которые тоже выше в нашей области и, в частности, в Мончегорске, связали с производственным фактором (с комбинатом «Североникель» и женщинами, работающими на других предприятиях и учреждениях города), то особого различия мы не нашли. Но это отнюдь не говорит о том, что комбинат тут ни при чем. Просто, может быть, взяли небольшую группу или не характерную. Всеми миру известно, что никель является априори, обладает генетическим эффектом, влияет на генетические особенности организма, он вызывает опухоли, мутагенный эффект. Он может влиять внутриутробно. В рамках проведенного исследования мы сделали определение никеля в крови и моче беременных женщин нашего города. Оказалось, что в Мончегорске уровень никеля в анализах женщин превышает в 2-3 раза другие контрольные города (это Норвегия, Камчатка). Население нашего региона испытывает усиленную нагрузку никеля на организм.

Наш регион и, в частности, предприятие «Североникель» — для ученых сейчас неистощимый клад.

Да. Сколько я помню (на север я приехала в 1984 году), мы все эти годы тесно работали с нашим комбинатом. Изучали состояние здоровья женщин по результатам медицинских осмотров и впервые тогда обнаружили репродуктивные неполадки в их организме, мы исследовали женщин, работающих в цехах электролиза никеля №1 и №2. Но это была только постановка вопроса. Сейчас она вылилась в проблему, которая требует разрешения. С норвежцами договорились о совместном сотрудничестве по обследованию женщин «Североникеля». Когда читаешь статьи за рубежом, видишь, что для подтверждения наличия никеля в организме человека требуются специальные эпидемиологические исследования. У нас же просто экспериментальные исследования. Мы можем предполагать, но доказать, что это именно влияние производства, очень сложно. Во-первых, обязательно нужно определять параллельно экспозицию никелем этого контингента, который изучаешь (экспозиция — это содержание никеля в организме человека). Репродуктивное здоровье — это здоровье супружеских пар, способных иметь детей. Это право семьи решать, сколько детей им иметь. Это медико-биологическое определение. А с медицинской точки зрения сюда входит и понятие «репродуктивное здоровье» и патология бесплодия на уровне яйцеклетки и сперматозоида. Потом может быть патология. Когда яйцеклетка соединилась со сперматозоидом, но не произошло внедрение, т.е. имплантация. Может, помешал какой-то внешний фактор. Может, еще что-нибудь. То есть на многих этапах роста человеческого организма может повлиять или внешний, или внутренний фактор. Это может быть курение женщины, может — личное заболевание — сахарный диабет или токсикоз. А внешние факторы — это факторы окружающей среды и факторы производственные. А когда уже эмбрион завязался, то в 50% случаев происходит выкидыш на ран-

них этапах. Это во всем мире величина, которая принята, подсчитана, и это нормально — организм избавляется от ненужного зачатия. Это значит, что у плода были настолько тяжелые повреждения, которые не дали ему возможности развиваться, и это хорошо. Иначе бы ребенок родился инвалидом или с врожденным пороком развития. С социальной точки зрения эта часть важна для нас потому, что, если родился такой ребенок, родителям и обществу эту ношу нести на своем горбу, чтобы вырастить этого ребенка. Спонтанные выкидыши как проявление нарушения репродуктивного порока и бесплодие — тоже проявление репродуктивных нарушений. У мужчин это — импотенция, нарушение сперматогенеза, т.е. картины спермы, которая должны отвечать определенным параметрам, различные заболевания врожденного развития. Например, нарушения самой беременности. Все это снижает адаптацию организма, и появляются токсикозы. Большое значение имеет здоровье самих детей. Сейчас мы упор делаем на детскую экологию. Если нам удастся, то хотим по архивным источникам проследить за 25 лет онкологию детей (злокачественных опухолей и незлокачественных) с учетом персональной деятельности родителей, каких-то других социальных факторов. Создается база данных. Результатом этой работы мы видим составление какой-то программы. Специальной медицинской поддержки определенного контингента в отдельном городе, в отдельном его районе. Нужна программа медицинской поддержки определенного круга женщин. Допустим, работающих на «Североникеле», которые вносят общий вклад в патологию.

Что ж, понадобилось время, пока предприятия, загрязняющие окружающую среду, стали платить за вредные выбросы штрафы. Возможно, скоро будут платить и женщинам?

У нас принят закон по возмещению ущерба для здоровья. Но законодательных актов и критериев нет. Мы же хотим ввести критерий по оценке ущерба здоровью или за вредное воздействие окружающей или производственной среды в результате этой работы. Что мы можем предложить? Во-первых, может быть, необходимо изменить структуру медицинского обслуживания. Усилить район какими-то техническими возможностями. Есть ранняя генетическая диагностика, которая нешироко у нас применяется. Может быть, какому-то контингенту эти исследования необходимы. Они дорогие и настоящие на них можно только при проведении дополнительных исследований. Тот же «Североникель» делает медико-генетические исследования женщин. Но делает для тех женщин, которых направляет врач, значит, он что-то подозревает по состоянию плода во время течения беременности. А если мы составим программу медицинского специального обслуживания и в нее включим пункт — «этому контингенту женщин требуется поголовное генетическое исследование» и пусть тот же комбинат решает эти вопросы. Это планирование беременности, в первую очередь. У нас принято в первые два-три месяца становиться на учет по беременности, когда плод уже сформирован, и факторы, которые действуют после двух месяцев, должны обладать эмбриотоксическим воздействием, таким, чтобы проходило оно через плаценту на сформированный эмбрион, то в ранние этапы, когда может быть нарушение органогенеза, женщина еще порой сама не знает о беременности и продолжает работать. Самая главная профилактика здесь — планирование семьи. Но для этого же нужны деньги, даже организовать такой кабинет без денег невозможно, а нужно проводить разъяснительную работу.

Вы же понимаете, что сейчас в создавшейся обстановке в России в связи с экономическим кризисом, кризисом неплатежей комбинату проще сократить таких женщин или вывести их из основных металлургических цехов. И в результате эти женщи-

ны останутся безработными.

Я думаю, когда женщина будет знать, что ее работа грозит ее будущему ребенку, она сама о себе побеспокоится. И спланирует беременность так, чтобы был длительный период передышки от работы. Когда организм очистился, когда она может выехать куда-то, то есть, возможность появится предотвратить эти последствия.

Каковы направления дальнейших ваших исследований?

Дело в том, что врожденные пороки развития — это показатель довольно редкий и очень трудно его изучать. Нужно набрать данных на многие годы. Мы хотим использовать метод «случай-контроль», оценить те показатели, которые больше всего изменяются, и взять контингент больше. Мы посмотрели, что по данным российской программы АГИС-здоровье наш Мончегорск на одном из первых мест в мире по заболеваниям верхних дыхательных путей и по кожной патологии. Поэтому мы решили посмотреть внимательнее. Возможно, проведем анкетирование и обследование на кожную патологию и из этой выборки проведем методом «случай-контроль» эпидемиологическую обработку исследования. Например, на 1000 учеников, которых мы посмотрим на заболевания бронхиальной астмой, аллергическими заболеваниями и кожной патологией. Последняя чаще всего является последствием воздействия окружающей среды. И среди них выберем случаи контроля. («Случай» — это с заболеванием. А «контроль» — это ребенок того же возраста, таких же параметров, но без заболевания.) За основу мы, например, возьмем работу родителей или другие какие-то параметры, социальные явления, по которым выделяется мечируемая группа, то есть к каждому случаю выделяется 2-3 контроля. И по определенной методике мы сможем оценить величину риска этого показателя. Если она высокая, то мы скажем о ней и выйдем с рекомендациями о возможности связи этого заболевания с окружающей средой.

Социальные условия накладывают на все свой отпечаток. В России они усугубились в постперестроечный период. Востребованность на ваши исследования есть, так как есть заказы, но практически выход не всегда тот, которого ждет общество. Нет денег, чтобы доводить работу до конца и получить практический результат.

Рекомендации мы даем всегда, но я не раз замечала, даже конкретно взять «Североникель», на совещаниях мы неоднократно говорили о том, что если бы хотя бы часть рекомендаций комбинатом выполнялась, уже была бы профилактика заболеваний. Увы, сплошь и рядом наши рекомендации не выполняются. Да и законодательных актов нет. Выполняя данную работу, мы считаем, что она даст материал для каких-то законодательных актов в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Может быть, можно будет принять законодательные акты на местном уровне или послать их в областную Думу депутатам для принятия решений. В прошлом году предполагалось ввести программу в области по оценке репродуктивной способности населения в связи с высокой перинатальной смертностью, младенческой смертностью, врожденными пороками развития. Предполагалось, что внедряться она будет по всем городам и в первую очередь в Мончегорске. Но областная Дума ее не утвердила. Как всегда, на это не хватило денег и программа не пошла. Очень жалко, потому что если бы она была внедрена, то начала бы работать хотя бы по сбору базы данных. Компьютеры у всех сейчас есть. За рубежом везде базы данных есть. А нам сейчас надо собирать базу данных прошлых лет, чтобы анализировать ретроспективно. Очень трудно: то одних источников нет, то других. А за рубежом все упрощается. Потому что там рождается ребенок у текстильщицы, например. Ему дают индекс текстильщицы-матери, индекс отца-металлурга и собственный индекс и мы можем

найти этого ребенка во всех медицинских документах и «выдернуть». А что у нас получается? Мы вошли в эту базу. А там нет фамилии ребенка. Есть только фамилия матери в истории родов. А дальше посмотреть этого ребеночка с таким большим трудом удается. Фамилии нет. Есть только адрес и дата рождения. Если бы это было налажено хотя бы на уровне области, то, возможно, был бы какой-то просвет в темном царстве. А пока лучом света для нас и для города является ваш экологический фонд. Пусть это лучик. Но он действительно заботится о здоровье населения. Репродуктивные функции — это неинфекционная патология здоровья населения. Нужно создать базу данных, которую можно было бы обработать эпидемиологически грамотно. Научить людей работать.

Если бы была программа, на нее из областного бюджета выделили бы деньги.

Считаю, что нам повезло, так как один из заказов правительства нам пришлось выполнять совместно с норвежцами. Они дали нам базу данных, выделили оборудование, в том числе и компьютерное, оплатили нашу работу и научили работать, грамотно проводить эпидемиологические исследования. Научил нас этому профессор университета из Тромсе. Он проводил семинары, а мы вместе с норвежцами старались делать все грамотно. На высоком современном уровне с применением новейшей программы, которую сейчас я отдала в санэпидстанцию Мончегорска. В России этой программой пока не пользуются, выходит, мы первые.

Кировск

Контактный телефон в Кировске (8231) 924-64, доб. 22

Людмила Карху

ЗА ЧАСТОКОЛОМ ПОБЕД

Со Светланой мы знакомы давно, еще со студенческих времен в Ленинградском государственном университете. Ее друг Герман, будущий муж, был моим однокурсником на факультете журналистики, а Светлана училась на филофаке. Миловидная, всегда со вкусом одетая, она выглядела элегантно в любой обстановке и в то же время удивляла своей скромностью, нежеланием выделяться из общей массы. Она уже тогда казалась умудренной жизненным опытом и многое умела. Могла сшить себе новый наряд, отремонтировать комнату, приготовить фирменное блюдо из ничего. Она притягивала окружающих спокойной, приятной манерой общения, а к студентам-однокурсникам относилась с некоторой долей материнской заботы. Тогда казалось — в жизни ей будет легко, и я мысленно желала Светлане счастья.

Но жизнь распорядилась по-своему. Мне редко приходилось радоваться за нее и очень часто поражаться силе, с которой она противостояла ударом судьбы, ее твердому характеру, терпению и выносливости. Эти характеристики уже стали классическими, они применимы к русской женщине любого поколения, в том числе и того, чья молодость и зрелость пришлось на период так называемых застойных лет и перестройку. Как часто в России дочь проходит жизненный путь матери.

Белорусская семья во время войны потеряла кормильцев — отец и старший сын погибли на фронте. Дом сгорел. На руках у вдовы остались четверо ребятишек, в том числе мама Светланы. У девочки было огромное желание учиться, но она успела закончить в школе только три класса — помешала война.

Потом мама вышла замуж за парня с соседнего зажиточного хутора и уехала с ним на стройки социализма, восстанавливая разрушенную войной страну. Вернулись к нему в дом, когда мама была на девятом месяце беременности. Нечаянно она услышала, как свекровь выговаривает сыну за его выбор — невестка-то бедная. Мама молча собрала вещи и вернулась в родной дом. Как ее потом ни уговаривали, отец приходил много раз, когда родилась Светлана, она не вернулась. Через год мама второй раз вышла замуж, и семья уехала на Крайний Север.

Училась Светлана легко, была активисткой и в пионерской организации, и в комсомоле. Одинаково любила математику и литературу. После окончания школы ей все равно было, куда поступать. Когда после выпускного школьного бала подруги сказали, что у них есть лишние билеты до Ленинграда, она присоединилась к ним из чувства коллективизма. Мама считала, что дочь из провинции напрасно метит в ленинградский вуз, он ей не по силам, но после бурного разговора положила на стол деньги и сказала: «Делай что хочешь!»

На отделение русского языка и литературы филфака Ленинградского университета был очень большой конкурс, Светлана не хватило всего полбалла. Она вспомнила, что в детстве переписывалась с девочкой из Чехословакии и выбрала славянское отделение — чешский язык и литературу.

— Студенческое время было самым замечательным, — говорит Светлана. — Нас учили великолепные преподаватели. Наша маленькая группа была как одна семья. Прошло больше двадцати лет, а мы до сих пор встречаемся. И Ленинград, конечно, покорила, на всю жизнь осталась любовью к этому городу.

После окончания университета Светлана и Герман не могли оставаться в Ленинграде. У них не было прописки, а без нее в то время невозможно было официально получить работу, жилье. Герман получил распределение в Мурманск, и Света, как когда-то ее мама, поехала за мужем на Крайний Север.

— Разве это не жертва? Ты отправилась неизвестно куда, не имея гарантированного места работы и зная, что там, в Мурманске, вряд ли будешь востребована как специалист по чешскому языку и литературе.

— Какая же это жертва? — искренне изумилась Света. — Я поехала за любимым человеком и, повторюсь, все сначала, сделала бы то же самое. Я получила специальность военного переводчика и если бы выбрала карьеру, а не Германа, оказалась бы в Чехословакии, где согласно Варшавскому договору стояли тогда наши войска. Что меня там ожидало? Быть потенциальной женой кого-то. Я знала, что даже если сама этого не захочу, мне создадут такие обстоятельства. А это не в моем характере. Вот если бы я пошла по такому пути, это была бы жертва. Только ради чего? Ради нашей армии или высших эшелонов власти? Я поступила так, как хотела, потому что считала верной поговорку «рай может быть и в шалаше, был бы милый по душе».

Мурманск оказался для молодых специалистов промежуточным пунктом. Вскоре Герман вынужден был переехать в Мончегорск, провинциальный город с населением 70 тысяч, чтобы там работать в течение трех лет собкором областной газеты. Это было решение обкома, обязательное для него как коммуниста. Света понимала, что на новом месте им будет еще труднее реализовать себя, но они с мужем надеялись спустя три года вернуться в Мурманск и уже тогда найти себе работу по душе. Хоть и не рады они были «ссылке» в Мончегорск, унывать не стали. Света устроилась на работу в школьную библиотеку, Герман освещал ударную стройку. Родилась вторая дочка. Жизнь

была насыщенной, полнокровной. Никакой беды Светлана не ждала, хотя знала — у Германа большое сердце.

Он умер в 31 год, месяц не дожив до плановой операции в одной из московских клиник. Светлана в 27 лет осталась вдовой с двумя детьми. «Я даже не сразу осознала, насколько одинокой стала моя жизнь. Ведь у меня даже своих друзей не было. Был Гера и его друзья», — говорит Света.

Она выполняла повседневные обязанности. Подъем в 6.30. Собрать дочек и развести обеих в детские сады в разные концы города. Потом на работу в библиотеку. Школьная библиотека — это изматывающий конвейер по выдаче учебников, к вечеру у нее не оставалось сил, а надо было бежать в магазин, в детские сады, приготовить ужин, уложить детей, вымыть посуду, постирать на руках (кстати, стиральной машины у нее нет до сих пор), привести в порядок одежду девочек на завтра...

С какого-то момента она совершенно перестала участвовать в этой гонимости. Внутри была пустота. Света, словно робот, механически выполняла заданные операции и не замечала людей. Приехала мама, посмотрела, как она живет, и сказала: «Ты потеряешь детей!»

И Светлана очнулась. Поняла, что надо сменить работу, чтобы появились силы и время заниматься собой и своими детьми. Она ушла в библиотеку горкома КПСС, потеряв в зарплате почти наполовину.

Над Светланой никогда не довели идеологические или религиозные догмы. Ее решение было вызвано житейскими соображениями, она знала, что в горкомовской библиотеке менее напряженный темп работы — только это ее и привлекало. К большому удивлению, она обнаружила, что в партийных кабинетах есть интересные, образованные личности — общения с подобными людьми ей очень не хватало после смерти мужа. Светлана была очень довольна новым местом. С должностными обязанностями она справлялась легко. Библиотека выписывала разнообразную литературу, среди которой она находила чтение и для себя. В коллективе к ней хорошо относились, искренне хотели помочь. Она успевала вовремя забрать девочек из школы, накормить их, отвести на занятия в кружок, вечером позаниматься с ними. Появилась мысль: «Дети в неполной семье — это неестественно. Они видят, что мама со всем справляется сама и вырастут с убеждением, что мужчина в доме не нужен».

Второе замужество не было вызвано сильным чувством. Светлана просто хотела избавиться от чувства своей ущербности и сознания неполноценности семьи. Критерии к будущему мужу не завышала: не алкоголик, порядочный, за свои слова отвечает. Так в семье появился дядя Володя. И ее проблемы возросли раз в десять. Муж после первого брака долго жил один, его надо было приучать к семейным отношениям. К тому же у него оказалось плохое здоровье.

Свое положение на работе она считала стабильным, но, оказывается, напрасно. В горкоме партии появился новый руководитель, и каждое совещание начиналось с вопроса о том, что в горкомовской библиотеке работает беспартийная. В 1991 году КПСС прекратила существование, и Светлана осталась без работы. Она попросилась в Сбербанк на самую простую должность — учеником контролера. Потом стала контролером, начальником отдела. Закончила курсы при Финансово-экономической академии в Санкт-Петербурге, прошла стажировку в банке Финляндии. Несколько лет проработала в государственном учреждении. Надоело, потому что была только исполнителем, не участвовала в принятии решений. Ушла бухгалтером в частную компанию, где больше самостоятельности в работе и выше заработок.

Компания помогает оплачивать учебу дочерей в Санкт-Петербурге. «И еще, — говорит Светлана, — я очень ценю

то, что руководители-мужчины понимают, что у меня старая больная мать и родители мужа, которым за 70. Если с ними что-то случится, я знаю, мне на этой работе помогут.»

Когда я писала этот материал, мы несколько вечеров провели со Светланой в разговорах, пытаясь найти ответ на вопросы «почему все сложилось так, а не иначе» и «кто она — жертва или победительница?»

— Я никогда не ставила себе высокие цели. Но то, что мне требовалось, приходило быстро и легко, удачно складывались обстоятельства, в нужный момент появлялись нужные люди. Я понимаю, что в профессиональном отношении способна на большее, но в маленьком городе реализовать себя трудно. Поэтому хочу, чтобы у дочерей была большая возможность для самореализации. И все-таки главное для человека семья. Она опора в радости и в горе. Когда в старости ты остаешься больным и одиноким, обретаешь спасение в семье. Оба моих брака считаю нормальными, при том, что они сложились на разных, не похожих основах. Конечно, брак — это еще и тяжелая ноша. Менталитет русской женщины не позволяет ей загружать мужа повседневными домашними делами. А у моих мужчин к тому же оказалось плохое здоровье. Но от болезней никто не застрахован. А оставить такого человека без помощи — это предательство, — подводила итоги Светлана.

... Она уходит на работу к девяти и к 21 возвращается. Она должна вовремя сдать отчеты начальнику, не опоздать с оплатой учебы детям, достать мужу редкое лекарство, позвонить в другой город и справиться о здоровье мамы.

Ее жизнь продолжается как ответственность и долг перед близкими.

Мончегорск

Контактный телефон героини (8-815-36) 3-20-17

Людмила Карху

ЖЕНЩИНЫ МОГУТ

Наталью Викторовну Залепилову — хирурга-стоматолога, специалиста по электрохирургии центральной городской больницы в городе знают хорошо. Она оказывает помощь и взрослым, и детям любого возраста. Людям с нарушенной психикой и тяжелым стационарным больным. А также тем, кого присылают на консультацию или лечение из городской стоматологической поликлиники. Про таких как она, в России говорят «одержимые». Выполняя большой объем работы по лечению стационарных больных, Наталья Викторовна умудряется вести исследования по влиянию внешней среды на заболевания зубов мончегорцев, устранять травматические дефекты лица и зубов. Она — единственная женщина в области вместе с помощниками проводит операции и лечение зубов под наркозом. Вообще-то под общим обезболиванием зубы в Мончегорске лечат с 1973 года, но тогда применялись в основном дыхательные виды наркозов. А с 1990 года стал широко применяться внутривенный наркоз. Специалистом, единственным среди женщин, которые могли бы взяться за столь трудное дело, стала доктор Залепилова. У больного ника-

лификации каждого члена бригады, состоящей из стоматолога, анестезиолога, анестезистки и медицинской сестры кабинета достигается значительная экономия времени — час-полтора. Есть в больнице и положительный опыт работы бригады из двух стоматологов, располагающихся справа и слева от больного. Лечение в четыре руки позволяет улучшить качество санации, ускорить процесс лечения, уменьшает длительность наркоза, сохраняет работоспособность врача. При отсутствии второго стоматолога анестезиологу приходится, кроме основной работы, поддерживать голову и угол челюсти, работать шпателем, пылесосом, осветительным модулем. У больного появляется эффект отсутствия на собственной операции, у стоматолога — условия для продолжительного и травматического вмешательства в ротовую полость.

В кабинете доктора Залепиловой лечат зубы те, кому это необходимо по социальным показаниям — дети, инвалиды, умственно отсталые лица, эпилептики. Лечение и удаление зубов под наркозом — это настоящая операция. Если полостную операцию, например, аппендицит, хирурги делают 40 минут, то в зубном кабинете операция длится три часа. Работает Наталья по своей методике. Если в Москве препарируют ткани зуба, ставят временную пломбу и говорят: «Завтра придете ставить пломбу», то Залепилова, учитывая и предвидя стоматогенный страх, начинает работать с больным, уже полностью обследованным, со всеми рентгеновскими снимками. И когда он просыпается после наркоза, у него во рту уже все в порядке. Кроме того, доктор во время того же наркоза успевает обработать зубы под металлические коронки. Эту методику она освоила параллельно с основной работой.

— Легко ли работать со спящим пациентом?

— Труднее, чем кажется на первый взгляд. Это тяжелый труд, — отвечает Наталья Викторовна. — Он требует большого психоэмоционального напряжения от врача, помощников, их слаженной работы и большого опыта. Медсестра Наталья Кудряшова работает со мной с 1990 года. Освоила приготовление всех видов пломбировочных материалов, является вторыми руками стоматолога. Вообще-то методика лечения зубов под наркозом не очень распространена в России. Есть такой опыт в областном центре и крупных городах, таких, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, и в нашем Мончегорске. Причина — для ее выполнения врачу необходима специальная бригада помощников и препараты, которые сейчас стоят дорого. За год в кабинете доктора Залепиловой проходит до ста таких пациентов.

Всю жизнь Наталья мечтала делать людей красивыми. Ей хотелось, чтобы у всех были чистые приятные лица, белозубые улыбки. Это и определило выбор профессии. Она закончила стоматологический факультет Ставропольского медицинского института, четверть века отработала в Мончегорске хирургом-стоматологом. А в последние годы после учебы в Свердловске получила диплом и теперь делает косметические операции кожи лица. Центральная городская больница работает сейчас по программе АНТИ-СПИД и периодически, благодаря спонсорам, приобретает современнейшее оборудование. Операции по исправлению дефектов лица пользуются в нашем маленьком городке популярностью: шлифовка после косметической операции необходима, так как после подтяжки поверхностный слой кожи считается сломанным, и на подтянутом личике появляются множественные морщины. Они прекрасно поддаются шлифовке. Кроме того, Наталья удаляет последствия угревой сыпи у мужчин, женщин, молодых людей. Причем делают их не только жители Мончегорска, но есть пациенты из средней полосы России, была одна из Ангарска, что в Сибири. А вообще-то она ехала в Москву на операцию, когда узнала о стоимости, вынуждена была отказаться. Приехала сюда к родственникам, позвонила и пришла ко мне. У нас эта операция стоит 1000 рублей, а в Москве — столько же в долларах.

Муж Натальи — тоже врач-стоматолог, поддерживает ее профессиональный рост, с ним всегда можно обсудить врачебные проблемы, а не только семейные. Наталья считает, что очень хорошо, когда в семье два доктора.

Жалеет только об одном — что сыновья не пошли в медицину. Сказалось, видимо, то, что мама всегда была слишком долго на работе.

— Но наказ я им дала, — полушутя, полусерьезно говорит доктор, — чтобы женились на медичках, и тогда надежды мои оправдаются и все будет так, как надо.

Мончегорск

Телефон: 2-23-26 (дом.)

Евгения Зимина

МАМОЧКА, ЛЮБИМАЯ...

Сказать, что я ее люблю — мало. Простое естественно было бы обратное. Уважаю? Конечно. Но вернее всего будет сказать, что я бесконечно горжусь ею.

Считается, что человек запоминает прошлое в образах. Мне же почему-то вспоминаются ощущения: свежесть новогодней елки, стук швейной машинки, аромат одобы и корицы пополам с запахом осенних костров. Через эти вот ощущения всплывают в памяти события детства, где центром всей жизни была мама.

Она все всегда умела, за все хваталась и, как ни странно, все успевала. Дети, даже в самые трудные времена, были обласканы, сыты, общиты ее руками с ног до головы. От пальтишек и сарафанов до новогодних костюмов: снежинок, космонавтов, котов в сапогах необычайной красоты и сложности.

К Новому году обновлялись самодельные гирлянды, бумажные цепи, яркие флажки. Всюду лежали вороха цветной и гофрированной бумаги, мелькали ножницы, руки были шершавыми от клея, заваренного в большой зеленой кастрюле, было шумно, тесно и весело, потому что рядом с тремя маминими дочками в поте лица трудилось с десятком соседских детей самых разных возрастов. В доме вообще всегда было много детей: от двоюродных и школьных друзей до одноклассников в студенческие годы. И всегда было угощение. Однажды одноклассник сестры сказал: «Конечно, тетя Валя, у вас все так вкусно, что волей-неволей будешь толстым».

Не одна из моих школьных подруг считает, что только благодаря общению с мамой и нашему теплоте дому, который мама создала, они состоялись как личности, как женщины и матери. Часто именно к ней, а не к нам — дочерям, шли наши друзья за советом, поддержкой. Она учила девочек шить, готовить невероятные блюда, печь умопомрачительные по красоте (и, конечно, по вкусу) торты, печатать сочинения по литературе, рефераты по истории, английскому языку (по образованию мама — преподаватель английского). Она прекрасно рисовала. В 38-м году, окончив один курс Тбилисской академии художеств, многообещающе талантливая студентка, она вынужденно оставила учебу, потому что была четвертым ребенком в семье, где бедность граничила с нищетой, а денег у рано овдовевшей матери порой не хватало даже на хлеб, не говоря уже о красках, кистях и прочих дорогостоящих атрибутах художественного ремесла. Остались от тех времен только два карандашных рисунка, которым за 50. Люди на них будто живые. А возраст седого натурщика, вероятно, такой, как сейчас у мамы: и морщинки

у глаз такие же, и сами глаза — мудрые и светлые.

Однажды мама задумала небывалое! Сделать деда Мороза в полтора метра рост. Слепила деду голову (сездили мы с ней в академические мастерские за скульптурной глиной), затем сняла со слепка маску из папье-маше, расписала ее. Папа сделал деревянный каркас, надели на него мое старое пальто, все это облекли в белоснежную вату по особой технологии. И в Новый год под елкой с мешком подарков стоял синеглазый, краснотелый Дед, улыбаясь в белые усы добрейшей улыбкой.

Через много лет такого же Деда Мороза мама сделает уже моему сыну. И уже ему сошьет традиционный костюм Кота в сапогах, всю ночь закручивая «кудри» пергаментного пера для шляпы. И уже его научит смешной песне, в которой неуклюжий медведь, как и в моем детстве, наступает лисе на хвост, а она, конечно же, поднимает крик на весь лес.

И еще 10 лет пройдет, и опять ночью (это у нас, видимо, семейная привычка) моя мама будет строчить на швейной машинке, выдумывая необыкновенный фасон настоящего «королевского» платья и столь же необыкновенной короны, чтобы уже моя дочка (тоже Валя) — ее младшая внучка — ловила на себе восхищенные взгляды детей и взрослых на новогоднем утреннике.

Каждая мать старается сделать для своих детей все, что в ее силах. Мне всегда казалось, что моя мама делает для нас сверх своих возможностей. Уже овдовев, в струнку вытянувшись, но приданое к свадьбе сделала такой красоты, что подружки ахнули от восторга — и все своими руками, со вкусом и любовью. Родился сын, а позже дочь — она тут как тут: помогает, учит, советует. Я тяжело больна — она тянет на своих плечах всю мою семью, включая домашнюю живность. Готовит разные вкусности, делает мне уколы, стирает, гладит. А ведь к этому времени ей уже 75!

Семь (уже семь!) лет назад мама вынуждена была уехать из Грузии сюда, на Крайний Север. Другая на ее месте сетовала бы, брюзжала, мол, климат не тот, да корни оборвались, да знакомые и друзья (а их в Тбилиси у нее было много) далеко. Наверное, душа ее рвалась назад и плакала по родине. Только все это осталось маминой тайной, ее внутренней болью, которой не дала она вырваться наружу, чтобы не огорчать нас, своих детей.

А потому благосклонно обернулась для нее и северная жизнь: в администрации сразу же дали квартиру (благо, семь лет назад это не было острой проблемой), оформили пенсию. Ну, а дом мамин, конечно же, и теперь открыт для людей. С мамой дружат все мои друзья и знакомые, ее соседи. И, что характерно, все они значительно моложе мамы. Это не удивительно, потому что она на редкость разносторонний и интересный человек. В свои 77 она обладает столь ясной памятью и обширными знаниями, что общение с ней доставляет огромное удовольствие, а круг ее интересов порой заставляет в смущении задаться вопросом — а не рано ли ощущаешь ты, ее дочь, признаки душевной усталости? И от невыгодного для себя ответа взбодрись, воспрянешь духом, и снова жизнь становится полной, а черную полосу сменяет белая, и чувствуешь, что ты еще ого-го! Горы свернешь и «коня на скаку...», и в «горящую избу...», и черт тебе не брат...

И понимаю, что мама моя — источник счастливой моей жизни, мой чистый, звонкий ключ, мое вдохновение. И потому пусть живет ей долго-долго. И воздай ей хоть сотая доля того света и того добра, что дарила она людям всю свою жизнь.

Контактный телефон мамы (8-815-30) 6-22-01

Психология

Продолжаем публикацию бесед Ирины и Виктора Каган о преодолении стресса. Первую статью см. в «WE/MY» №2 (18) 1998

Ирина Каган — социальный педагог Института психотерапии и консультирования «Гармония»
Виктор Каган — профессор, вице-президент Независимой Психиатрической ассоциации России

НАЕДИНЕ СО СТРЕССОМ

Беседа вторая

В каком-то смысле человек со стрессом — всегда наедине. Потому что никто не может пережить за него стресс. Потому что это ЕГО стресс. И даже самые близкие, самые помогающие люди, хотя их помощь неосценима и часто жизненно важна, пройти тяжкий путь совладания со стрессом вместо него самого — не могут. ВМЕСТЕ — могут, а ВМЕСТО — нет.

К тому же, помощь далеко не всегда легко принять. Если стресс касался только меня, то и нуждаясь в помощи, я могу не верить, не представлять себе, что кто-то другой в состоянии испытывать то, что испытываю я, и понять меня. У такой реакции есть, по меньшей мере, несколько сторон, и многое зависит от того — с какой посмотреть. Во-первых, нас могут понять, и не испытывая то же самое, что мы испытываем; к тому же, если помогающий начнет это испытывать, то он сам будет нуждаться в помощи не меньше моего. Но, во-вторых, захваченные сильными эмоциями, мы часто просто ничего вокруг не видим («ослепнуть от счастья или от горя» — в этих утверждениях очень много правды), будучи предельно сфокусированными на своих переживаниях. В-третьих, большинство из нас в большей или меньшей мере имеют горький опыт неуспешности, непонятности. Сколько раз ответом на нашу боль звучало что-нибудь вроде — у всех мама... у всех голова болит... мне бы твои заботы... Сколько раз мы сами отвечали другим таким же образом... И сколько из нас научилось не делиться ни счастьем — чтобы не вызывать агрессивную зависть, чтобы не сглазили и т.д., ни горем и болью — чтобы других не отягощали своими заботами, говорим мы тогда, а в глубине-то души просто уходим в сторону, забываемся в угол, где как ни горько одному, а всё же хоть не нарвешься на отталкивание, безразличие, откупающиеся советы, примеры из жизни советчика и проч. Замечательный американский психотерапевт — Артур Сигал — говорит о «бабушкиной психотерапии» и о «колбасной психотерапии». Первая — мудрый взгляд на ваше состояние через призму пережитого и прожитого: утро вечера мудреней... бывает и хуже... Второй — готовые стандартные советы, одинаковые для всех как одинакова для всех колбаса. Если такая помощь и принимается, то лишь от очень близкого и любящего, когда собственно слова-то и не важны, а важно быть рядом с таким человеком, черпая силы от его тепла, от памяти его прошлой помощи.

Но далеко не всегда стрессовая ситуация ударяет по одному человеку и вызывает стресс только у него (у неё). Состояние острого горя, острой утраты связаны с потерей близкого человека. Стрессы катастроф и войн — с потерей друзей или товарищей, с массовой гибелью людей. На той самой выставке в Манеже, где Н.С.Хрущёв «разносил» Эрнста Неизвестного, были представлены рисунки и картины польского художника Ксаверия Дуниковского, которого тоже считали «абстракционистом» (поколение шестидесятников помнит: идёт абстракционист, а за ним два критика в штатском...). Уже совершенно сложившимся художником-реалистом он попал в фашистский концлагерь — видел, как живых людей закапывают в ямы, прославляя этот адский пирог слоями земли; видел новогодние ёлки на плацу, «украшенные» повешенными узниками... много

чего видел, что с 1980-х годов начиная считается причиной посттравматических стрессовых расстройств. И всё пережитое им тогда, мучительно врывавшееся в сны, всплывавшее в сознании как будто сейчас происходящее — всё это было невыразимо средствами реалистической живописи. Рассказывают, что после освобождения он был доволно нелюдим. Потерявший, утративший значимых для него других людей, человек часто как раз мысли и предложения помощи со стороны отвергает как нечто невообразимое, невозможное и кощунственное: да разве после ЭТОГО можно продолжать жить, ходить на работу, смеяться, любить? Временами даже острая ненависть может возникнуть к жизни и всему и всем, что напоминает о продолжающейся жизни. Достаточно вспомнить сцену из фильма «Белорусский вокзал», когда сын погибшего останавливается, прерывает поминки по отцу, делая вещь на обывательский взгляд дикую, но единственно верную — просит собравшихся уйти. В такие периоды советы подумают о себе воспринимаются как оскорбление и не вызывают ничего, кроме желания послать советчика подальше. Воля к жизни, о которой напоминают все вокруг, воспринимается как неуместные красивые слова.

Как бы то ни было, но в период после стресса человек оказывается если и не единственным, то главным своим помощником. И поскольку цель нашего разговора — подготовиться к такой роли (мы можем мечтать о жизни без тяжёлых стрессов и быть счастливыми, когда их нет, но кто от них гарантирован?), то вполне уместно обратиться к тому, что вообще бывает. Тем более, что в этом «что бывает» можно найти достаточно важные указания на то, как помогать себе и другим.

Безусловно, жизненные травмы очень различны: утрата близкого человека, пережитое насилие — физическое или сексуальное, стихийные бедствия, катастрофы, войны — далеко не одно и то же. Но если их что-то объединяет, то это переживание горя и утраты. С них и начнём. У горя есть свои законы, которые коротко можно выразить так:

Горе, горевание это работа и она может продолжаться долго.

Горе это выражение любви, внимания и жизненных смыслов.

Каждый человек переживает горе по-своему, его переживание неповторимо и уникально.

Во время совершения работы горя и по мере того, как человек проделывает эту работу, он продолжает жить и возвращается ко всё более полной жизни.

В этой нормальной, хотя и болезненной (не в смысле болезни, а в смысле душевной боли) работе горя можно выделить десять стадий:

1. Шок, ошеломление. По существу, это мощная защитная анестезия. Она выражает себя отрицанием: «Нет! Этого не может быть!» или даже обмороком, утратой сознания.

2. Эмоциональный взрыв. Когда проходит стадия шокотерапии, эмоции становятся очень сильными, мы ещё не в состоянии осознать их и оказываемся во власти сильных и захватывающих неясных, размытых переживаний, чувствуем мощное смятение, потрясение: слёзы, рыдания, гнев, ярость, телесные рыдания — боли в сердце и другие физические симптомы.

3. Депрессия. Переживание утраты, подавленность, пустота.

4. Психосоматические реакции. Обессиленность, боли, возобновление имевшихся болезней. Иногда это те самые симптомы, которые были у ушедшего человека перед его кончиной.

5. Растерянность, паника. Неизвестно как теперь жить и что делать дальше, хватит ли сил справиться со всем этим.

6. Чувство вины за какие-то свои действия и мысли о том, что мы недостаточно помогли, что можем жить, когда его (её) уже нет. В случае собственного тяжёлого заболевания аналогичные чувства могут возникнуть по отношению к себе.

7. Агрессия, враждебность по отношению к причине горя — обида на ушедшего за то, что он больше не с нами, покинул нас, не сделал каких-то важных дел до

своего ухода. Эти реакции отодвигают чрезмерно болезненное переживание утраты и одновременно как бы заглядывают в будущее, где весь груз жизни ляжет на наши плечи; они могут вызывать вторую волну чувства вины — «Как можно?!».

8. Опущенные руки. Переживание невозможности вернуться в русло обычной жизни. Человек чувствует себя несправедливо обделённым, незаслуженно обиженным жизнью, заложником слепой судьбы.

9. Пробуждение надежды. По мере прохождения через предыдущие стадии человек начинает чувствовать, что он «продолжается» и, может быть, сумеет справиться со свалившимся на него горем и строить свою жизнь дальше.

10. Утверждение реальности. Начинающееся приспособление к новой, уже без ушедшего человека (или без каких-то своих прежних качеств, возможностей, перспектив) жизни. Это не возвращение к себе прежнему, а шаг вперёд — реконструирование жизни, построение новой реальности.

В целом это можно сравнить с медленно наступающим рассветом, когда плотность непроглядной ночной тьмы начинает разрезаться и постепенно наступает **новый день**, в приход которого совсем ещё недавно было невозможно поверить. Но иногда работа горя принимает разрушительные формы:

паники, когда нас с головой захлёстывают страх и горе;

ярости, когда мы готовы любыми средствами вытолкнуть утрату из сознания — запой, уход в наркотизацию, сексуальные эксцессы, сжигание себя на работе;

ночные кошмары, связанные с утратой;

блокада жизни отчаянием, чувством вины, гневом, страхом;

эмоциональное оцепенение, когда мы уже не можем переносить горя и ещё не можем переживать положительные эмоции;

стремление уйти из жизни, когда утрата оказывается за пределами переносимости.

При травмах стихийных бедствий и катастроф жертвы страдают от одной из следующих вещей или их комбинаций:

1. Внезапность. Лишь немногие бедствия ждут, пока нас о них предупредят (надвигающийся ураган или шторм, постепенно достигающая критической точки наводнение). Чаще всего они приходят неожиданно — как Хиросима и Нагасаки, или Чернобыль, или землетрясение. Чем внезапнее событие, тем более оно разрушительно для жертвы.

2. Отсутствие опыта. Редкость бедствий и катастроф объясняет отсутствие опыта их переживаний, и часто люди учатся переживать их на пике момента.

3. Длительность варьирует от случая к случаю. Постепенно развившееся наводнение и спадать будет не мгновенно. А землетрясение — это несколько минут, оставшихся после себя массу разрушений. Но, в общем, у жертв продолжительных ужасов (в случаях угона самолёта, взятия в заложники и т.д.) травматические эффекты могут умножаться с каждым следующим днём.

4. Неконтролируемость событий. Во время природных катастроф мы вообще не контролируем происходящее, в других ситуациях контроль резко ограничен. После травмы может пройти немало времени, прежде чем человек сумеет контролировать даже самые обычные события повседневной жизни. При длительной ситуации с утратой контроля даже у сильных и независимых людей могут отмечаться признаки выученной беспомощности.

5. Горе и утрата. О них мы уже говорили.

6. Экспозиция смерти. Даже короткие угрожающие жизни ситуации (нападение, насилие) могут изменить структуру личности человека и его «познавательную карту». Повторяющиеся столкновения со смертью могут приводить к глубоким личностным изменениям. При близком столкновении со смертью других, особенно — при участии в смерти других (вспомним, например, пилота бомбившего Хиросиму самолёта или Родиона Раскольникова) может развиться тяжёлый экзистенциальный кризис.

7. Дестабилизация жизни. Разрушения, утрата привычной среды или своей социальной роли, расположения

значимых людей — всё это приводит к жизни в новых и враждебных условиях (например, в России — жизнь отселённых из Чернобыльской зоны, беженцы из горячих точек и т.д.).

8. Моральная неуверенность. Травматическая ситуация часто ставит человека перед необходимостью принимать решения, связанные с системой ценностей — кого спасать, кому помогать, кого спасать или спасти первым, насколько рисковать, кого обвинять? Решения, которые могут изменить, перевернуть жизнь.

Поведение во время события. Безусловно, каждый в трудной ситуации хотел бы выглядеть наилучшим образом, но удаётся это не всем, если не сказать — не многим. И это может преследовать человека, когда большинство прочих душевных ран уже затянулось.

Участие в боевых действиях связано с большой длительностью, собственным участием, очень высокой экспозицией смерти, постоянной угрозой собственной жизни, действиями в аффективных состояниях или состояниях сознания, изменённых усталостью, страхом или, что же делать вид, что не знаем? — наркотической или алкогольной зарядкой, о которых говорят практически все участники войны в Чечне, например.

Что же после этого делать, чтобы помочь себе? Самое первое — поддерживать в себе стремление возвратиться в нормальную жизнь. Ничто не проходит бесследно, и жизнь будет иной, но она может быть, по выражению А.Швейцера, «жизнью среди жизни, желающей жить».

Позвольте себе страдать.

Вы страдаете от пережитого и потерь. Переживать это — правильно и естественно. Вы сможете сохранить себя, если осознаёте значение утраченного для вас.

Позвольте себе любить себя.

Любовь к себе — не себялюбие, не эгоцентризм, не преступление.

Открытая и честная любовь к себе поможет переплести опыт травмы в жизненный урок — может быть, самый важный урок в вашей жизни.

Не спешите изменять жизнь.

Состояние стресса — не самый лучший советчик и помощник. В периоды выраженного стресса все рискуют принимать не лучшие для себя и других решения.

Как бы вас ни тянуло быть в одиночестве, уйти, скрыться от всех и вся, никого не слышать и ничего не видеть, постарайтесь сохранить связь с людьми. Это нужно хотя бы затем, чтобы в какой-то момент уже не выбираемое вами уединение, а вынужденное, сковывающее одиночество не оказалось новой травмой жизни. В первую очередь это касается семьи и друзей. Их возможность понять вас могут казаться вам ничтожно малыми, но, согласитесь, они всё же больше, чем у безразличных к вам или далёких от вас людей. Возможно, вы чувствуете, что, сопереживая, соболезнуя, они заражают вас своей болью — а вам свою бы вынести, со своей бы совладать. Такое вполне вероятно — тем более вероятно, чем больше и глубже их сопереживание. Но это означает лишь то, что они тоже нуждаются в поддержке. Если можете, поддержите их, чтобы они могли более эффективно поддерживать вас. Если сейчас это выше ваших сил, то, может быть, имеет смысл поговорить с кем-то, кто не так близок, не столь вовлечён в происходящее с вами — многие люди, хотя мы не знаем и не подозреваем об этом, переживали в своей жизни нечто более или менее подобное и потому могут понять вас и ваши чувства.

Если травматические события произошли не только с вами лично и вашими близкими, то имеет смысл время от времени встречаться с теми людьми, которые пережили это вместе с вами. Объединённые общей бедой, вы сможете таким образом заложить основы группы взаимной поддержки, важной и для вас, и для других. Очень трудно переоценить то, что люди делают друг для друга в таких группах. Это гораздо больше, чем может показаться. Конечно, никто не может повернуть время вспять, «переиграть» кусок вашей жизни заново. Но когда вы остаётесь наедине с переживанием этого, группа — прекрасный помощник в работе переживания.

Если вы верите в Бога или у вас есть круг духовно близких людей — постарайтесь не терять связь с ними. Они

говорят на одном с вами духовном языке и могут понять страдания вашего духа, а не только психическую боль.

Нередко люди пытаются «удержаться на плаву» при помощи лекарств, возлагая все надежды на них. В пользовании лекарствами (разумном пользовании) нет ничего дурного — они вполне могут помочь удерживать душевную боль на переносимом уровне. Однако, никакие лекарства не восполняют утраты, и применение их целесообразно тогда, когда тревога или депрессия выходят из берегов нормальной работы горя и принимают клинический характер. Очень распространённые попытки «лечить от горя» приводят, как правило, лишь к остановке и незавершённости работы горя. Даже в случаях крайних форм реагирования лечение при разумном подходе направлено не на «ампутацию горя», а на возврат человека к нормальной работе горя.

Одна из причин отдаления от людей — стремление избежать напоминаний о случившемся. Вместе с тем, случившееся само напоминает о себе — в снах, во вспышках пережитого в предствлении. Оно требует выхода. Не важно с кем — с членами семьи, с друзьями, с чужим человеком, с вашим духовником, но очень важно — как и о чём. Говорите! Но не о том, что было, а о своих переживаниях — тогда и сейчас. Что было — уже было. Но раз за разом воспроизводя в памяти события, мы снова и снова переживаем ту же травму, умножаем её. Говорите о переживаниях. Они имеют право быть высказанными — уже хотя бы потому, что они — ваши любовь, жизненные ценности, привязанности, воля, говорящие сейчас на языке душевной боли. Обратите внимание, что на непонимание, безразличие, отторжение, раздражение и массу глупых советов вы наталкиваетесь как раз тогда, когда рассказываете о событиях. Во-первых, люди могут переживать такие рассказы как собственную травму и бессознательно от неё защищаться. Во-вторых, каждый это событие воспринимает по-своему и отвечает вам своим переживанием. Вот живой пример. Семья, эвакуированная из Чернобыльской зоны вскоре после катастрофы. Все члены семьи — кто больше, кто меньше — нуждаются в лечении. На новом месте они получили жильё, дети оказались в неплохом санатории. Их новые соседи нередко говорят: «А что? Мы бы тоже не против. Они же рассказывали — ничего страшного: не горит, не рвётся, не заливают... Ну, собрались. Ну, переехали. А теперь у них всё, чего у нас, живущих здесь всю жизнь и повидавших не меньше их, не было и не будет». Но рассказы они соседям о том, что переживали и переживают (об ужасе перед невидимой радиацией, которая достаёт тебя и твоих близких всюду, а ты не можешь защитить ни их не себя; о страхе, с которым ждёшь каждого анализа крови у детей и близких взрослых — «Ну, ладно я, но они?!» и т.д.) — и реакция могла бы быть иной. Те же самые люди могли бы и понять, и ответить, и поддержать. С близкими — то же самое. Дайте им возможность понять то, что вас сейчас мучает, а не то, что эти мучения вызвало.

Когда болит душа — всегда вместе с ней, а иногда — отводя от неё боль и как бы беря её на себя — болит и плачет тело. Ваше тело — тоже вы. Оно не машина. Оно нуждается в заботе и поддержке не меньше души. В конце концов, оно — в каком-то смысле — дом души. Дом, который должен быть домом, а не продуваемой всеми ветрами шаткой конуркой. Скованное болью тело нуждается в движении — дайте, помогите ему подвигаться. Уставшее от боли — оно нуждается в отдыхе и сне. Душа отвергает мысль о еде, аппетита нет? Дайте телу стакан сладкого чая, съешьте горсть орехов. Это всё вроде и понятно. Но пережившие тяжёлые события люди нередко чувствуют себя виноватыми и бессознательно ведут себя по отношению к телу как жестокие воспитатели по отношению к ребёнку.

Занятия, которые вы раньше любили, которые радовали вас — сегодня вовсе не предательство или знак беспомощности. Чаще, напротив, они — продолжение общения с теми или тем, что утрачено. Люди верующие говорят, что души ушедших радуются, глядя на полновесную и полноценную жизнь оставшихся.

Нередко люди стремятся преодолеть душевную боль, буквально истязая себя внешними, чуждыми для них схемами её преодоления. Лучше, если вы сможете прислу-

шиваться к собственным состояниям и потребностям. Ну, скажем, как беременная женщина, жующая кусочек откопченной от стенки извёстки. Хочется побыть в покое? Скажите просто — извини (-те), мне бы хотелось сейчас побыть одному (одной). Вас поймут, а если и обидятся — то немного и ненадолго. А насилуя себя общением, не решаясь это сказать, вы рискуете в конце концов убежать в одиночество, причиняя и им и себе много больше страданий.

В памяти вертится, всплывает, по ночам снится пережитое. Не гоните это, не пытайтесь уничтожить — это часть вас и вашей жизни. Гораздо лучше побыть с этим, взглянуть, поговорить со своими воспоминаниями. Возможно, эти слова кажутся вам странными, но имеют смысл учесть, что именно попытки такого общения с прошлым и людьми из прошлого образуют сердцевинную часть многих очень эффективных психотерапевтических методов помощи при травматическом стрессе. Можно, например, написать письмо в прошлое — кому-то, перед кем вы чувствуете себя виноватыми, и рассказать о своих сегодняшних чувствах в этой связи.

Когда стрессовые переживания сильны и вызывают сильную тревогу и подавленность, часто кажется необходимым принять «поворотное» решение, резко изменить жизнь. Однако, торопиться с этим не стоит. Не стоит принимать принципиальных жизненных решений в такое время, потому что тревога и подавленность — не самые хорошие советчики. Они толкают к побегу от того, что тяготит, но не подсказывают — куда, как и зачем двигаться в жизни. Удержаться от желания перемен трудно, но постарайтесь контролировать их — осознавать, зачем вам та или иная перемена.

Житейские привычки, привычное окружение, привычные, родные вещи и занятия, привычные стиль и темп жизни, не говоря уже о близких людях, создают поддерживающее поле, обладающее мощным притяжением. Как никто другой, это чувствуют участники войн и люди, которых травматические события застали вдали от дома. Но порой, когда мы, наконец, попадаем в это поле, в нём как-будто что-то выключается, и оно не работает. То и те, с кем и кем мы ждали встречи как манны небесной, вдруг оказываются мелким, блёклым, пустым, холодным, а то и раздражающим. Душа тогда кричит: «Почему???» — и не находит ответа.

Давайте поищем его сейчас, когда возможен спокойный взгляд как бы со стороны. Во-первых, в самой обычной жизни каждый из нас много раз убеждался в одной вещи. Страстно предаваясь что-либо, тысячу раз вообразив и представив, нарисовав и разрисовав желаемое в воображении — мы бываем разочарованы или, наоборот, обрадованы реальностью. Не об этом ли писал Роберт Рождественский: «Есть такая станция — Первая Любовь. Там темно и холодно. Я проверял? А один мальчик, боявшийся стоматолога пуще конца света, терпеливо вынес весьма болезненную процедуру: «Я думал, что это намного хуже!». Во-вторых, мы об этом уже отчасти говорили, ожидание встречи с привычной жизнью круто замешано на стремлении избавиться от травмирующих вещей. Когда избавление состоялось, может оказаться, что мы стремились не столько к дому, сколько от или из ужаса войны/катастрофы. В-третьих, мы можем просто не переключиться на жизнь в «родном» пространстве, переноса в него те стили и способы поведения, которые были нашими в той, другой, страшной жизни, но в этой — неуместны. Так бывает с готовностью к агрессивному поведению у людей, прошедших пекло боевых действий. В-четвёртых, травмы, кризисы, стрессы дают огромный, непомерно иногда большой опыт: мы чувствуем как изменились мы и как осталось неизменным, отстало от нас то, что мы раньше любили. В-пятых, мы бываем сконцентрированы исключительно на себе, оглушены травмой (что-то вроде психологической контузии) и не думаем, не замечаем, не слышим, что другие — те, кто нас ждал и встречи с кем мы ждали — не могли на это время погрузиться в спячку или окаменеть. Они ждали нас — да, но они и продолжали свою жизнь, в которой были переживаемые ими радости и огорчения, счастье и боль. Наше возвращение и для них тоже становится встречей с родным, своим, близким. А стало быть, они тоже хотят чем-то поделиться, что-то рассказать, а не только нас выслушать. В-шестых, наш

привычный мир, куда мы так хотели вернуться, с одной стороны, вроде бы застыл на месте, а с другой, в чём-то изменился. И там, где ноги привыкли ходить по ровному месту, вдруг оказывается вмятина, выбоина, ручей или валун. В-седьмых ..., в-восьмых ... Но так или иначе, вымечтанная встреча с домом — это не встреча прежнего меня с прежним домом: мы изменились оба. Разве к матери после года войны в Чечне вернулся её прежний мальчик? Разве вернувшийся застал прежнюю маму? Этот год изменил их обоих.

Недаром древние говорили, что в одну и ту же реку нельзя вступить дважды. Она та же и не та. Дайте себе время, позвольте себе радость познакомиться с ней так же, как знакомились когда-то, впервые. У одного из нас был пациент — мальчик лет одиннадцати. Очень способный, но на протяжении пяти лет учёбы буквально замученный тремя часами ежедневной дороги в престижную школу и обратно, сверхсовременными и сложными программами, репетиторами и частым в таких случаях одиночеством среди сверстников. Получив академический отпуск, он неделю проспал едва ли не сутками напролёт, потом начал играть ... игрушками, которыми играл в 3-4 года, потом — игрушками более позднего времени и ещё более позднего, потом мать услышала (впервые за пять лет, — сказала она) как он напевает, играя у себя в комнате. Он входил в «мирную» жизнь после пяти лет кошмарной войны за победу родительских амбиций с мудрой постепенностью.

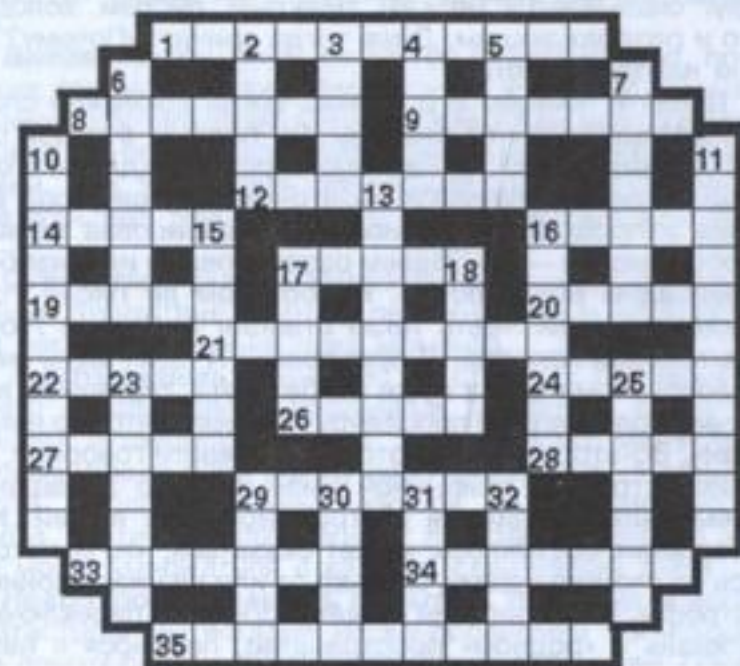
Совсем не редко, если не сказать — очень часто, пережившие стрессовую травму люди избегают помощи психолога или психотерапевта даже там, где такие специалисты есть: «Что я — псих, что ли?!». Многие стоят за этим. И традиционный страх перед психиатрией. И понятное, но в общем-то наивное желание вернуть прошлое, вычеркнуть из жизни тяжкий опыт. И опасения,

что работа с психотерапевтом заставит прикасаться к болезненным точкам души. И ...

В чём же задача психотерапии? Она может помочь завершить незавершённые душевные процессы, связанные с работой горя — переживать обиду, растерянность, гнев, ужас, найти слова любви и прощения, которые не были сказаны. Она может помочь душевно переварить травмировавший опыт, делая его новой жизненной силой, беря у него урок, и научиться использовать свои внутренние ресурсы для совладания с жизненными трудностями вообще. Психотерапия не делает что-то с вами, что может быть для вас хорошо или плохо, — она работает вместе с вами, исходя из ваших устремлений и неиспользованных внутренних ресурсов.

Если вы чувствуете, что не очень справляетесь с одолевающими вас переживаниями или собственным поведением, что вы почему-то вызываете озабоченность у семьи и близких, что вас тянут опасные и саморазрушительные формы поведения (агрессивность, выпивка, наркотики) — значит, время для обращения, безусловно, пришло. Представьте себе, что у вас спрашивает совета кто-то близкий: «Идти ли и когда к психотерапевту?». Что вы посоветуете — ждать, пока появится всё перечисленное, или обратиться, когда они ещё, что называется, в зародыше? А сегодня, в отличие от того, что было у нас в стране ещё недавно, обратиться есть куда — работают «Телефоны доверия», ведут приём психологи и психотерапевты самых разных школ и направлений ... Отлично, если вы справляетесь с последствиями стрессовой травмы сами. Но справляться самим — не значит выбирать одиночество. В не меньшей мере это значит ещё и уметь принимать помощь, находя себе эффективных помощников.

КРОССВОРД от Игоря Тимошина

По горизонтали:

1. Одна из первых звезд советского кино. 8. Древнегреческая богиня плодородия. 9. Первый христианский обряд для монастырских послушниц. 12. Обряд для жениха и невесты. 14. Имя отечественного кутюрье. 16. Лавка, где раньше хозяйки покупали муку. 17. Учение, направление (по-латыни). 19. Предшественница скрипки. 20. Президент МДФЖ Ф.Браун по отношению к членам федерации. 21. «Красавица грядет» — одним известным древнеегипетским словом. 22. Пятнадцатистроичное стихотворение. 24. Центр мировой моды. 26. Мечта любой женщины — французский курорт. 27. Сосуд для приготовления кофе. 28. Древнегреческий гигант. 29. Обед у плохой хозяйки. 33. Электронная копилка. 34. Отечественная фабрика косметики. 35. «... юная убита.» (Б.Окуджава).

По вертикали:

2. Отечественный «Цветочный» стиральный порошок. 3. Поступок скороговорной Клары. 4. Зверь, которого в старину подавали на пирхах. 5. Ласковое обращение к женщине и домашнему животному. 6. Чем был карп для Мальвины. 7. Мореплаватель, о котором рассказывала Шехерезада. 10. Мужская рубашка, одно время модная у женщин. 11. Чувство досады, часто возникающее перед разводом. 13. Название березок или облаков на сцене. 15. Кинорежиссер, автор фильма «Не болит голова у дятла». 16. Каждый, кто пленил Гулливера. 17. Домашний аппарат для газировки. 18. Имя легендарной няни. 23. Юноша, наказанный Афродитой. 25. Женская накидка без рукавов. 29. Конкурс художественной самодеятельности. 30. Архитектор Петербургского театра, где играла В.Комиссаржевская. 31. Праздничное творческое кушанье. 32. Название драгоценных камней, которые носили древнерусские княгини.

ОТВЕТЫ

По горизонтали: 1. Титан. 2. Титан. 29. Стриптиз. 33. Ксерокс. 34. «Свобода». 35. Маркитантка. По вертикали: 2. Лотос. 3. Кража. 4. Венер. 5. Киска. 6. Зеркало. 7. Синдбад. 10. Косоворотка. 11. Раздражающее. 13. Дюймовочка. 15. Асинов. 16. Лилипут. 17. Сифон. 18. Арина. 23. Нарцисс. 25. Ротонда. 29. Смор. 30. Россия. 31. Пасха. 32. Рычит.

Мелочи жизни

Елена Черкасова

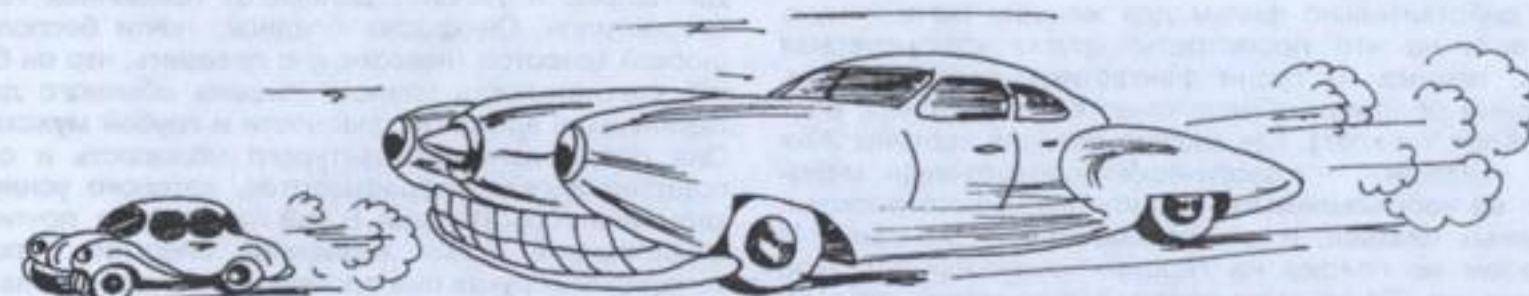
ЖЕНЩИНЫ НА ДОРОГАХ

Мысль написать о женщинах-автомобилистах пришла еще два года назад, когда этому вопросу стали уделять внимание и пресса, и телевидение. Даже конкурсы какие-то проводились, шоу. Затем заглохло, видно, за невозможностью найти милых привлекательных дам, способных выставить свои прелести и хоть как-то вписаться в предлагаемые зигзаги.

Вообще-то, мужчины, как вы не негодуете по поводу женщин за рулем, а в душе у вас все-таки екает, когда этакая длинноногая красавица в иномарке подруливает к какому-нибудь бутику.

Но мне хотелось бы остановиться на другой женщине за рулем, которая и на «дуде игрец», и за рулем старенькой машины вывозит свое безмужчинное семейство на дачу, в деревню, а затем каждый выходной мчится тула с едой, одеждой, пленкой для парников, забытыми вещами, лекарствами и прочим скарбом, необходимым ребенку, бабушке, дедушке и прочим домочадцам.

И вот она (все-таки слабое, согласитесь, создание, и легко возбудимое) на подмосковном шоссе в атмосфере Великого хамства и «закона джунглей», царящих как в

нашей жизни вообще, так и на автотрассах в частности, создающейся нашими, со вчерашнего похмелья, мужиками. (Да простят меня наши политики, журналисты, киллеры!)

Это тебе не зарубежное кино, где красотка голосует и выстраивается ряд обаятельных мужчин, желающих ей в чем-то помочь.

Да ладно о кино. Наша героиня из другого романа. Наипервейшая задача — заправить бензобак. На многих АЗС есть удобная заправка и неудобная, то есть с одной стороны подъездишь и заправишься без проблем, с другой же, ввиду короткого шланга, заправиться сложнее и машину надо подавать задом, что крайне неудобно. По какому-то невероятно фатальному принципу я всегда попадаю в очереди именно с этой стороны и задолго до заправки начинаю дергаться и смотреть, как неуклюже совершают этот маневр некоторые мужчины. И вот выбираю немолодого и, на мой взгляд, скромнягу-мужика, и призвав на помощь какое ни на есть обаяние, предлагаю поменяться очередностью и пропустить меня вперед или, наоборот, назад. Каков же исход? В лучшем случае простое непонимание и нежелание расстаться с удобством, в худшем — жалеешь, что родилась женщиной.

Какая уж тут просьба о помощи поднять в багажник двадцатилитровую полную канистру или придержать десятилитровую, которая падает при сильном напоре струи. Все это, конечно имело актуальность в прошлом, так как сейчас малявки заправочного бизнеса за тысячу (за пятьсот делают замечание) решают эти проблемы.

С горем пополам заправились, и оставив часть бензина на асфальте, буквально влезаю в поток дачников. В правом ряду идет большегрузный транспорт, «последние из могикан» «Запорожцы» и прочий антиквариат. В крайнем левом идет бой не на жизнь, а на смерть за право

лететь, разве что не отрываясь от земли. И не дай Бог женщине, да еще на какой-нибудь убогой машине, влезть в этот привилегированный ряд престижных иномарок и отчаянных лихачей: тебе начинают в полном смысле слова «наступать на хвост», светить фарами, подавать звуковые сигналы, от которых в дрожь бросает, благо сейчас палитра звуков разнообразна, от собачьего лая до полицейской сирены. И я как псих жму на газ, убраться просто некуда — слева все занято, а сзади садист, при обгоне вижу его свирепую морду и, слава Богу, не слышу непечальную речь. Чувство глубокой ненависти ко всему мужскому роду поселяется в недрах моей души, на ум идет ограниченный запас нецензурных слов... Становится легче.

Мой путь лежит по Горьковскому шоссе, через знаменитую автоцентр свирепым ГАИ, блатными военными частями, бесконечно загруженную автомобилями дачников Балашиху. Один «умный» думал, думал и придумал осушить «на халяву» гнилые, постоянно горящие торфяники под Орехово-Зуево и Шатурой, дав там люду московскому несметное количество садовых участков. Сколько же сожжено бензина и как едут до своего «лесо-кирпичного рая» «безлошадные» страдалцы — это надо видеть. У меня всегда возникает желание пригласить этого «умного» в гости, да без машины, а лучше ее отнять и подарить ему там дачу, да чтоб на всю оставшуюся жизнь, да всей семье. Поздно. Построились. Ездим. Нового не создать.

В «часы пик», то есть в пятницу вечером, субботу утром, воскресенье вечером, проезжая через Балашиху, я теряюсь в догадках, сколько-полосное движение там

Ката Поллит

ПРОПУСТИТЕ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ!

Говорят, эпоха феминизма закончилась — возвращаются «старые добрые времена». Снова в моде целомудренность, белоснежные свадебные наряды, рыцарские поступки и сигары. Ортодоксальные дарвинисты убеждены, что женщины (по крайней мере, их гены) жаждут опеки солидных мужчин с толстыми шеями и толстыми кошельками. А ортодоксальные христиане считают, что женское счастье заключено в уходе за домом и «благоверным». Что уж тут говорить о Голливуде! Когда в последний раз цитадель киноиндустрии апеллировала к «слабому полу»? Десятилетия назад! Да и зачем снимать фильмы для женщин — ведь в кино они смотрят не на экран, а на своего спутника!

В этом разгуле консерватизма с особенным удовольствием воспринимаешь фантастический успех фильма «Титаник» режиссера Джеймса Камерона. Джейн Маслин из «Нью-Йорк Таймс» не стала «вешать» на эту суперпопую (высокие технологии, 200-миллионный бюджет, самый дорогостоящий фильм за всю историю кино) отпугивающий ярлык «фильм для женщин». А между тем именно женщины (в особенности девушки-подростки), по несколько раз, да еще и группами «отсмотревшие» этот фильм, сделали его самым доходным блокбастером всех времен и народов.

Это действительно фильм для женщин (хотя и мужчинам есть на что посмотреть: крутая компьютерная графика, техника на грани фантастики, разгул стихии, живописные обломки, обилие смертей, и, наконец, роскошная Кейт Уинслет). Как многие великие картины 30-х и 40-х, «Титаник» — классическая слезоточивая мелодрама с ее необъемлемыми атрибутами: много роскоши и шикарных платьев, в центре событий — женщина. И она совсем не похожа на героинь «женских» фильмов последних лет. Ей не надо делать выбор между работой и любовью, одиночеством и несвободой. У нее нет мужа-самодура, смертельной болезни, бритой головы, ребенка, которого похитили ради выкупа. Ее не постигает «кара» за сексуальность: никаких подпольных абортов, домогательств, изнасилований и СПИДа. Она не содержанка и не измученная жизнью домохозяйка. Нас не просят поверить, что она без ума от Вуди Аллена, и что ей нравится быть проституткой, пусть даже и на одну ночь.

Как вы, наверное, уже знаете, «Титаник» — история о 17-летней Роуз (Уинслет), которую тщеславная, бессердечная и скрывающая свое банкротство мать «продает» замуж за очень богатого и очень гнусного Кэла (Билли Кэйн). На печально известном корабле Роуз возвращается в Америку, где и должна вступить в брак. Со скуки и тоски она совершает робкую попытку самоубийства, от которого ее спасает Джек (Леонардо Ди Каприо), странствующий художник «из народа». Всю оставшуюся часть фильма они влюбляются, ужинают в первом, а танцуют в четвертом классе, прячутся от Кэла и его злокозненного слуги (Дэвид Уорнер) и спасают друг друга от гибели в волнах. Мы с самого начала знаем, что Роуз выживет, потому что уже видели ее сегодняшнюю — все еще привлекательную в 101 год «богемную» даму (Глория Стюарт). И (уже без подсказок) нам совершенно ясно, что Джек погибнет. Иначе бы просто не было фильма.

«Титаник» критиковали за глупый сюжет, непрописанные характеры и нелепые диалоги («Вот здесь мы впервые встретились!» — мечтательно говорит Роуз Джеку, в то время как они оба цепляются за мачту, а вокруг с дикими воплями падают в воду люди). В фильме множество анахронизмов (Роуз отпускает шутки насчет мужского члена и делает непристойные жесты; и днем и вечером красит губы ярко-алой помадой; принимает коварного Кэла в

неглиже и остается с ним наедине. К тому же, моя дочь уверена, что в одной из ключевых сцен на экране мелькнул десятицентовик с отчетливым профилем Франклина Делано Рузвельта). Создатели британского фильма «Памятная ночь» (1958 год) сумели лучше использовать накопленный объем знаний о гибели океанского лайнера — в частности, о его героях-радиодах, их отчаянных попытках связаться с проплывавшими мимо кораблями. К тому же, английский фильм дает больше представления о том «разноуровневом» снобизме (классовом, имперском, индустриальном, технологическом) который, собственно, и привел корабль к катастрофе. «Не плавай на больших лодках, не то потеряешь любовника!» — саркастически определила моя дочь главную идею фильма. Но Камерон замыслил свою картину, как поэтическое эссе на тему классовых, половых и даже (несмотря на отсутствие «цветных» героев) — на тему расовых противоречий. Потопление «Титаника» должно символизировать гибель «старого мира», в котором жестокий, хищный, скрывающий свое убожество «высший класс» третирует пролетариев и иммигрантов и продает своих дочерей богатым женихам. Конечно, все это чистая демагогия. Камерон практически не персонажирует пассажиров третьего и четвертого класса, права которых якобы «отстаивает». Более того: по словам Питера Мейера, одного из главных исследователей гибели «Титаника», в фильме преуменьшено число погибших среди «второсортных» пассажиров и членов команды. Короче говоря, «Титаник» можно назвать продемократическим фильмом только в том смысле, в каком Диана была «народной» принцессой.

И все же, для миллионов женщин Диана действительно была народной принцессой. И в контексте голливудского кино, «Титаник» — феминистская картина. Ди Каприо и Уинслет далеки от привычных гендерных стереотипов. Он красив бледной, почти бесполой юношеской красотой (невозможно поверить, что он бредет); его сексуальность начисто лишена обычного для кинолюбителей элемента опасности и грубой мужской силы. Она (Роуз) излучает цветущую молодость и силу, напоминая ангела прерафаэлитов, которого усиленно откармливали ростбифом. В ней горит яркое, почти сверхъестественное пламя жизненной энергии: с пожарным топориком в руках она пробивается сквозь шквалы волн, чтобы спасти своего Джека, ее серое с розовым платье изорвано в клочья, роскошные волосы струятся, как потоки воды... В этот миг она похожа не на валькирию, на прекрасную и могущественную ведунью.

Старая Роуз, дожившая до наших дней, рассказывает, что «Джек спас ее, как только можно спасти женщину». Благодаря ему она открыла в себе чувственность и свободный дух; отсеклась от жениха, матери и своего класса; прожила долгую, интересную жизнь — была актрисой, гонимой, авиатором, путешественницей, матерью (об этом нам говорят фотографии возле ее кровати). Полторы тысячи людей погибли в страшных мучениях — но это фильм со счастливым концом и оптимистическим взглядом на эпоху. Двадцатый век для многих стал веком потерь, разрухи и бездомных скитаний. «Титаник» рассказывает женщинам совсем другую историю.

Я бы назвала этот фильм «сказкой для женщин», своего рода освобождением, которое дарует преданный, самоотверженный, очаровательный, веселый и необыкновенно красивый возлюбленный. Он пробуждает твою душу и твоё тело, указывает тебе путь в бесконечное, богатое событиями будущее... и умирает — прекрасной, поэтической, трагической смертью. Но перед этим все же успевает сказать: ваша встреча стоит того, чтобы заморозить насмерть в ледяном, усеянном трупами океане. «Он должен был умереть», — сказала одна моя подруга, — потому что иначе Роуз ожидало бы большое жизненное разочарование». У меня самой мелькнула такая же мысль: назовите мне хотя бы одну жену художника со счастливой судьбой!

Романтический феминизм — вот что нужно женщинам. До встречи у киноэкранов!

* Перевод публикации из журнала «The Nation». Печатается с разрешения редакции.

